

На боевом посту

БП

1'91

ЖУРНАЛ

ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

Семья военнослужащего
снимет квартиру
на длительный срок
порядок оплаты
госплативуем

Особый район: жизнь или выживание?

«Украинский фюрер» Степан Бандера

В. Пикуль. «Барбаросса»

За нашу Советскую Родину!

на боевом посту
БП

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК**

1'91

Издается с 1958 г.

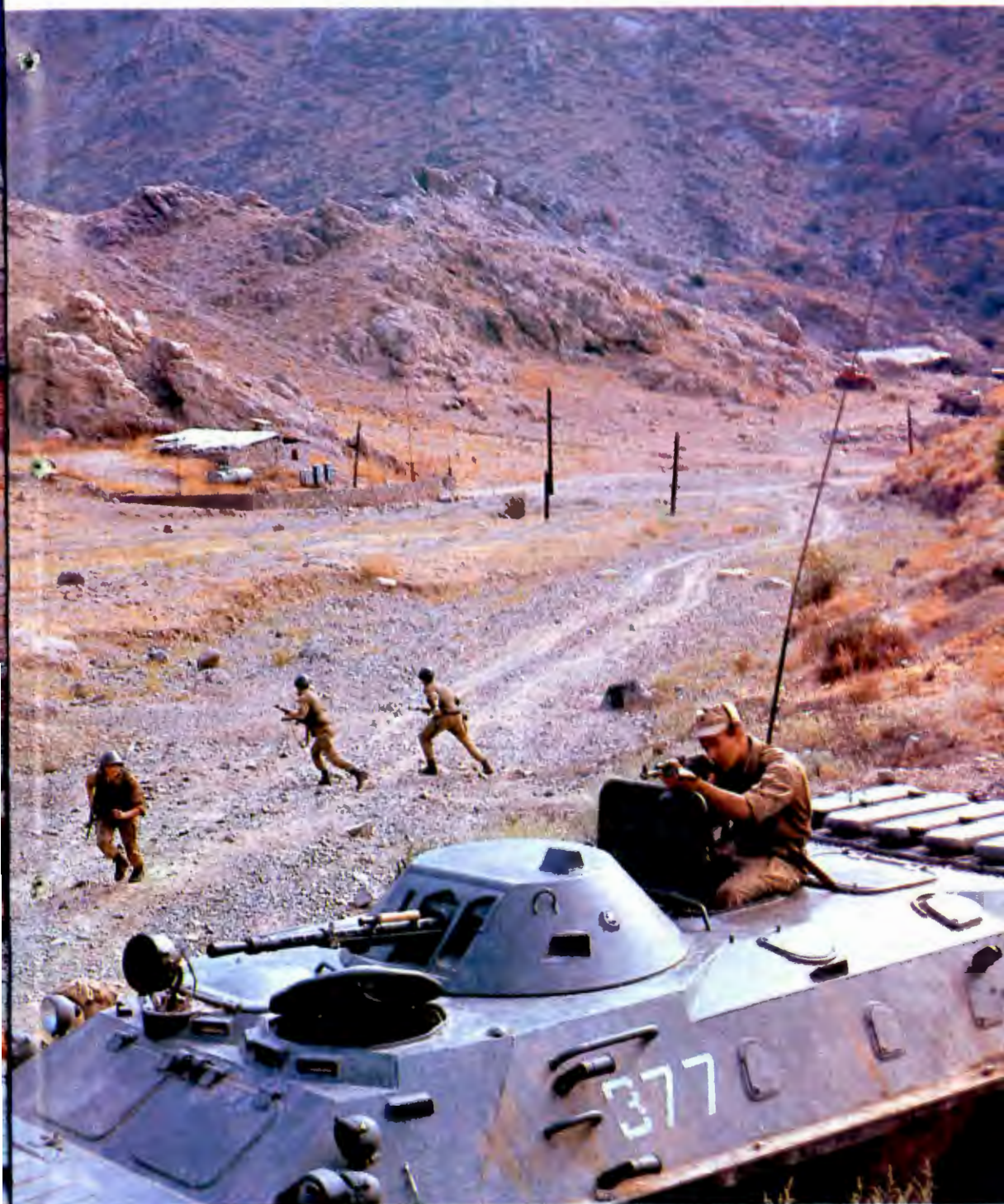
Учредитель — МВД СССР

Главный редактор
А. Г. ГОРЛОВ.

Редакционная
коллегия:
В. В. АСТАШИН,
В. В. БАРСУКОВ,
Б. Р. БОРУКАЕВ,
В. И. БУСЫГИН
(ответственный
секретарь),
Ю. В. ДУРНЕВ,
Н. М. ЗАХАРЧЕНКО,
А. П. КОТЛЯРОВ,
И. Т. КОЗЛОВ,
В. Ф. КУЗЬМЕНКО,
Г. А. МАЛЮШКИН,
Е. А. НЕЧАЕВ,
Л. А. ПАНКРАТОВ,
Л. Н. ПЕЧЕВОЙ,
Ю. Л. РАЖЕВ
(зам. главного
редактора),
П. А. СТУДЕНИКИН,
В. Н. УСКОВ
(зам. главного
редактора),
В. А. ШОШИН.

1-я с. ОБЛОЖКИ:
фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

МЕЖ НЕТ, ЭТО НЕ АФГАНИСТАН... НО
ЗДЕСЬ ВЗРЫВАЮТСЯ МИНЫ ПОД
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМИ СОСТАВАМИ,
ЗДЕСЬ СЛУЧАЮТСЯ АРТОБСТРЕЛЫ,
ЗДЕСЬ УБИВАЮТ СОВЕТСКИХ СОЛДАТ.

ДВУХ ОГНЕЙ

Это — Мегринский участок железной дороги, который связывает бывшие братские республики.

Солдаты внутренних войск между двух огней. Им приходится охранять мирные сепаратистские, армянские и азербайджанские, обеспечивать безопасность поездов, независимо от того, в какую сторону те идут — из Еревана ли в Кафан, из Баку ли в Нахичевань, из Москвы ли в Тегеран.

■ Что впереди! Ефрейтор Сергей Головченко весь внимание.

■ На посту наблюдения старший лейтенант Сергей Серогодский и рядовой Владимир Афанасенко. Отсюда как на ладони станция Ньюади, ближайший тоннель.

■ Справа шумит Аракс. Слева стреляют горы. На маршруте патрулирования рядовые Игорь Яковлев и Виталий Капустин. Опять по шпалам.

■ Предельно внимательны сержант Помек Калайдопуло и рядовой Василий Бимбенюк.

■ КПП. как на фронте — окопы, бронетехника...

Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

Застава на окраине села Ньюади — единственный оплот безопасности мирных жителей. 24 апреля 1990 года от рук боевиков здесь погиб младший сержант Евгений Юрченко. Отважный воин посмертно награжден орденом Красной Звезды. Благодарные сельчане поставили памятник своему защитнику рядом с обелиском в честь павших на полях сражений Великой Отечественной. Та война отгремела, а кровь солдат льется спустя сорок пять лет...

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Каким будет «На боевом посту» в новом качестве? Общественно-политический и литературно-художественный журнал — это просто смена вывески или новое содержание? Не потеряет ли издание своих прежних читателей, не успеет завоевать сердце новых?

Эти и многие другие вопросы задают нам давние друзья журнала — солдаты и сержанты, прапорщики и офицеры. Задаем их себе и мы, члены редакционной коллегии, корреспонденты, все сотрудники.

Внутренние войска — ровесники Советской власти — сегодня находятся на границе добра и зла, ценою крови своей и самой жизни спасают от межнациональных распрей целые народы. Не потому ли барометр общественного мнения показывает по самой высшей шкале доверие, признание и авторитет солдат правопорядка. И в этой ситуации «На боевом посту» призван стать тем печатным органом, который поможет широким слоям трудящихся глубже осознать значимость службы воинов внутренних войск, их правозащитной спасительной миссии и роли в структуре создаваемого правового государства. Отсюда и изменение статуса журнала, и выход из заскорузлых ведомственных рамок в плоскость общественного осмысления происходящих событий.

Литературно-художественная направленность издания поможет привлечь к сотрудничеству видных мастеров слова — писателей, публицистов, журналистов. Довольно значительным станет удельный вес прозы, которой отводится теперь до тридцати — пятидесяти процентов журнальной площади, расширятся рамки очерка и публицистики. Но главным направлением издания по-прежнему остается войсковая жизнь. Действия внутренних войск в горячих точках, вопросы социальной защищенности личного состава, перестройка деятельности политорганов, партийных и комсомольских организаций в новых условиях — вот важнейшие темы журнальных публикаций.

Подписка на журнал на 1991 год проходила на волне назревающей рыночной стихии, когда взвинтили цены полиграфисты, вдвое подорожала бумага. Все это, естественно, увеличило расходы на издание. При-

знаемся, мы долго колебались, как поступить с подписной ценой. Если оставить ее прежней, то потребуются солидные дотации, получить которые в сложной финансовой обстановке практически невозможно. Пришлось повысить цены, но и тут мы подумали о войсковом подписчике: он получил право заплатить семьдесят копеек за номер, тогда как розничная цена выше.

Серьезные трудности возникли и в распространении журнала. Если с сентября минувшего года в розницу шло шестьдесят пять тысяч экземпляров, то ныне чиновники Центрального агентства «Союзпечать» постарались урезать возможность розничного распространения журнала. Формально их можно понять — журнал незнаком массовому читателю, но фактически они пытаются лишить его шансов познакомиться с ним. Куда правильнее было бы, чтобы сам читатель решил, нужен ему журнал или нет. Мы — за здоровую конкуренцию. И надеемся выстоять, стать действительно популярным, читабельным изданием, близким и понятным солдату, офицеру, рабочему, колхознику, ветерану войны и труда, юноше, готовящемуся стать в армейский строй, словом, — любому человеку, которому небезразлична судьба Отечества и его вооруженных защитников. Для этого нужно быть, и мы понимаем это, быстрыми на реагирование, острыми на подачу актуальных тем, бескомпромиссными в отстаивании социалистических ценностей, чести, достоинства человека с ружьем, смелыми в критике.

Последний роман Валентина Пикуля «Барбаросса», не издававшийся в СССР роман Питера Чейни «Голубой дракон», новые работы Анатолия Безуглова, Владимира Михановского, многих других авторов детективного жанра, публицистика писателя Эдуарда Скобелева, философа Ричарда Косолапова, остросюжетные очерки о буднях воинов внутренних войск, о первых подразделениях профессионалов, размышления об аспектах военной реформы — все это мы предложим вам в ближайших номерах.

И будем признательны каждому, кто выскажет свои предложения, пусть даже и критические, кто поможет сделать журнал более интересным и привлекательным.

ПРИКАЗАНО ВЫЖИТЬ А КАК?

ВПРОС далеко не праздный, как может показаться на первый взгляд. В нем нет позы, лишь искреннее недоумение. Впрочем, подполковник В. Чекарев и лейтенант П. Терещенко, павшие на этой официально необъявленной войне, капитан С. Осетров, пропавший со своими парнями без вести (не хочется верить, что их больше нет, но чудес не бывает), подобных вопросов не задавали. Они, как это ни казенно, ни банально звучит, просто исполняли свои обязанности. Обязанности по должности.

Не задавали вопросов и офицеры В. Костеневич, В. Луговской, старший прапорщик С. Блинов, освобождавшие заложников в Сухуми; и офицер Х. Холджанов, с небольшой группой солдат преградивший под Степанакертом дорогу разъяренной толпе; десятки и сотни других, вставших стеной между людьми, одурманенными первобытным угаром национализма. Верно подметил военный писатель Виктор Конечкий: в бою не до вопросов. В бою вопрос — чаще всего преступление. В бою выполняют приказы.

Но все переходящее, и как только настает редкая и желанная передышка, вдруг с удивлением замечаем: в строю — брешь. И немалые. Нет, я не о боевых потерях; самое удивительное, что выбывших намного больше, чем пострадавших (последних лучше бы и вовсе не было). Еще вчера факт внутреннего неприятия молодым офицером воинской службы, его стремление под любым предлогом, во что бы то ни стало уволиться из войск — даже ценой безрассудства — был единичным. Сегодня — увы.

Чего же не случится!

Однозначно ответить трудно. Слишком много причин накопилось: одна постепенно дополняла другую, пока не переполнилась, наконец, чаша терпения. Ведь только слепой не видит, какой массивной атаке подвергаются ныне люди военные. Целенаправленно и преднамеренно. Есть ли еще на белом свете такая уникальная, цивилизованная страна, где столь яростно, буквально варварски общество с жуткой обреченностью рубит сук, на котором сидит? Кто-то считает это элементарным и очевидным размыванием престижности профессии офицера. Верно. Но к чему усложнять? Нескончаемая череда бесосновательных выпадов в прессе против людей, носящих на плечах погоню, самая примитивная травля — «ату их!» Цель — дестабилизация обстановки в Вооруженных Силах и войсках правопорядка и, как закономерный итог, всенародная смута. На что в принципе и направлены многочисленные попытки противопоставить друг другу армию и народ. К вам никогда не приставали не в меру назой-

ливые прохожие или попутчики с нелепым вопросом: будем ли мы стрелять в народ, если, не дай бог, что случится? Наверняка приставали. И, не исключено, доводили до белого каления. Меня сама постановка вопроса обескураживает: народ, дескать, сам по себе, а мы, военные, уже вне народа, так что ли? Вот вам первые горькие плоды необузданного, неразборчивого, стихийного охаивания военного уклада. Во всяком случае уже сейчас у определенной части населения выработался, к сожалению, довольно устойчивый стереотип представлений о ненужности, более того — вредности армии в структуре нашего общества. Весьма блекло и бледно выглядят на фоне широко-масштабного наступления по всему фронту, направленного во сути на подрыв нравственных, духовных ценностей армии, робкие попытки идеологического актива и ряда военных изданий наполнить новым содержанием героико-патриотическую явь Вооруженных Сил.

За девять месяцев прошлого года больше десяти политработников уволено, около пятнадцати подали рапорты на увольнение, около двадцати — качественный некомплект, примерно пятая часть — в должностях менее года.

Погоня за «жареными» фактами, модное увлечение муссированием недостатков и негативных явлений в воинских коллективах, нескончаемая полемика вокруг проблем национальных военных формирований, деполитизации и департизации войск, участия частей и подразделений в пресечении межнациональных конфликтов, безусловно, поколебали прежнее, убежден — нормальное, правильное отношение советских людей к человеку в военной форме. «Оккупанты», «захватчики», «империалисты», «душители демократии и перестройки», «убийцы», «фашисты» — вот лишь некоторые из ярлыков, которые с легкостью навешивают на нас сегодня. Впрочем, адресуют не только слова — пули тоже. И то, и другое — порой смертельно: не достанет свинцом — догонит инфарктом. Даже боевые офицеры, имеющие за плечами Афганистан и немалый опыт службы в так называемых мирных, но совсем не спокойных условиях, бьются, ломаются от подобного психологического прессинга. Кто тянется к рюмке, кто сознательно идет под черные, наиболее

часто поминаемые ныне пятьдесят девятую и шестьдесят первую статьи Положения о прохождении офицерской службы, чтобы был формальный повод уйти по-английски, не прощаясь, если добром не отпускают. А уж молодежь — та еще менее терпелива, зато более категорична, горяча, прямолинейна. Чуть что — рапорт на стол.

«Убедительно прошу, — пишет заместитель командира роты по политической части офицер В. Семенов, — об увольнении меня из рядов внутренних войск МВД СССР в связи с полным разочарованием в офицерской службе (диву дгешься—еще толком не видел ее, службу, а уже полностью разочаровался; нам бы, политработникам, такую силу воздействия, с которой давит и мнет неокрепшие души желтая пресса.— Автор). Идейные убеждения, сложившиеся у меня об армии в училище, были перечеркнуты отношением к ней местного населения. Национал-шовинистические взгляды, ненависть и презрение, которые я наблюдал ежедневно, не позволяют мне больше и дня находиться на территории не родной мне республики». Так-то.

Только из нашего региона за минувший год отправлено материалов объемом с добрую книгу. Зачем? Где осели эти бумаги мертвым грузом? Не только сводки, но и резонные, конкретные предложения и просьбы остаются безответными.

ПОКРИВИЛ душой, если бы сказал: единственный толчок к написанию прощальных рапортов — деятельность дестабилизирующих сил. Нет, мотивация куда шире: здесь и непреклонная решимость родителей, настаивающих на немедленном уходе из армии своих сыновей — офицеров; и боязнь жен ехать в Закавказье, к месту службы мужей с объявлением категоричных ультиматумов — или служба, или семья; и обман вышестоящих начальников, обещавших райскую жизнь при переводе офицера в южные широты, да мало ли что?!

Нельзя сбрасывать со счетов и такую вескую причину (а может быть, это уже следствие?): Дух и сила воли подтачиваются, колеблются из-за неумения молодого офицера профессионально, грамотно действовать в экстремальных ситуациях.

Училищного багажа явно не хватает, а возможностей даже для художочной командирской учебы практически никаких, потому-то люди теряют веру в себя. Например, часть офицера Ю. Котова два года в командировке. Солдаты с учебного сбора, офицеры с порога училища сразу оказываются в боевом строю, в самых что ни на есть горячих точках. Одни, к их чести, выдерживают первый мощный психологический и физический шквал, постепенно начинают «врастать» в сложную оперативную обстановку, другие — пребывают на грани паники, третьи — замыкаются, уходят в себя, утрачивая интерес к происходящему, мол, будь что будет. А ничего бы не было, будь командирская учеба — плановой, знания и навыки — достаточными для действий в смертельно опасной обстановке, морально-психологическая закладка — повседневной.

И ЗВЕЧНЫЙ вопрос: что делать? Для начала: централизованно и компетентно обобщить опыт действий частей в горячих точках, учитывая практику зарубежных правоохранительных органов (а почему бы и нет, что мы кокегничаем?) по пресечению массовых беспорядков. Вообще-то, это следовало сделать еще позавчера, но лучше поздно, чем никогда. Целесообразно, не теряя попусту времени, создать квалифицированную аналитическую группу для детального изучения конкретных боевых эпизодов, систематизации и распространения собранного материала в частях. Конечно, это должны быть не общие рассуждения о тяжелых условиях службы в перемежку с призывами «да-есть!» и «вперед!» — в них дефицита не испытываем. Нужна серьезная, проверенная методика и деловые, практические рекомендации. Хватит подобно слепым котяткам тыкаться по углам. Хватит по нескольку раз спотыкаться на одном месте, действуя пресловутым методом проб и ошибок. В конце концов, хватит терять людей.

Даже в годы войны — почти полвека назад! — этими вопросами занимались специальные группы экспертов: шел активный процесс переработки уставов, наставлений, инструкций, приведения их в соответствие с днем сегодняшним. Мы же — в ожидании. Чего? Манны небесной? Или приказа: обобщить?! Тревожная она, эта громко объявленная тенденция отказа от старого без четких путей к новому, перспективному завтра. За общими фразами, как всегда, дела не видать.

Но ни одна, даже самая злая, статья в газете, ни одно, даже трижды лживое, телевыступление с резкой огульной критикой войск не идут ни в какое сравнение с дискредитирующей воинскую службу деятельностью правительства. А вернее — без-

деятельностью. Да-да, если посмотреть правде в глаза, то ни для кого из нас уже не секрет, что престиж службы катастрофически падает из-за элементарного несоответствия затрачиваемых на нее военнослужащими усилий и материальной, социально-бытовой обеспеченностью ее государством. Когда в Закавказье запахло паленым, нас быстренько укомплектовали, обеспечили оружием, техникой, напутствовали добрыми словами: служите, мол, ребята, Родина вас не забудет. И служим, поражаясь: неужто помнит о нас Родина-мать? Люди, сжатые и спрессованные железными тисками напряженной обстановки, практически держатся на голом энтузиазме (по теперешним временам — неходовое понятие). И ошибается тот, кто считает, что его запасы неиссякаемы. Увы, и они на исходе. Кадровый офицер, позабытый и позаброшенный правительством, чьи задания выполняет и интересы отстаивает, рискуя жизнью, — не механическая игрушка, не робот, но живой человек. И жить божьем ни в застое, ни при перестройке не желает, у него тоже есть жена и дети, он, в конечном итоге, также нуждается в тепле домашнего очага.

Свято место пусто не бывает, и кадровые бреши вместо квалифицированных политработников прикрывают собой командиры взводов и прапорщики. Как результат, в минувшем году около тридцати сержантов командовали взводами. Не от хорошей жизни.

Хотя бы изредка. Лозунг первых пятилеток «Давай, Вася!» пора наполнить материальным и духовным содержанием. Мы всегда понимаем и откликаемся, когда нам говорят: «Надо!». Почему же наше «надо» никто не слышит? Или делают вид, что не слышат? Ибо жалкие попытки что-то изменить ни в коей степени не восполняют физических и моральных затрат офицера.

Молодежь одолевают вполне естественные вопросы, с которыми она идет к нам. «Держитесь, парни!» — подбадриваем. А что мы можем еще сказать, если симптомы неуверенности в дне грядущем появляются даже у офицеров с солидным ста-

жем службы? Кстати, спросите ради интереса нынешних капитанов и майоров, тех, на чьи плечи завтра ляжет ответственность за воинские части и соединения, какой им видится дальнейшая служба? Вы будете поражены, узнав, что многие ждут сорокапроцентной пенсии за двадцать лет службы (!). Многие, и далеко не худшие. Люди устали и не надеются на реальные гарантии себе и своим семьям. Их раздражают многочисленные, не подкрепленные абсолютно ничем обещания. Они, разувшись, уходят.

Немалую роль здесь играют чисто местные, специфические факторы. И в первую очередь, беспокойство за детей, уровень их подготовки в общеобразовательных школах республик Закавказья, ибо русские школы — и это общеизвестно — переведены в разряд второсортных: сокращена программа обучения, ликвидированы комсомольская и пионерская организации... Вряд ли ошибусь, если скажу: дети военнослужащих находятся в психологической изоляции. Трудно, почти невозможно дать им азы музыкального или иного образования по интересам. К минимуму сведена возможность поступления в высшие и средние учебные заведения. Наши дети здесь не приходится ко двору. Их примитивно и поголовно «режут» на экзаменах.

Чисто символический характер носит медицинское обслуживание, ведь только за вызов «скорой помощи» офицер платит десять рублей. Можете представить, во что обходится само лечение. Болеть тут могут позволить себе только хорошо обеспеченные люди. Мы — не из их числа. Неудовлетворенность днем сегодняшним и зыбкость завтрашнего положения постоянно подпитывают кадровые потоки, вытекающие из когда-то полноводной войсковой реки. Увы, навсегда. Согласитесь, тенденция крайне тревожная. Количество уволенных по дискредитации воинского звания и служебному несоответствию за последние два года в сравнении с предыдущим аналогичным периодом выросло в 7—8 раз! Вдумайтесь в эти цифры: пугающая статистика. Не принимать ее во внимание и впредь могут только те, кому на руку обескровливание войск.

Далее: молодые лейтенанты не давали обет безбрачия, а Армения, Азербайджан и Грузия фактически стали одноязычными республиками с исключительно своими традициями, нравами, обычаями, интересами. И наши офицеры в круг этих интересов никак не вписываются. Они как бы оказываются в социально бытовом вакууме. Все общение ограничивается армейской средой. Вопрос: где и каким образом неженатому человеку найти свое семейное счастье? В отпуске, в суете и спешке? Но поспешишь — людей насмешишь, а сам наплачешься. Да и не очень-то мно-

го даже среди скороспелых невест и молодых жен желающих очертя голову податься в беспокойные курортные места. Стреляют...

А если бы тот же лейтенант имел гарантии, что через три-четыре года он окажется в лучших условиях? Может быть, не спешил бы с женитьбой на первой встречной, не сжигал бы мосты с юношеской, максималистской непреклонностью, не расставался с погонями, имея свет в конце туннеля. Да надеть еще офицеров боевых частей приоритетным правом поступления в академию! Это, кстати сказать, и вовсе не требует никаких затрат, а выигрыш очевидный. Сейчас же в равном положении и те, кто всю жизнь прослужил в пределах Садового кольца под ясным светом Кремлевских звезд, и те, кому путь в академию освещался трассирующими пулями боевиков да вспышками градобойных орудий. Пресловутые разрядки, как и десять лет тому назад, для Москвы и для Тбилиси остаются неизменными.

Говоря о моральных стимулах ратного труда офицеров, нельзя не сказать о государственных наградах. Немногим более двух процентов от количества награжденных по всем войскам — военнослужащие нашего соединения, для которых горячие точки стали постоянным местом прописки. Это ничтожно мало. Да, не ради наград служим, не ради чинов. Но, признайтесь, обидно, когда видишь, что труд доярки, сталевара, эстрадного певца (тоже нужный и важный по-своему) оценивается государством гораздо выше и чаще труда ратного. За что же нам такое «уважение»? Как по мановению волшебной палочки на линии противостояния враждующих группировок, на незримой черте между жизнью и смертью возникает фигура солдата в краповых погонах. Сколько человеческих жизней сохранено благодаря ему, скольким матерям, женам и сестрам не пришлось надевать черные одежды траура! Оценки и награды за кровь и пот личного состава, уже обильно оросившие землю, более чем скромны. А люди не могут и не хотят мириться с черствостью начальников, безразличием правительства, Верховного Совета к их судьбам. Обещания сыты по горло, помощь нужна, поддержка, реальная, зримая. Чтобы не подсчитывали мы количество офицеров, расставшихся с мечтой, «израненной» на старте воинской службы. Офицеров, которым приказано выполнить боевую задачу и выжить. Но, честное слово, непонятно: как!

Подполковник В. ВЛАСКО,
заместитель начальника политотдела
соединения.

Ордена Красной Звезды управление
внутренних войск по Северному Кавказу
и Закавказью.

Фото О. Смирнова.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

**ЗА ОТВАГУ И САМООТВЕРЖЕННОСТЬ,
ПРОЯВЛЕННЫЕ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ
ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА
В СЛОЖНЫХ УСЛОВИЯХ,**

НАГРАЖДЕННЫ

орденом КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

старший сержант РАНКАУСКАС Вигантас Романович;

майор СПИРИДОНОВ Виктор Васильевич;

лейтенант ТВРЕЩЕНКО Павел Владимирович (посмертно);

подполковник ЧЕКМАРЕВ Вячеслав Михайлович (посмертно);

орденом КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

рядовой ВОВЧЕНКО Станислав Николаевич;

сержант ЖОВТЯНСКИЙ Олег Владимирович;

майор ЗАРУДНЕВ Валерий Александрович;

сержант КАРПУХИН Андрей Иванович;

**орденом «ЗА СЛУЖБУ РОДИНЕ
В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ СССР»**

II степени

майор ДЕМИДОВ Борис Александрович;

подполковник СОРОКОВЫХ Анатолий Сергеевич;

**орденом «ЗА СЛУЖБУ РОДИНЕ
В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ СССР»**

III степени

майор ВЕГЕРЯ Евгений Николаевич;

старший лейтенант ГЛУХИН Сергей Иванович;

орденом «ЗА ЛИЧНОЕ МУЖЕСТВО»
лейтенант ГРУШИН Андрей Александрович;

подполковник ИВЛЕВ Иван Егорович;
медалью «ЗА ОТВАГУ»

майор БАЛАХОНКИН Сергей Геннадьевич;

рядовой БЕРЕЗИНСКИЙ Николай Евгеньевич;

медалью «ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ»
прапорщик АБРАМОВ Николай Валентинович;

младший сержант АБУБАКАРОВ Хасу Хасиевич.

А дальше - будни...

Александр Пократьеву 38 лет. Впервые его стихи увидели свет шесть лет назад именно в нашем журнале. После этого Александр публиковался и в других изданиях, но связи с нами, конечно же, не терял.

Анатолий Зельев выступает с первой в своей жизни поэтической подборкой. Ему двадцать три года, стихи писать начал недавно, но проба пера, кажется, получилась удачной.

А. Пократьев и А. Зельев — участники VII семинара литераторов внутренних войск.

**Прапорщик
Александр ПАНКРАТЬЕВ
НАШИ ВЕСНЫ**

Опять ручьи слились в поток,
Опять грачей галдеж,
Опять военный городок
Встречает молодежь.

Рязанский, тульский диалект,
Кавказский ли акцент—
В себя,
Как праздничный проспект,
Вобрал учебный центр.

А дальше—будни. Каждый час
Наполнен новизной.
Жизнь без прикрас, не напоказ
Нахлынула волной.

...Учебный бой. Гудящих ног
Не чуешь под собой,
Грохочет сердце, китель взмок,
И не звучит отбой.

Но, взяв высоту в первый раз,
Взликуешь всей душой:
— Какая силища у нас,
И я здесь не чужой!

В глазах искрится торжество
Победы над собой.
В бою куется мастерство —
Ты выиграл тот бой!

Вот так же сорок с лишним лет
Истории назад
Светился радостью побед
Твой дедушка—солдат.

Он был от них неотделим.
Теперь на планках в ряд:
Медаль за Киев, за Берлин,
Медаль за Сталинград.

Цвела победная весна—
Восторг и чья-то боль.
...И вновь кому-то не до сна—
Ребят стригут «под ноль».

КОТЕЛОК

Иногда, почувствовав усталость,
Чаще в шутку, нежели всерьез:
— Сколько лет

до пенсии осталось?
Задаем друг другу мы вопрос.

Помолчав, мечтательно вздыхая
И глаза вздымая к потолку,
Мы слова смакуем, отвечая:
— Да еще служить, как котелку!

Мы смеемся, оценив сравнение,—
Видно, вечен медный котелок,
Если есть о нем такое мнение,
Если делит с нами службы срок.

...Рождена

полком Преображенским,
Гвардией великого Петра —
По частям теперь кочует энским
Присказка, как армия, стара.

Ну а мы не будем слишком строги
К тем, кто на вопрос

«Как путь далек?»

Кто в начале, кто в конце дороги
Вспомнит старый медный котелок!

ВЕТЕРАН

Он каждый раз на День Победы
Приходит — негибаем стан.
И мы, собравшись для беседы,
Дивимся: «Бодр наш ветеран!»

Расположившись на трибуне,
Заводит он (в который раз!) —
Незыблемый, как столп чугунный,—
О прошлой доблести рассказ.
Как он сражался ради внуков,
Как беспощаден был к врагу,
Как без него бы маршал Жуков
Не выгнул Курскую дугу.
Бывал в притихшем клубном зале
Организованный аншлаг.
Мы даже если и зевали,
То лишь в ладошку да в кулак.
И аплодировали круто,
И провожали хорошо.

...А в этот раз он почему-то
На встречу с нами
не пришел.

* * *

Лейтенант Анатолий ЗЕЛЬЕВ

ИРОНИЧЕСКИЕ

За то, что множатся дороги,
Благодарите сапоги!..
Вот по польни тонконогой
Идут мои мотострелки.
Насквозь промокшая от пота,
Навылет битая дождем,
Шагает матушка-пехота
По бездорожью мирным днем.
И шутит: взвод мотострелковый
Измотанно-стрелковым стал
И ждет команду, что толковей
И долгожданной всех,—«Привал!»

КАПЕЛЬ

Вдруг в феврале виновато
Тучи за лес улетели.
Что-то весна рановато,
Слышишь, запели капли?!
Вряд ли уже отгуляла
С ухарским посвистом вьюга,
Только теплее нам стало,
Милая, друг возле друга,
Только светлее нам стало
От неподдельных улыбок,
Только куда-то пропала
Горечь вчерашних ошибок,
Только средь бед и ненастий
Встретиться мы захотели...
Много ли нужно для счастья?
Музыка первой капли.

Курортный сезон

ДОЛГО ехали по отвратительной дороге. Машину изрядно трясло, прежде чем она наконец-то остановилась. Хлопнула дверца, полог отдернулся, опустился задний борт, и резкий голос капитана Сельджукова скомандовал: «К машине».

Старший лейтенант Васильев прыгнул с кузова и подошел к ротному.

Сельджуков стоял посреди просторного школьного двора и мрачно смотрел на высокое трехэтажное здание. Кивнул Васильеву.

— Дали нам дворец с ханского плеча. Ну, что скажешь, замполит?

Васильев усмехнулся:

— Ничего, эмир, не на год приехали.

— Как знать,

— Да ну, скоро все образуется. И потом, никто нас надолго в школе не оставит: детям же учиться надо.

Сельджуков с сомнением покачал головой:

— Посмотрим. А пока начнем размещаться. Офицеры, ко мне.

Подбежали командиры взводов.

Ротный окинул взглядом их крепкие фигуры.

— Оружие сложить в углу двора. Стрельчук, выделите отделение на охрану, остальной личный состав — на разгрузку имущества, складывать у левого подъезда. Старшина!

— Я, — из глубины кузова вынырнуло лицо прапорщика Ергенова.

— Мы с замполитом пройдем по школе, организуем разгрузку.

— Понял, — и старшина растворился в недрах кузова, заваленного имуществом.

Внутри школы, вопреки ожиданиям, особого разгрома не было. Так, несколько сломанных стульев в одном классе, осколки разбитой люстры — в другом, выбитое стекло — в третьем. Через пустые рамы был виден двор школы, деревья в саду, дорога, село, горы, выбеленные ослепительным солнечным светом. Большие темные машины, фигуры солдат внизу казались неестественно чужими на фоне этой картины.

СОЛДАТЫ затаскивали внутрь класса кровати и расставляли их длинными рядами. Васильев возился с динамиком. У обшарпанных планшетов с поблекшими призывами задумчиво стоял высокий старший сержант. Замполит засунул в карман плоскогубцы и подошел поближе.

— О чем задумались, Вилде?

Сержант встрепенулся:

«Курортный сезон» — первая и, на наш взгляд, удачная попытка капитана Романа Злотникова заявить о себе как о литераторе. Как офицер, политработник он уже состоялся: научился понимать людей, сопереживать им. Эти качества автора видны и в его творчестве.

— Да так, — и секунду помолчав, добавил: — Вот, смотрите.

Из плаката «15 республик — 15 сестер» были выдраны флаг и герб республики.

— Странно просто, товарищ старший лейтенант, жили они себе жили, если и ссорились, так только тогда, когда «Арарат» с «Нефтчи» играл, и вдруг... Значит, не было никакой дружбы народов?

В проеме двери возник капитан Сельджуков.

— Старший сержант Вилде, почему комната для хранения оружия до сих пор не опечатана?

— Пластилина нет, товарищ капитан.

— У меня что, пластилиновый завод в кармане, или ты ждешь, что тебе кто-то его поднесет с ханского плеча?

— Понял, — Вилде убежал.

По коридору прогрохали сапоги, и в проеме двери показался радист:

— Товарищ капитан, в квадрате 447 собралась толпа, многие вооружены; «122» приказал выехать на место, разобраться в обстановке.

— Так-с, началось. Замполит, остаешься здесь! Первый, второй взвод — к машинам.

Последние слова капитан Сельджуков произнес уже в коридоре, на ходу застегивая портупею.

Через считанные минуты «Зилы», натужно ревя моторами, умчались по серой ленте дороги.

Васильев вышел во двор. В коридоре разлилась огромная лужа. Солдатик в мокрой форме неумело возил по ней тряпкой,

пытаясь собрать воду в стоящий рядом таз.

— Пушин, в чем дело?

Солдатик неуклюже вскочил и, растопырив мокрые и грязные руки, заморгал глазами. Тощая шея в великоватом воротнике гимнастерки казалась еще тоньше и прозрачней.

— Почему мокрый, Пушин?

Тот как-то по-домашнему почесал ухо о погон и, вздохнув, начал:

— Я шел, а тут «В ружье», а у меня таз, а они вниз, а я ж дневальный, а они... Ну, и уронил.

— На себя?

Пушин кивнул и шмыгнул носом.

— Ясно, — вздохнул замполит. — Беги к старшине, возьми подменку и переоденешься.

— Есть! — Пушин рванулся к лестнице, но потом, вспомнив о луже, остановился и посмотрел на замполита.

— Беги, беги — уберут.

Васильев задумчиво посмотрел вслед Пушину. Пробивная мамаша, обив не один десяток порогов, устроила-таки сына в Москве, в двух кварталах от дома, и каждое воскресенье таскала ему здоровенные баулы с продуктами... Каково-то ей теперь, когда сын за тысячи километров от дома?

Пушин был неплохим, но уж больно несамостоятельным. Ни нитку в иголку вдеть, ни сапоги почистить. Первое время даже не умывался — холодной воды боялся. Как он жить дальше собирался без мамы, без папы — один бог знает.

Сельджуков вернулся через два часа злой как черт.

Васильев издали услышал рев машин и выскочил во двор. Командир молча махнул рукой и со всего размаха засветил сапогом по камешку. Гремя щитами, выби- рались из машин солдаты.

— Звонил какой-то кретин, если не ска- зать хуже. Какая там толпа?! Стоит че- ловек сорок. В основном старики и паца- ны, у стариков посохи — вот и все оружие.

Васильев удивленно покачал головой.

— А из-за чего собрались-то?

— Да какой-то умник поставил мили- цейский пикет на дороге с приказом не пропускать частные машины. А здесь у каждого сад, урожай, и ни на рынок, ни в заготконтору не вывезти, вот они и при- шли узнать, в чем дело.

— И что, для того, чтобы все это вы- яснить, необходимы были две машины сол- дат?

— Не нашего ума это дело, замполит, — отозвался Сельджуков и, помолчав, доба- вил: — Хотя я и сам то же подумал.

К ротному подбежал лейтенант Стрель- чуков:

— Товарищ капитан, разрешите на поч- ту смотаться.

Сельджуков удивленно воззрился на под- чиненного.

— Лейтенант! У тебя люди не устроены, ванны под умывальники не установлены, оружие не вычищено. Дальше продолжать?

— Да я...

— Все! Кругом, бегом марш, — и, кив- нув на удаляющегося офицера, сказал Ва- сильеву: — Видал, работничек, не успели устроиться, а он маме звонить.

— Жена у него вот-вот родит, — засту- пился замполит.

Сельджуков пожевал губами, подумал и направился к лестнице, на ходу бросив:

— Всем офицерам и старшине в канце- лярию, — и чуть погодя: — Стрельчука по- позже сам отпустишь, только чтобы я не знал.

ОНИ УСПЕЛИ в последнюю ми- нуту. Когда три «Зила» вылетели на пригорок и рванули вниз по прямой как стрела дороге, около десятка открытых бортовых машин были уже пусты, а два «пазика» выпуска- ли из своего чрева последних пассажиров.

Толпа около машин насчитывала сотни три здоровых мужчин, вооруженных пал- ками, металлическими прутьями. Подогре- вая себя криками, она уже двинулась в сторону маленькой аккуратнейшей дере- вушки, у крайних заборов которой тоже стояла толпа и тоже с палками и прутья- ми, но только поменьше: человек 40—60.

Машины буквально влетели в небольшой промежуток между двумя группировками.

Сельджуков выскочил из кабины и на ходу, как, наверное, выхватывали саблю из ножен его предки, выхватил мегафон.

Васильев бросился на левый фланг, ув- лекая за собой солдат и вытягивая их двоякой цепочкой, которая через мгнове- ние твердела и становилась стеной щитов, пластиковых забрал, бронезилетов,

— Замполит, — появился рядом ротный. — Сбегай вниз, к деревне; по рации гово- рили, что здесь должен быть представитель власти, — и, подняв мегафон, повернулся к толпе.

Васильев кубарем скатился к крайним домам деревни. Там стояло несколько че- ловек.

— Кто здесь старший?

— Я, — выдвинулся один из стариков.

— Да нет, мне надо из...

— Понимаю, — кивнул старик. — Нико- го нет. Председатель был — уехал, дирек- тор — уехал, начальник милиции — тоже уехал.

Васильев оторопело посмотрел на ста- рика, но, не поняв и не додумав до кон- ца все сказанное им, осознал главное — никого из начальства нет.

Сзади рота казалась совсем не грозной и даже беззащитной, сгорбленные спины, стриженные затылки, сапоги все в пыли, застиранные бриджи... Васильев торопился добежать до роты, встать в этот строй, ук- репить его хотя бы своим телом.

Сельджуков что-то орал в мегафон.

— Никого, — выдохнул замполит.

Ротный скривился, скрипнув зубами, про- цедил: — Плохо.

Толпа перед строем гудела. Потом кто- то закричал, и она двинулась вверх по склону к грузовикам и автобусам.

Сельджуков снял каску и вытер пот.

— Я с ханского плеча дал им пять ми- нут и предупредил, что церемониться не будем.

— Вкатают тебе за самоуправство, — сказал Васильев.

— Слушай, замполит, — взъерился Сель- джуков, — почему у них, — он ткнул ме- гафоном в отъезжающие автобусы, — власть есть, а у нас нет? Почему в поло- вине случаев ты не найдешь ни одного милиционера или председателя сельсовета, а если и найдешь, так ни за какие деньги они не выйдут, не встанут рядом не скажут, что им положено? Я, что ли тут Советская власть?

Васильев помолчал, потом вздохнул:

— Сажай роту.

Сельджуков тряхнул мегафоном, перева- ривая оставшийся запал, и, поднеся его ко рту, скомандовал:

— Рота, к машинам!

ВАСИЛЬЕВ разбирал письма. За окном слышался сме- плеск воды — солдаты мылись. После изнуряющего дня в сни- ржении, десятков патрульных километров, занятый вода не просто смь- вает грязь и пот — вода доставляет на- лаждение.

Сельджуков подошел к столу, посмотре- на две неравные стопки, взял маленькую, прочитал адрес на верхнем конверте.

— Звонил в санчасть, у Вилде легке сотрясение мозга, у Туракулова нога уже зажила, через день-два выпишут, — п- ребрал несколько писем и насупился.

Васильев молчал. То, что ротный нача.

издалека, указывало на немалую степень недовольства, но он пока не понимал, чем оно вызвано.

— А, — вдруг взорвался Сельджук, — что же это такое? Пришел в райсовет, а там сидит этот «комитет». Я говорю — помогите, вокруг фруктов до черта, гниют, а парни уже месяц на тушенке с макаронами сидят. Все молчат, на небритого «комитета» смотрят, а он надулся как индюк: «Мы вас сюда не звали». Что я, сам сюда приехал ради собственного удовольствия, а? — ротный, не дожидаясь ответа, удалился в канцелярию.

Васильев поднялся и вышел на улицу. Солдаты в одних трусах выскакивали из-под шипящих водяных струй и, подхватив сапоги, форму, ремень, босиком взбегали по лестнице в здание. В воздухе пахло яблоками и еще чем-то ужасно вкусным, сады были залиты светом уходящего солнца. Мир казался умиротворенным. Замполит подошел к воротам и остановился, рассматривая пустынную улицу.

Эта пустота не давала покоя. Сразу по приезду подразделения около ворот все время, а по вечерам особенно, толпились мальчишки, подошли и взрослые, и старики, останавливались, осматривались, степенно переговаривались, но потом мало-помалу улица начала пустеть. Родители отгоняли своих детей от ворот, уходили старики, покачивая седыми головами, случайные прохожие торопливо перебежали улицу перед школой. Внешне все обстояло благопристойно, никаких конфликтов, демонстраций, просто рота и деревня жили как бы на разных планетах. Только однажды старик-садовник, по многолетней привычке время от времени заходивший в школьный сад, на осторожный вопрос замполита ответил: «Когда волки устанавливают свои законы, их выполняют все — и овцы, и пастухи». Замполит попытался сказать, что неплохо бы всем миром устроить охоту на этих волков, на что старик, покачав головой, ничего не ответил.

Около недели назад, ночью, на противоположной от школы стороне села разграбили детсад. Кто-то проник внутрь, побил посуду на кухне, порезал мебель, постельное белье, забрал все, что хранилось в столах воспитательницы. На следующее утро в цистерну, в которой солдаты возили воду из реки для мытья, была кем-то насыпана хлорка. Дневальный первой смены, вставший умыться, чуть не сжег себе глаза.

Стрельчук, каждый вечер бегавший на переговорный пункт, рассказывал, что девушки-телеграфистки, раньше приветливо расспрашивавшие о здоровье молодой мамы, вдруг стали холодно отчужденны, одна из них, подавая бланк заказа, неприязненно спросила: «Это правда, что вы позволили разгромить детский сад?» Стрельчук было опешил, а потом попытался объяснить, что войны ни при чем, но девушка презрительно посмотрела на него и ушла за стойку. А на утро на школьном заборе кто-то написал: «Позор защитникам детоубийц». Сельджук потом неделю ходил смурной, да и солдаты как-то посуровели.

ЕЖУРНОЕ подразделение, «В ружье!»

Д У входной двери мелькнула повязка дежурного по роту. Васильев рванулся к подъезду, уже в коридоре столкнулся с ротным. Капитан сказал скороговоркой:

— Стрельчук в больнице. Как-то сволочи напали по пути с переговорного. Сломали два ребра, — и, пожевав губами, добавил: — Возьмешь отделение и к нему, выясни все поподробнее.

— Зачем отделение? — не понял замполит.

— Одного я тебя не пушу, все! — и, резко повернувшись, Сельджук скрылся в канцелярии.

Стрельчук лежал в бинтах, под левым глазом кровоподтек.

Васильев поправил сползавший с плеч халат и присел на краешек кровати.

— Товарищ старший лейтенант... — вскинулся Стрельчук.

— Лежи, лежи, — остановил его Васильев.

— Дурачки все вышло, — Стрельчук судорожно слотнул. — Узнал, что дочку, Оленьку, к врачу носили: четыре триста и рост пятьдесят семь сантиметров, шел в часть, и тут... ничего не помню.

— Ты заметил, кто был?

— Нет, никого не видел.

— Ну лежи, лежи, мы вот тебе тушенки привезли, Видле посылка пришла, он тебе конфеты передал. — Васильев говорил еще что-то, а сам смотрел на руку в гипсе, на черные круги под глазами лейтенанта от хронического недосыпа, и в голове металась одна мысль: «За что, за что?»

Выйдя из палаты, он увидел главврача. Подошел к нему:

— Как он? Стрельчук?

Главврач развел руками:

— Перелом двух ребер, локтевого сустава, множественные кровоподтеки. Но жизненно важные органы не повреждены.

Васильев кивнул.

— В милицию сообщили?

— Да, естественно.

— Был кто-нибудь?

Главврач замаялся:

— Знаете ли, обстановка сейчас, сами понимаете, — но, заметив, что Васильев еще больше потемнел, торопливо закончил: — Я позвонил в район, там работает группа из Прокуратуры Союза, так что должны быть с минуты на минуту.

Васильев опять кивнул и повернулся, чтобы уходить.

— Товарищ офицер!

Главврач протягивал ему какую-то бумажку.

Замполит удивленно посмотрел на главврача.

— У вашего офицера было заткнуто за гимнастерку.

Васильев взял протянутую бумажку и медленно развернул. На половинке тетрадного листка было коряво написано: «Так будет со всяким оккупантом на нашей земле. Патриоты».

Васильев отшатнулся как от удара и медленно поднял глаза на главврача.

— Значит, он оккупант, — едва сдерживаясь, сказал Васильев и ткнул пальцем в сторону палаты. — И они оккупанты? — он мотнул головой в сторону стоящих поодаль солдат. — И я оккупант? Мы... С каждого вызова мы привозим сюда бойцов с переломанными руками, ногами, выбитыми зубами, мы таскаем по селам продукты, вывозим больных, а ребята второй месяц едят тушенку с макаронами и родным пишут, что служат в Крыму или Одессе, мы остановили цистерну с бензином, которую «патриоты» везли, чтобы жечь ваши дома, мы...

— Но это же не я писал, — чуть не плача, воскликнул главврач.

Васильев шумно выдохнул и, мотнув головой, вышел на улицу.

• • •

ПОКА ЗАМПОЛИТ был в больнице у Стрельчука, в школу кто-то позвонил и стал нудно спрашивать о происшествии. Сельджуков не выдержал и со всевозможными выражениями высказал все, что думал об окружающем мире и конкретно о говорившем по телефону. И вскоре в управление пришел местный лидер «комитета» и передал магнитофонную пленку с записью беседы, да еще добавил: «Вот так наши «защитники» разговаривают с народом, мы возмущены и постараемся, чтобы об этом узнали как можно больше наших граждан».

А через день в роту приехал начальник штаба батальона и передал приказ комбата: прибыть на партбюро ротному и замполиту, сам он в их отсутствие оставался в роте.

На заседании партбюро присутствовали ответственный секретарь парткомиссии майор Махтимгомедов и начальник политотдела подполковник Штейман. Сельджуков зло поблескивал глазами и про себя хорохорился, а Васильева поразил Махтимгомедов: толстенький, румяный дагестанец, балагур и весельчак, он превратился в изможденного старика, кожа собралась в морщины и приобрела какой-то землистый оттенок. У себя в роте они с Сельджуковым частенько вспоминали полковых «бюрократов», которые крайне редко выбирались в единственную в полку отдельно дислоцированную роту, но, увидев Махтимгомедова, Васильев невольно застыдилась тех своих прежних излияний.

Партбюро началось бурно. Сельджуков проявил свой восточный характер, Штейман его осаживал, Васильев понемногу раскрывал предысторию такой несдержанности ротного, и мало-помалу разговор начал переходить с конкретного случая на общую ситуацию.

— Нет, вот вы скажите, товарищ подполковник, оккупант я или нет? Где мы сейчас находимся? В своей стране или нас с ханского плеча забросили в тыл врага?

— Вы вот что, — Штейман поднялся и начал тереть ладонь о ладонь — он всегда так делал, когда волновался. — Вы — не надо так. Враг, тыл... По существу не только мы, но и оба эти народа сейчас так рассуждают, врагов ищут. А им бы на себя посмотреть!.. И вам, товарищ капитан. Вы дали в руки экстремистам бесценный подарок, завтра ваши... «выражения» разойдутся тысячными тиражами. Вот вы бы сами что подумали о человеке, да еще офицере, командире, так отозвавшемся о людях, на земле которых он служит и живет?

— Но вы же знаете, в чем было дело! — Я — да, но вы объясните это целой республике?

Сельджуков поник. Штейман посмотрел на него, вздохнул и закончил:

— Здесь мы каждое мгновение сдаем экзаме́н на то, чтобы остаться людьми, офицерами, помните об этом.

Сельджукову вкатили строга́ча.

• • •

ПОДНЯЛИ поздно вечером. Они шли в колонне батальона. Марш продолжался всю ночь, и к четверть утра машины влетели на окраину небольшого города. Было еще темно, но город не спал.

Полыхало пламя, слышались крики, шум. Комбат разъяснил: в городе погромы, батальон будет принимать под охрану объекты. Роте была поставлена задача выйти на площадь, где толпа жгла машины, грабила магазины.

Двигались полубегом. За очередным поворотом стали видны отблески горевших на площади легковушек и темный завал поперек улицы. Толпы как таковой не было, кучки людей перебежали площадь из конца в конец и вливались в темные массы у разбитых витрин магазинов; видимо, там для собравшихся на площади было более интересно, чем у жиденького недостроенного завала.

Увидев солдат, люди на площади закричали, зашумели, кто-то рванул в переулок, но основная масса начала сбегаться к человеку, взобравшемуся на обгоревший остов «Жигулей».

Рота броском преодолела завал и у входа на площадь стала разворачиваться в боевой порядок.

Толпа на площади становилась все больше. «Сотни чегыре», — прикинул Васильев.

О шиты застучали камни.

— Даю себе установку, — сказал Сельджуков, обращаясь к замполиту. — Все, кто здесь собрался, — заблудшие овечки, все хорошие, и надо не злиться, а улыбаться... Так, а?

Васильев грустно улыбнулся.

Камнепад усилился. Стена щитов шевельнулась и отвердела.

Мужчина, уже слезший со сгоревших «Жигулей», что-то прокричал. Толпа ответила ревом, и новый град камней, палок, бутылок полетел в солдат. Васильев медленно пошел вдоль шеренги, внимательно наблюдая за мужчиной через просветы между поднятыми щитами, а тот сердито кричал и размахивал руками. Долетали обрывки фраз: «Оккупанты... Бить их... наша земля...» Васильев медленно подошел к месту в шеренге напротив него и пронзительно свистнул. Спины в бронежилетах в мгновение ока расступились, выскользившая из-за шеренги группа захвата разметала столпившихся около мужчины крепких парней и, прикрываясь щитами, уволокла мужчину внутрь строя.

— Хватит, наорался, — удовлетворенно хмыкнул Сельджуков и, переждав последовавший затем взрыв града камней и палок, передвинул роту на четыре шага вперед.

Лишившись вожака, толпа стала понемногу редеть.

Замполит еще пару раз вытягивал из толпы особо ретивых крикунов, и Сельджуков, подбежав к разгоряченной группе захвата, уже удовлетворенно похлопывал Васильева по плечу: «Еще полчасика — и разойдутся».

Но тут случилось непредвиденное.

На площадь вылетела белая «Волга», из нее выскочили крепкие ребята, все в «коже», а вслед за собой вытащили двух девочек лет по тринадцать-пятнадцать. Уже рассвело, в были видны их руки, перетянутые проволокой.

Один из парней поднял мегафон:

— Солдаты, офицеры! Вы совершаете страшную ошибку, захватив честных и невинных людей. Но мы готовы дать вам шанс искупить вину перед нашей нацией!

Над площадью повисла звенящая тишина, никто не кричал, не бросал камней и бутылок. Парень с мегафоном самодовольно улыбнулся такому вниманию и, взяв мегафон покрепче, продолжил:

— Отпустите истинных героев, и мы разойдемся. Иначе сейчас и прямо здесь, на площади, мы выместим свой справедливый гнев на этих полукровках — врагах нации.

— Они хорошие, хорошие, — цедил сквозь зубы Сельджуков, сузив глаза.

— Скорее всего это провокация, командир, — сказал Васильев. — Боевики за дело взялись, ждут, думаю, нашу группу захвата.

— Ясное дело, — согласился Сельджуков. — Девчонки наверняка «подсадные», приманка с ханского плеча. А эти, в «коже», вооружены. Видишь, руки в карманах держат. Овечки, мать их...

Солдаты из группы захвата нетерпеливо поглядывали на Васильева. Замполит им ничего пока не стал объяснять, попросил лишь расслабиться: «Вспомним на секунду, что сейчас все-таки курортный сезон, море рядом». Его не поняли, но напряжение на лицах спало.

— Ну что, мы договорились? — вновь закричал парень. — Или...

Он схватил за волосы ближайшую из девочек, и площадь огласилась жалобным криком, но в крике этом и Васильев, и Сельджуков отчетливо уловили театральные нотки. Группа захвата опять напряглась, и Васильев уверенно сказал им:

— Это представление, ребятаки. Представление, соображаете?

Девчушка продолжала выть, а парень медленно, как при замедленной киносъемке, вынул из-за пояса нож...

«Вдруг я ошибся? — подумал Васильев и ощутил, как холодный пот покатился по щекам. — Да нет. Она орет, но ей ведь не страшно, не так от страха орут».

Боевики в черных кожанках стояли правильным полукругом, все так же не вынимая рук из карманов.

Парень, видно, понял, что его игру раскусили, он вжикнул ножом по воздуху и отпустил девочку. Но та от совсем легкого толчка — а Васильев замечал все до последних мелочей — неожиданно отступилась, упала на колени.

И тут...

С каким-то остервенелым лицом из основной шеренги вылетел Пушин.

— Гады, — заорал он и понесся на парней.

— Пушин, назад! Пушин! — закричал Сельджуков.

Но тот бежал, подняв палку и размахивая щитом.

Выстрел прозвучал среди полной тишины.

Пушин сделал еще шаг, потом нелепо согнулся и полетел на асфальт, под ноги крепким парням в кожаных куртках.

И тогда без команды рота в одном строю пошла, вбивая ноги в асфальт, опустив щиты, палки, прямо на «Волгу», на парня с обрезом, на все, что там у них есть, и по площади загрохотало эхо. Боевики бросились в машину, потом выскочили из нее, побежали. Горестно, недоуменно закричали люди, стоявшие на площади, а рота шла. И остановилась у Пушина. Сельджуков опустился на колени, осторожно перевернул его на спину.

— Витя, — позвал он.

— Больно... — тихо сказал Пушин и закрыл глаза. — Больно. За что?..

И тут Васильев заплакал.

Что сулит миру расчленение России

Иван Александрович Ильин (1883—1954) — выдающийся русский мыслитель, публицист, футуролог — обладал удивительным даром политического прозрения.

Многие его работы сорокалетней давности «ложатся в цель» именно сегодня, попадают прямоком в наши политические и духовные тяжбы, в нашу развороченную, кровоточащую злобу дня. Попадания эти часто болезненны — Ильин категорически не принимал всего, что связано с понятием «большевизм», последний он считал пагубой для исторической русской государственности. Его приговоры сегодня могут болезненно задеть и некоторые более частные аттестации — по национальному вопросу, по поведению отдельных движений сепаратистского толка. Постараемся быть великодушны. И, как сказал поэт, «Простим угрюмство. Разве это сокрытый двигатель его!».

Сокрытым и одновременно очевиднейшим двигателем творчества И. А. Ильина была несокрушимая, вдохновенная любовь к России, как к одной из непреложных составных мировой истории и культуры. Вот почему в его ошеломительных прогнозах на наш сегодняшний и завтрашний день столько исцеляющей энергии, выстраданной мудрости. Все это писал о нас (еще в 40-х годах) человек, не способный на политические реверансы там, где речь идет о жизни или смерти. Дробление государственно-исторического монолита России на части во имя каких бы то ни было «свобод» или «демократий» он считал смертью, началом конца для всей Европы, всей цивилизации.

Но пусть читатель сам испытает убедительность его доказательств.

I

1. Беседуя с иностранцами о России, каждый верный русский патриот должен разъяснить им, что Россия есть не случайное нагромождение территорий и племен и не искусственно сложенный «механизм» «областей», но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся ОРГАНИЗМ, не подлежащий произвольному расчленению. Этот организм есть географическое единство, части которого связаны хозяйственным взаимопитанием; этот организм есть духовное, языковое и культурное единство, исторически связанное русский народ с его национально младшими братьями духовным взаимопитанием; он есть государственное и стратегическое единство, доказавшее миру свою волю и свою способность к самообороне; он есть сущий оплот европейско-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия. Расчленение его явилось бы невиданной еще в истории политической авантюрой, гибельные последствия которой человечество понесло бы на долгие времена.

Расчленение организма на составные части нигде не давало и никогда не даст ни оздоровления, ни творческого равновесия, ни мира. Напротив, оно всегда было и будет болезненным распадом, процессом разложения, брожения, гниения и всеобщего заражения. И в нашу эпоху в этот процесс будет втянута вся Вселенная. Территория России закипит бесконечными распрями, столкновениями и гражданскими войнами, которые будут постоянно перерастать в мировые столкновения. Это перерастание будет совершенно неотвратимым в силу одного того, что державы всего мира (европейские, азиатские и американские) будут вкладывать свои деньги, свои торговые интересы и свои стратегические расчеты в нововозникшие малые государства; они будут соперничать друг с другом, добиваться преобладания и «опорных пунктов»; мало того, выступают империалистические соседи, которые будут покушаться на прямое или

скрытое «аннексирование» неустroенных и незащищенных новообразований (Германия двинется на Украину и Прибалтику, Англия покусится на Кавказ и Среднюю Азию, Япония — на дальневосточные берега и так далее). Россия превратится в гигантские «Балканы», в вечный источник войн, в великий рассадник смут. Она станет мировым бродилом, в которое будут вливаться социальные и моральные отбросы всех стран («нифилтранты», «окупанты», «агитаторы», «разведчики», «революционные спекулянты» и «миссионеры») — все уголовные, политические и конфессиональные авантюристы Вселенной. Расчлененная Россия станет неизлечимой язвой мира.

2. Установим сразу же, что подготавливаемое международною закулисою расчленение России не имеет за себя ни малейших оснований, никаких духовных или реально-политических соображений, кроме революционной демагогии, нелепого страха перед единой Россией и застарелой вражды к русской монархии и к Восточному Православию. Мы знаем, что западные народы не разумеют и не терпят русского своеобразия. Они испытывают единое русское государство как плотину для их торгового, языкового и завоевательного распространения. Они собираются разделить всеединный российский «веник» на прутики, переломать эти прутики поодиночке и разжечь ими меркнущий огонь своей цивилизации. Им надо расчленить Россию, чтобы провести ее через западное уравнивание и развязание и тем погубить ее: план ненависти и властолюбия.

3. Напрасно они ссылаются при этом на великий принцип «свободы»: «национальная свобода» требует «политической самостоятельности»... Никогда и нигде племенное деление народов не совпадало с государственным. Вся история дает тому живые и убедительные доказательства. Всегда были малые народы и племена, не способные к государственному самостоятию... Спросите — где самостоятельные государства фламандцев (4,2 млн. — в Бельгии, 1 млн. — в Голландии), или валонгов (4 млн.), почему не суверенны узьские кимры и шотландские гэлы (0,6 млн.), где государства кроатов (3.000.000), словенцев (1.260.000), словаков (2,4 млн.), вендов (65.000), французских басков (170.000), испанских басков (450.000), цыган (до 5 млн.), швейцарских лодинов (45.000), испанских каталонцев (6 млн.), испанских галлегосов (2,2 млн.), курдов (свыше 2 млн.) и многого множества других азиатских, африканских, австралийских и американских племен?

Итак, племенные «швы» Европы и других материков совершенно не совпадают с государственным границами. Многие малые племена только тем и спаслись в истории, что примыкали к более крупночисленным народам, государственным и толерантным: отдавать эти малые племена значило бы или

передать их новым завоевателям и тем окончательно повредить их самобытную культурную жизнь, или погубить их совсем, что было бы духовно разрушительно, хозяйственно разорительно и государственно нелепо. Вспомним историю Древней Римской империи — это множество народов: «включенных», получивших права римского гражданства, самобытных и огражденных от варваров. А современная Великобританская империя? И вот именно таково же культуртрегерское задание единой России.

Ни история, ни современное правосознание не знают такого правила: «Сколько племен, столько государств». Это есть новозобретенная, нелепая и гибельная доктрина; и ныне она выдвигается именно для того, чтобы расчленив единую Россию и погубить ее самобытную духовную культуру.

II

4. Далее, пусть не говорят нам о том, что «национальные меньшинства» России стояли под гнетом русского большинства и его государей. Это вздорная и ложная фантазия. Императорская Россия никогда не денационализировала свои малые народы, в отличие хотя бы от германцев в Западной Европе.

Дайте себе труд заглянуть в историческую карту Европы эпохи Карла Великого и первых Каролингов (768—843 по Р. Х.). Вы увидите, что почти от самой Дании, по Эльбе и за Эльбой (славянская «Лаба»!), через Эрфурт к Регенсбургу и по Дунаю сидели славянские племена: абодриты, лютичи, линоны, гевелы, редарии, укры, поморяне, сорбы и много других. Где они все? Что от них осталось? Они подверглись завоеванию, искоренению или полной денационализации со стороны германцев. Тактика завоевателя была такова: после военной победы в стан германцев вызывался ведущий слой побежденного народа; эта аристократия вырезалась на месте, затем обезглавленный народ подвергался принудительному крещению в католицизм, несогласные убивались тысячами; оставшиеся принудительно и бесповоротно германизировались. «Обезглавление» побежденного народа есть старый общегерманский прием, который позднее был применен и к чехам, а в наши дни — опять к чехам и русским (для чего и внедрены были в Россию большевики с их террором).

Видано ли, слышано ли что-нибудь подобное в истории России? Никогда и нигде! Сколько малых племен получила Россия в истории, столько она и соблюла. Она выделила, правда, верхние слои присоединенных племен, но лишь для того, чтобы включить их в свой имперский верхний слой. Ни принудительным крещением, ни искоренением, ни всеуравнивающим обрушением она никогда не занималась. Насильственная денационализация и коммунист-

ческая уравниловка появились только при большевиках.

И вот доказательство: население Германии, поглотившей столько племен, доведено посредством беспощадной денационализации до всегерманской однородности, а в России общие переписи установили сначала свыше ста, а потом до ста шестидесяти различных языковых племен и до тридцати различных исповеданий. И господа расчленители забывают, что племенной состав для затеваемого ими политического расчленения соблюла именно императорская Россия.

Вспомним хотя бы историю немецких колонистов в России. Подверглись ли они за 150 лет денационализации? Они переселились на Волгу и в южную Россию во второй половине XVIII века и позже (1765—1809) в числе 45—50 тысяч. К началу XX века это был богатейший слой российского крестьянства числом около 1.200.000 человек. Все соблюли свой язык, свои исповедания, свои обычаи. И когда, доведенные экспроприацией большевиков до отчаяния, они хлынули назад из России, то немцы с изумлением услышали в их устах исконные — голштинские, вюртембергские и иные — диалекты. Все сообщения о принудительной русификации были этим опровергнуты и пострашены.

Но политическая пропаганда не останавливается и перед явной ложью.

5. Далее, надо установить, что самое расчленение России представляет задачу территориально неразрешимую. Императорская Россия не смотрела на свои племена, как на дрова, подлежащие перебросу с места на место; она никогда не гоняла их по стране произвольно. Расселение их в России было делом истории и свободного оседания: это был процесс иррациональный, не сводимый ни на какие географические размежевания; это был процесс колонизации, ухода, переселения, расселения, смешения, уподобления, размножения и вымирания. Откройте дореволюционную этнографическую карту России (1900—1910), и вы увидите необычайную пестроту: вся территория наша была испещрена маленькими национальными «островами», «ответвлениями», «окружениями», племенными «заливами», «проливами», «каналами» и «озерами». Всмотритесь в это племенное смешение и учтите следующие оговорки: 1) все эти цветковые обозначения условны, ибо никто не мешал грузинам жить в Киеве или Петербурге, армянам — в Бессарабии или Владивостоке, латышам — в Архангельске или на Кавказе, черкесам — в Эстонии, великороссам — повсюду и так далее; 2) поэтому все эти краски на карте обозначают не «исключительную», а только «преимущественную» племенную заселенность; 3) все эти племена за последние столетия лет вступили друг с другом в кровное смешение, причем дети от смешанных браков вступали в новые и новые племенные смешения; 4) учтите еще дар рус-

ского духа и русской природы непринудительно и незаметно обрусевать людей иной крови, что и передается в южнорусской поговорке «Папа — турок, мама — грек, а я русский человек»; 5) распространите этот процесс на всю русскую территорию — от Аракса до Варангерской губы и от Петербурга до Якутска, и вы поймете, почему провалилась большевистская попытка показным образом размежевать Россию на национальные «республики».

Большевикам не удалось отвести каждому племени его особую территорию потому, что все племена России разбросаны и рассеяны, кровно смешаны и географически перемешаны друг с другом.

Политически обособляясь, каждое племя претендует, конечно, на течение «своих» рек и каналов, на плодородную почву, на подземные богатства, на удобные пастбища, на выгодные торговые пути и на стратегические оборонительные границы, не говоря уже о главном «массиве» своего племени, как бы малочислен ни был этот «массив». И вот если мы отвлечемся от малых и рассеянных племен, как-то: вотяки, пермяки, зыряне, гогулы, остяки, черемисы, мордва, чуваша, ижора, талышцы, крызцы, долгане, чуванцы, алеуты, лаки, табасаранцы, удины и другие, — и взглянем только в национальную гущу Кавказа и Средней Азии, то мы увидим следующее.

Расселение более крупных и значительных племен в России таково, что каждое отдельное «государствие» должно было отдать свои «меньшинства» соседям и включить в свой состав обильные чужие «меньшинства». Так обстояло в начале революции в Средней Азии с узбеками, таджиками, киргиз-кайсаками и туркменами: здесь попытки политического размежевания вызвали только ожесточенное соперничество, ненависть и неповиновение. Так же обстояло и на Кавказе. Застарелая национальная вражда между азербайджанскими татарами и армянами требовала строгого территориального раздела, а этот раздел оказался совершенно неосуществимым: обнаружилось большие территориальные узлы со смешанным населением, и только присутствие советских войск предотвращало взаимную резню. Подобные же большие узлы образовались при размежевании Грузии и Армении уже в силу одного того, что в Тифлисе, главном городе Грузии, армяне составляли почти половину населения, и притом наиболее зажиточную половину.

Понятно, что большевики, желавшие под видом «национальной самостоятельности» изолировать, денационализировать и интернационализировать российские племена, разрешали все эти задачи диктаториальным произволом, за которым скрывались партийно-марксистские соображения, и силою красноармейского оружия.

Так, национально-территориальное размежевание народов было делом искони ненадежным.

III

6. Ко всему сказанному надо добавить, что целый ряд российских племен живет доныне в состоянии духовной и государственно-политической малокультурности: среди них есть такие, что пребывают религиозно в самом примитивном Шаманстве; вся «культура» сводится у многих к кустарным ремеслам; кочевничество далеко еще не изжито; не имея ни естественных границ своей территории, ни главных городов, ни своих письменных знаков, ни своей средней и высшей школы, ни своей национальной интеллигенции, ни национального самосознания, ни государственного правосознания, они (как это было известно русскому императорскому правительству и как это подтвердилось при большевиках) не способны к самой элементарной политической жизни, не говоря уже о разрешении сложных задач судопроизводства, народного представительства, техники, дипломатии и стратегии. В руках большевиков они оказались политическими куклами, надетыми на пальцы большевистской диктатуры: двигались эти пальцы — и несчастные куклы шевелились, кланялись, покорно разводили руками и лепетали партийно-марксистские пошлости. Демагогия и обман, экспроприация и террор, разрушение религии и быта выдавались за «национальный расцвет» российских меньшинств, а на Западе находились глупцы и продажные корреспонденты, которые воспевали это «освобождение народов».

Неизбежен вопрос: после отчленения этих племен от России кто завладеет ими? Какая иностранная держава будет разыгрывать их и тянуть из них жизненные соки?..

7. С тех пор протекли десятилетия большевистского произвола, голода и террора. С тех пор пронесся ураган второй войны и была проведена послевоенная «национальная чистка». Вот уже 33 года, как большевики убивают или вымаривают голодом непокорные слои населения и перебрасывают людей всех российских племен и наций массами в концлагеря, в новые города и на фабрики. Вторая мировая война сдвинула с места всю западную половину Европейской России, уводя одних (украинцев, немецких колонистов, евреев) на восток к Уралу и за Урал, а других — на запад, в качестве племенных «остарбейтеров», или «беженцев» (в том числе добровольно ушли в Германию целую массу калмыки). Немцы заняли тогда русскую территорию с населением около 85 миллионов людей; массами расстреливали заложников и истребили около полутора миллионов евреев. Этот режим расстрелов и передвижений продолжался затем при большевиках после обратного занятия отвоеванных у них территорий. Потом начались расправы с национальными меньшинствами: надо считать почти погубленными — немецко-ко-

лонистов, крымских татар, карачаев, чеченцев и ингушей; а ныне расправа продолжается в Эстонии, Латвии и Литве. Представители УНРА исчислили погибших жителей Белоруссии в 2,2 миллиона, а на Украине — в 7—9 миллионов. Помимо этого, нам достоверно известно, что выбывающее население Украины, Белоруссии и Прибалтики пополняется населением из центральных губерний, с иными национальными традициями и тяготениями.

Все это означает, что процесс вымирания, национальной перетасовки и племенного смешения достиг в России за время революции небывалых размеров. Целые племена исчезли совсем или сведены к ничтожеству; целые губернии и области очнутся после революции с новым составом населения; целые уезды окажутся запустевшими. Прежние планы и расчеты господ расчленителей окажутся беспочвенными и несостоятельными. Если же советская революция закончится третьей мировой войной, то в племенном и территориальном составе русского населения произойдут такие изменения, после которых сама идея национально-политического расчленения России может оказаться совершенно нежизненной химерой, планом не только изменническим, но просто глупым и неосуществимым.

8. И тем не менее мы должны быть готовы к тому, что расчленители России попытаются провести свой враждебный и нелепый опыт даже и в послебольшевистском хаосе, обманно выдавая его за высшее торжество «свободы», «демократии» и «федерализма» — российским племенам и народам на гибель, авантюристам, жаждущим политической карьеры, на «процветание», врагам России на торжество. Мы должны быть готовы к этому: во-первых, потому, что германская пропаганда вложила слишком много денег и усилий в украинский (а может быть, и не только в украинский) сепаратизм; во-вторых, потому, что психоз мнимой «демократии» и мнимого «федерализма» охватил широкие круги пореволюционных честолюбцев и карьеристов; в-третьих, потому, что мировая закулиса, решившая расчленить Россию, отступит от своего решения тогда, когда ее планы потерпят полное крушение.

IV

9. И вот, когда после падения большевиков мировая пропаганда бросит во всероссийский хаос лозунг «Народы бывшей России, расчленийтесь!», откроются две возможности:

или внутри России встанет русская национальная диктатура, которая возьмет в свои руки крепкие «бразды правления», погасит этот гибельный лозунг и поведет Россию к единству, пресекая все и всякие сепаратистские движения в стране;

или же такая диктатура не сложится, и в стране начнется непредставимый хаос передвижений, возвращений, отщепен, погромов, развала транспорта, безработицы, голода, холода и безвластия.

Тогда Россия будет охвачена анархией и выдаст себя с головой своим национальным, военным, политическим и вероисповедальным врагам. В ней сложится тот водоворот погромов и смуты, тот «Мальстрем нечисти», на который мы указали в пункте I; тогда отдельные части ее начнут искать спасения в «бытии о себе», то есть в расчленении.

Само собой разумеется, что этим состоянием анархии захотят воспользоваться все наши «добрые соседи»; начнутся всевозможные военные вмешательства под предлогом «самоограждения», «змирения», «водворения порядка» и так далее. Вспомнить 1917—1919 гг., когда только ленивый не брал плохо лежащее русское добро; когда Англия топила союзно-русские корабли под предлогом, что они стали «революционно опасными», а Германия захватила Украину и докатилась до Дона и Волги. И вот «добрые соседи» снова пустят в ход все виды интервенции; дипломатическую угрозу, военную оккупацию, захват сырья, присвоение «концессий», расхищение военных запасов, одиночный, партийный и массовый подкуп организационно-наемных сепаратистских банд (под названием «национально-федеративных армий»), создание марионеточных правительств, разжигание и углубление гражданских войн по китайскому образцу. А новая Лига Наций попытается установить «новый порядок» посредством заочных (Парижских, Женевских или Берлинских) резолюций, направленных на подавление и расчленение национальной России.

Допустим на момент, что все эти «свободолюбивые и демократические» усилия временно увенчаются успехом и Россия будет расчленена. Что же даст этот опыт российским народам и соседним державам?

10. При самом скромном подсчете — до двадцати отдельных «государств», не имеющих ни бесспорной территории, ни авторитетных правительств, ни законов, ни суда, ни армий, ни, бесспорно, национального населения. До двадцати пустых названий. Но природа не терпит пустоты. И в эти образовавшиеся политические ямы, в эти водовороты сепаратистской анархии хлынет человеческая порочность: во-первых, вышколенные революцией авантюристы под новыми фамилиями; во-вторых, наймиты соседних держав (из русской эмиграции); в-третьих, иностранные искатели приключений, кондотьеры, спекулянты и миссионеры (перечитайте «Бориса Годунова» Пушкина и «Исторические хроники» Шекспира). Все это будет заинтересовано в затягивании хаоса, в противорусской агитации и пропаганде, в политической и религиозной коррупции.

Медленно, десятилетиями будут слагаться новые, отпавшие или отчлененные государства. Каждое поведет с каждым соседним длительную борьбу за территорию и за население, что будет равносильно бесконечным гражданским войнам в пределах России.

Будут появляться все новые жадные, жестокие и бессовестные «псевдогенералы», добывать себе «субсидии» за границы и начинать новую резню. Двадцать государств будут содержать 20 министерств (20×10, по меньшей мере 200 министров), двадцать парламентов (20×200, минимум 4.000 парламентариев), двадцать армий, двадцать штабов, двадцать военных промышленности, двадцать разведок и контрразведок, двадцать полиций, двадцать таможенных и запретительных систем и двадцать всемирно разбросанных дипломатических и консульских представительств. Двадцать разстроенных бюджетов и монетных единиц потребуют бесчисленных валютных займов: займы будут даваться «державами» под гарантии — «демократического», «концессионного», «торгово-промышленного» и «военного» рода. Новые государства окажутся через несколько лет сателлитами соседних держав, иностранными колониями или «протекторатами». Известная нам из истории федеративная способность русского населения и столь же исторически доказанная тяга его к «самостоятельному фигурированию» довершат дело: о федерации никто и не вспомнит, а взаимное ожесточение российских соседей заставит их предпочитать иноземное рабство всерусскому единению.

11. Чтобы наглядно вообразить Россию в состоянии этого длительного безумия, достаточно представить себе судьбу «Самостийной Украины».

Этому «государству» придется прежде всего создать новую оборонительную линию от Овруча до Курска и далее через Харьков на Бахмут и Мариуполь. Соответственно должны будут «ошестиниться» фронтом против Украины и Великороссия и Донское Войско. Оба соседних государства будут знать, что Украина опирается на Германию и является ее сателлитом и что в случае новой войны между Германией и Россией немецкое наступление пойдет с самого начала от Курска на Москву, от Харькова на Волгу и от Бахмута и Мариуполя на Кавказ. Это будет новая стратегическая ситуация, в которой пункты максимального доныне продвижения германцев окажутся их исходными пунктами.

Нетрудно представить себе и то, как к этой новой стратегической ситуации отнесутся Польша, Франция, Англия и Соединенные Штаты; они быстро сообразят, что признать «Самостийную Украину» значит отдать ее германцам (то есть признать первую и вторую мировые войны проигранными) и снабдить их не только южнорусским хлебом, углем и железом, но и уступить им Кавказ, Волгу и Урал.

На этом может начаться отрезвление Западной Европы от «федеративного» угара и от общерусского расчленения.

V

12. Из всего этого явствует, что план расчленения России имеет свой предел в реальных интересах России и всего человечества. Доколь ведутся отвлеченные разговоры, доколь политические доктринеры выдвигают «соблазнительные» лозунги, делают ставку на русских изменников и забывают империалистическую похоть предприимчивых соседей; доколь они считают Россию конечною и похороненною, а потому беззащитною, — дело ее расчленения может представляться решенным и легким. Но однажды великие державы реализуют в воображении неизбежные последствия этого расчленения, и однажды Россия очнется и заговорит, тогда решенное окажется проблематичным и легкое — трудным.

Россия, как добыча, брошенная на расхищение, есть величина, которую никто не осилит, на которой все перессорятся, которая вызовет к жизни немощные и неприемлемые опасности для всего человечества. Мировое хозяйство, и без того выведенное из равновесия утратой здорового производства России, увидит себя перед укреплением этого бесплодия на десятки лет. Мировое равновесие, и без того ставшее шатким, как никогда, окажется обреченным на новые невиданные испытания. Расчленение России не даст ничего далеким державам и невероятно укрепит ближайших соседей — империалистов. Трудно придумать меру, более выгодную для Германии, как именно провозглашение русской «псевдофедерации»: это значило бы «спасать со счета» первую мировую войну, весь междувоенный период (1918—1939) и всю вторую мировую войну — и открыть Германии путь к мировой гегемонии. «Самостийная Украина» только и может быть «трамплином», ведущим немцев к мировому водительству.

Именно Германия, восприняв старую мечту Густава Адольфа, силится отбросить Россию до «Московской эпохи». При этом она, рассматривая русский народ как предназначенный для нее исторический «навоз», совершенно неспособна понять, что Россия не погибнет от расчленения, но начнет воспроизведение всего хода своей истории заново: она, как великий «организм», снова примется собирать свои «члены», продвигаясь по рекам к морям, к горам, к углю, к хлебу, к нефти, к урану.

Легкомысленно и неумно поступают враги России, «впрыскивая» российским племенам политически безумную идею расчленения. Эта идея расчленения европейских держав была однажды выдвинута на Версальском конгрессе (1918). Тогда она была принята и осуществлена.

И что же?

В Европе появился ряд небольших и в

самоотставании слабосильных государств: Эстония, Латвия и Литва; многоземельная, но неудобозащитимая Польша; стратегически безнадежная, ибо всюду удобопроломимая и внутренне разьединенная Чехословакия; маленькая и разоруженная Австрия; урезанная, обиженная и обессиленная Венгрия; до смешного раздувшаяся и стратегически ничего не стоящая Румыния, и не по-прежнему обширная, но по-новому оскорбленная, мечтающая о реванше Германия. С тех пор прошло тридцать лет, и когда мы теперь оглядываемся на ход событий, то невольно спрашиваем себя: может быть, версальские политики хотели приготовить для воинственной Германии обильную и незащищенную добычу — от Нарвы до Варны и от Брегенца до Барановичей? Ведь они превратили всю эту европейскую область в какой-то «детский сад» и оставили этих беззащитных «красных шапочек» наедине с голодным и обозленным волком... Были ли они столь наивны, что надеялись на французскую «гувернантку», которая «воспитает» волка? Или они недооценили жизненную энергию и горделивые замыслы немцев? Или они думали, что Россия по-прежнему спасет европейское равновесие, ибо воображали и уверяли себя, что Советское государство и есть Россия? Что ни вопрос, то нелепость...

Трудно теперь сказать, о чем именно эти господа тогда думали и о чем не думали. Ясно только, что приготовленное ими расчленение Европы, заключенное между германским и советским империализмом, было величайшей глупостью двадцатого века. К сожалению, эта глупость их ничему не научила, и рецепт расчленения опять извлечен из дипломатических портфелей.

Но для нас поучительно, что европейские политики заговорили одновременно — о паневропейском объединении и о всероссийском расчленении! Мы давно прислушиваемся к этим голосам. Еще в двадцатых годах в Праге видные социалисты-революционеры публично проболтали об этом замысле, избегая слова «Россия» и заменяя его описательным выражением — «страны, расположенные к востоку от линии Керзона». Мы тогда же отметили эту многообещающую и в сущности изменническую терминологию и сделали соответствующий вывод: мировая закулиса хоронит единую национальную Россию...

Не умно это, не дальновидно. Торопливо в ненависти и безнадежно на века. Россия — не человеческая пыль и не хаос. Она есть прежде всего великий народ, не промотавший своих сил и не отчаявшийся в своем признании. Этот народ изголодался по свободному порядку, по мирному труду, по способности и по национальной культуре. Не хороните же его преждевременно! Придет исторический час, он восстанет из мнимого гроба и потребует назад свои права!

«РУССКИЙ РУБЕЖ» — специальный выпуск газеты «Литературная Россия».

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА

КТО ЕЕ БОИТСЯ?

БЕЗЫСХОДНОСТЬ нашего «экономического настроения» — в безысходности денег. Неотovarенные, они лишают стимула к труду. И кормят коррупцию, спекуляцию, рэкет. Как погасить этот хрустящий купюрами девятый вал? Есть два пути...

Денежная реформа или рост инфляции? Так будоражаще-остро была сформулирована цель дискуссии, организованной Академией народного хозяйства Совмина СССР и Институтом социологии АН СССР. Начнем с вопроса: как же нарастал финансовый девятый вал? Процесс начался задолго до перестройки. К 1985 году, отметил доктор экономических наук Б. Ракитский, каждый выпущенный рубль был обеспечен товарами уже только на 50 копеек.

Однако «ускорение» произошло именно в последние годы. А наука так толком и не объяснила, что же такое пресловутый «конечный результат», за который надо платить?

Постановление, регулирующее заработную плату в госсекторе (оно известно в хозяйственных кругах под номером 1115) и подписанное в 1987 году М. С. Горбачевым и Н. И. Рыжковым, «разъясняет»: платить надо по труду, за конечный результат. Очевидно, готовящим его ученым было невдомек: объем труда и объем его результатов — это две разные вещи. Скомандовал: «Стой там, иди сюда», руководство приняло затем еще немало подобных решений.

Особенно резко объемы неотovarенных денег стали нарастать в госсекторе с появлением кооперации. Именно она задавала невиданный темп в гонке доходов. В 1989 году прирост зарплаты, приходящийся на 126 миллионов работников госсектора, составил 26,5 миллиарда рублей, а на 4,5 миллиона их кооперативных конкурентов — 14,5 миллиарда.

Почему-то, принимая решение о развитии нового сектора, никто не обратился к уставу Международного кооперативного альянса. А он, между прочим, запрещает эксплуатацию человека человеком, ограничивает прибыль по внесенному паю. Так, устав направляет деятельность не на получение прибыли любой ценой, а на решение социальных, экологических и других «нерентабельных» проблем.

Новоявленные предприниматели оказались поставлены в условия практически свободного рынка, в значительной степени теневого. Только сейчас зашла речь о декларировании доходов, заслоне перекачки безличных средств в наличные, поднятии налогов с 2—3 процентов до нормального уровня. До сих пор степень бесконтрольности наших бизнесменов не имела аналогов в практике цивилизованных государств.

Если высшие органы власти в этих и других вопросах в лучшем случае оказались сильны задним умом, то бизнесмены показали завидное умение заглядывать вперед. Например, известный кооператив «Техника» рассказывал по карманам выданные ему авансы, исходя из грядущих «репрессивных» действий. Так называются в постановлении собрания кооперативов перечисленные нами вполне цивилизованные меры.

Интересно, что это предусмотрительное решение было принято еще в период полной эйфории по поводу кооперативной свободы, когда об ограничениях говорить было совсем немодно. Очевидно, сказалась высокая информированность руководителей «Техники», входивших в солидные кабинеты.

По подсчетам специалистов, две трети теневой прибыли идет сейчас на подкуп должностных лиц. Накладный способ контролировать средства производства. Теперь, по мнению Б. Ракитского, капитал стремятся вкладывать не в должности, а

непосредственно в предприятия, в том числе и совместно.

Так что споры о целесообразности введения частной собственности запоздали. Она была и раньше. Теперь речь идет лишь о ее легализации.

В перечислении вариантов накопления и расходования «лишних денег» можно утонуть. Назовем лишь некоторые общие цифры, приведенные на дискуссии академиком А. Аганбегяном. 200 миллиардов рублей сейчас — мобильные, требующие своего покрытия немедленно. Они сметают с прилавков все. По данным ВНИИ конъюнктуры и спроса, из 1101 вида товаров, наличие которых исследуется учеными постоянно, в начале 1990 года в торговле оказалось всего 56. А за остальные, естественно, надо переплатить. Кому? Тем обладателям больших денег, кто может скупать целые партии уже на складе или оптовой базе.

Кого ругать за происшедшее? Можно — свойственную представителям госсектора неразворотливость травоядных динозавров. Можно — и хищную прыть наших предпринимателей. Но ведь и те, и другие действуют в рамках определенных правил игры. А они сформулированы в основном уже перестроечными постановлениями, законами. Каждый из них препоносился как новый вексель, гарантирующий в скором времени улучшение жизни. Но вот по векселям приходит пора платить. Кто заплатит?

Элементом рассасывания денежной массы наше руководство, похоже, видит легализацию частной собственности.

А вот А. Аганбегян вполне откровенно поделился соображениями, царящими в высших экономических и политических сферах. 30 миллиардов рублей, по его оценке, можно оттянуть из избыточной денежной массы за счет продажи жилья, земельных участков с инфраструктурой, небольших предприятий.

А если не будет хватать «небольших»? То их можно получить в результате формирования крупных. Так их легче будет проглотить нашему капиталу, еще не достигшему высокой степени концентрации. Разговоры о разукрупнении (якобы из соображений роста эффективности) уже вовсю ведут наши «прогрессивные» экономисты. По их логике, руководители «Дженерал электрик» или «Дженерал моторс», каждая из которых по своим масштабам сопоставима с нашей союзной отраслью, должны день и ночь рыдать от собственных масштабов.

Характерна и позиция А. Орлова, заместителя председателя Госкомиссии Совмина СССР по экономической реформе, высказанная им в прессе: «Надо устано-

вить плату за легализацию незаконно накопленных сумм, причем дифференцированную. Хочешь, к примеру, купить недостроенную мастерскую, оплаты ее стоимость в двукратном размере...»

Увы, часть нынешней науки склонна проводить под такие решения теоретическую базу. Во всяком случае, в зале Академии народного хозяйства прозвучало такое определение: «Теневая экономика — это нормальная экономика, действующая в ненормальных условиях». Остроумно. Но верно ли?

Возникает вопрос: где экономика нормальна? В США? Но ведь и там есть теневики.

Идея отсасывания банкнот за счет расширения рынка зашла у наших стратегов далеко. Продавать начинают даже обещания. Судя по словам А. Аганбегяна, десятиллиардный беспроцентный заем, гарантирующий в будущем покупку дефицита, — только первый шаг в этом направлении. Его девиз: «Деньги вперед (все)». Можно ли верить в этом правительству? Не знаю. Во всяком случае, как отмечалось на дискуссии, ни к чему не обязывающие рубли оно печатает почти не задумываясь, а карточки (то есть твердые обязательства) широко вводит опасается.

В общем, считает академик, только за счет продажи несуществующих пока автомобилей можно выручить еще 35 миллиардов. Однако, сказал А. Аганбегян, все это не для каждого. Примерно для 20 процентов общества.

А как же остальные 80 процентов? Оказывается, они должны быть благодарны за то, что плату по векселям возьмут на себя богатые. К моменту введения свободного рынка последние отдадут значительную часть денег государству, и таким образом цены, по словам А. Аганбегяна, поднимутся в среднем на треть. В противном случае — в два-три раза.

Итак, цены увеличились на треть, все ценное, что будет произведено в обозримой перспективе, скуплено... Зато, чтобы поднять свое благополучие, 80 процентов смогут нанять за большие деньги к частнику. Только будут ли деньги большими? Ведь им кормить придется не только государственных чиновников (яв склонных к самосокращению), но и всевозрастающую рать предпринимателей. Причем, показывает история, на этапе первоначально накопления капитала эксплуатация может быть только нещадной. Выходит, в конечном счете заплатят не 20, а 80 процентов общества. За инфляционный путь решения проблем заплатят бедняки.

...Теперь рискуем нарушить весьма решительное предупреждение, высказанное на дискуссии. Оно принадлежит представителю Института экономики АН СССР О. Роговой: не надо, дескать, говорить в прессе о денежной реформе. Ибо каждая публикация о ней приводит к новой панике. И напуганные войнами и реформами старушки тут же бегут за свичками и солью, электробритвами и эмальированными чайниками... Что там еще не раскуплено?

Логика понятна. Ей в полной мере следуют, например, академик Л. Абалкин. На вопрос о денежной реформе он отвечает неизменно коротко: «Могу твердо и однозначно сказать: «нет». Очевидно, главным аргументом здесь должна быть сама должность говорящего.

Впрочем, иногда, чтобы опровергнуть разговоры о чрезмерной поляризации доходов населения, Л. Абалкин вдает в некоторые подробности: «Средний размер вклада, как нетрудно подсчитать, составляет 1514 рублей. В сбербанке не зарегистрировано ни одного вклада на сумму больше 200 тысяч рублей».

Однако, во-первых, треть накоплений находится на руках, и именно здесь сосредоточена основная часть оборотного капитала дельцов. Во-вторых, размеры «среднего вклада» не говорят ни о чем. Ведь, по словам самого же академика, более трети из них — на сумму до 300 рублей. А с другой стороны, по данным социологов, сберкнижки есть лишь у каждого восьмого человека. Так что на 35 миллионов «счастливчиков» приходится 200 миллионов вкладов. У кого-то — один, а у кого-то — десять. И, в-третьих, знаменитые заработки деятелей из «Техники», значительно превышавшие 200 тысяч, переводились именно на личные счета в сбербанки. И подобных примеров в КРУ Минфина СССР могут привести немало.

Послевоенный опыт денежных реформ есть не только в СССР. Один из сотрудников Академии народного хозяйства СССР привел пример западных зон Германии, где реформа была проведена в 1948 году. Каждый человек получил право обменять на новые банкноты 40 марок. Предприятиям и учреждениям были выданы новыми деньгами кредиты на подержание производственного процесса.

Все остальное в обязательном порядке было положено на банковские счета и заморожено. «Разморозка» происходила по мере появления товаров. Пострадали, кстати, только те, кто имел излишки материальных запасов для спекуляции. Ведь из-за нехватки в обороте денежных средств цены резко упали.

Не лучше ли достать через некоторое время из «финансового холодильника» полновесные рубли, чем ждать, пока они не обесценятся вовсе!

Подобная реформа с успехом была проведена также в Голландии. А сейчас сходные мероприятия такой авторитет, как американский ученый А. Гэлбрейт, предлагает осуществить и нам.

Директор НИИ банков С. Лушин высказал сомнение: какой смысл в реформе, если текущие доходы тут же восстанавли-

прежнее положение? Действительно, эффект может принести лишь комплекс мер, принимаемых одновременно. Среди них те поправки к Закону о кооперации, о которых мы уже говорили. Необходимо и всеобщее декларирование доходов. Однако ведь многие народные депутаты проголосовали против декларирования доходов Президента СССР. Предложение не прошло. Может быть, некоторые народные избранники опасались, что дело вскоре дойдет уже до них?..

Что же касается приведения кооперации в цивилизованное русло, то главным здесь должно быть соблюдение принципа, заложенного во Всеобщую декларацию прав человека: равная оплата за равный труд. Сколько бы мы могли выиграть только на сокращении миграций миллионов людей в поисках «теплых местечек!» Кроме того, возникает, наконец, возможность ввести грамотное стимулирование в госсекторе. Ведь сейчас, чтобы удержать тех, кто еще не перебежал в кооперативы, вопреки всем резонам приходится расширять сдельный принцип оплаты труда. Чем больший вал выдал, тем лучше и получил. В результате идет массовый брак, ломается техника. Пора, в соответствии с мировым опытом, переходить на нормативно-премиальные системы оплаты.

Сотрудник ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка В. Панкратов дополнил перечень необходимых мер введением электронных карточек. В США, сказал он, за крупной покупкой просто неприлично приходиться с наличными: могут подумать, что вы гангстер.

Поклонникам этого штампа времен перестройки скажем лишь о том, что, по словам известного советского разведчика полковника Абея, в Америке его больше беспокоили не агенты ФБР, а налоговые инспекторы.

Существует иллюзия, сказал В. Панкратов, что теневики свои деньги тут же тратят. Однако невыполнение плана инкассации показывает: в оборот сейчас не возвращается 10 процентов банкнот. Особенно крупных купюр, так удобных для перевозок. В средней Азии, например, сотенную бумажку можно продать за 120 рублей.

Вот какие средства можно отсечь! Итак, при денежной реформе платить придется тем, о ком В. И. Ленин говорил: «богатые и жулики — две стороны одной медали».

Реформу пытаются представить порой чуть ли не как наследие сталинизма. Однако не получается ли, что его традиции на самом деле наследуют ее противники? Ведь социально-экономической сутью сталинизма было почти полное отделение приставленных к наиболее тяжелому труду людей (колхозников и заключенных) от распределения. Сейчас эта роль отводится уже 80 процентам общества. В случае роста инфляции им остается лишь смотреть, глотая слюну, на сверкающие прилавки...

**Ю. ВОРОБЬЕВСКИЙ,
обозреватель ТАСС (специально для
журнала «На боевом посту»)**

Арнольд и Лорен ЛОКШИНЫ:

«наш долг — предупредить»

Семья политических эмигрантов из США Локшиных уже хорошо известна советским людям. Они живут в Москве. Арнольд — глава семьи — доктор биологических наук, работает заведующим лабораторией в онкологическом исследовательском центре. Лорен — его жена и товарищ по убеждениям — пишет статьи и по мере возможности помогает друзьям в изучении английского языка. Дочь учится в Московском институте тонкой химической технологии им. М. В. Ломоносова, а сыновья ходят в обычную среднюю школу.

Во многих своих интервью Локшины повторяют, что нынешней советской прессой игнорируется само слово «империализм» и слишком приукрашивается западный образ жизни, которому присущи и безработица, и другие острые социальные проблемы. Например, буржуазная газета «Файнэншл таймс» 27 января сообщила, что продолжительность жизни мальчика из американского гетто короче, чем у его сверстника в Бангладеш — одной из беднейших стран мира... Но многие ли в СССР имеют представление о том!

Арнольд и Лорен встревожены тем, что в Советской стране под видом перестройки реставрируется «рыночный капитализм»,

— Как советские люди относятся к вашей семье! — этим вопросом началась наша беседа.

— Большинство советских людей очень тепло относятся к нам. И у нас есть хорошие друзья и коллеги. Но мы также столкнулись с определенными силами, которые дали понять свое неприятие того, что американская семья, живущая в СССР, поддерживает ленинскую концепцию социализма и предупреждает об опасности империализма. Эти люди утверждают, что мы приехали в Советский Союз, получили квартиру и я стал руководителем лаборатории — и все это за то, что мы высказывались таким образом... Это неправда. Часто нас спрашивают: «Почему вы не возвращаетесь в США?»

который принесет не «американский рай», а колониальную зависимость от мощных империалистических держав и корпораций.

Арнольд собрал богатейшее «досье» из материалов зарубежных газет, журналов, которые так или иначе касаются процессов, происходящих в СССР. Вот почему его утверждения никогда не бывают бездоказательными. Каждую свою оценку, мысль он старается проиллюстрировать цитатой из этого «досье».

Чтобы иметь более полное представление о психологической «блокаде» инакомыслящих, выступающих против империализма, Локшин посоветовал ознакомиться с книгой «Безмолвный террор — история политических гонений на семью в Соединенных Штатах Америки», выпущенную в Москве издательством АПН в прошлом году. В ней они с Лорен описали приемы и формы «необъявленной войны» против них. Книга посвящена трем детям Локшиных — им тоже досталось немало в этой истории.

Арнольд по давней американской привычке встретил меня вопросом: «Как дела?» Он был энергичен и весел. И, скажу откровенно, мне было трудно предположить, что Локшин не уверен в себе...

— Что же вы отвечаете?

— Отвечаем так: из-за наших политических взглядов. Наши дети там подвергались нападкам, меня уволили без всяких на то причин, и мы получили убедительное предупреждение о грозящей нам смерти. Нам нельзя вернуться в США.

— СССР учится у США демократии, многое уже перенято... На что важнее всего, по-вашему, обращать больше внимания!

— Мы высоко оцениваем достижения народов Советского Союза и Америки, мы за лучшие отношения между нашими странами. В то же время мы считаем, что наш долг предупредить: империализм никоим образом не заинтересован в демократии и во благе народа.

— Почти четыре года вы живете в нашей стране. Не могли бы вы дать оценку нашей политике? Взгляд «изнутри» будет интересен...

— Несмотря на сладкие слова, кризис в СССР выгоден и нужен капиталистическому миру. Хочу вам привести одну выдержку из публикации в «Интернэшнл гералд трибьюн» (16.6.89 г.): «Ясно, что в долговременных интересах США необходимо использовать настоящую фазу внутренних советских трудностей, в то же время поощряя более широкомасштабную трансформацию самой советской системы». Цитата принадлежит бывшему помощнику президента по национальной безопасности Бжезинскому. Такие лидеры хотя «трансформации» СССР в общество, где рабочий класс будет полностью устранен из структур власти, а сегодняшняя обуржуазившаяся элита и спекулянты станут младшими партнерами иностранных банков и корпораций, крадущих богатства Советской страны.

Империалистическими державами уже поделен мир, и СССР не сумеет стать мощной капиталистической страной. США стали таковыми за счет бессовестного грабежа других стран и народов. У СССР только два пути: либо колониальная зависимость от капиталистического мира, либо подлинное строительство социализма. Чтобы лучше представить, что в действительности происходит здесь, полезно обратиться к событиям в Восточной Европе.

— Имеется, вероятно, в виду серия «демократических» революций? Обновление и империализм — что здесь вы находите общего?

— Наивно полагать, что империализм не играл в этом «обновлении» большую роль. Сейчас мы видим ясно: происходит распродажа этих стран по дешевке. Лех Валенса, известный лидер «Солидарности», «умолял» западные банки и корпорации вложить свой капитал в Польшу: «В Польше рабочие хорошо обучены. За 20 долларов в месяц — где вы еще можете заключить лучшую сделку? Возьмите наши предприятия, постройте новые. Мы гарантируем большие прибыли — такие, какие вы хотите» (Морнинг стар, 1.12.89 г.).

Люди Восточной Европы уже узнали, что такое массовая безработица, галопирующая инфляция, очереди за подающим для нуждающихся. В Польше индустриальное производство сократилось к середине минувшего года на 30 процентов. «Шестеро из каждых десяти поляков сейчас оказываются за чертой бедности, включая большинство из 7 миллионов пенсионеров» (Гардиан, 16.6.1990 г.). «Безработица в Югославии уже в конце 1989 г. достигла 11 процентов и должна подняться на еще более высокий уровень» (Файнэншл таймс, 20.6.1990 г.).

— Что, по-вашему, означают эти события для СССР?

— Главный советник по экономике Польши заявил: «То, что происходит в Польше, да и в целой группе стран, от Альп до Урала, есть процесс ликвидации коммунизма» (Интернэшнл гералд трибьюн, 2.12.1989 г.). Империализм со времен Октябрьской революции добивается того, чтобы Советский Союз отрекся от социализма и распахнул двери для сверхэксплуатации трудящихся. В последнее время он усилил эти требования. Под флагом «развития демократии» уже ваши, отечественные, элементы выступают за радикальный демонтаж социализма, ликвидацию партийных комитетов на предприятиях и создание в СССР капиталистического режима.

— Как вы видите перспективу процессов в Вооруженных Силах СССР, особенно сегодня, когда так много говорят о конверсии и новом политическом мышлении?

— Люди, восхваляющие империализм и стремящиеся к «деполитизации» армии, наверно, забыли ленинское определение империализма как эпохи гигантских капиталистических монополий, эпохи перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, необыкновенного усиления «государственной машины», неслыханного роста ее чиновничьего и военного аппарата в связи с усилением репрессий против пролетариата как в монархических, так и в самых свободных, республиканских странах. Отсюда сами делайте вывод.

— Но армия у нас народная, а следовательно, демократизм в ней должен быть на уровне...

— Мне кажется, некоторые из тех, кто хочет ликвидировать коммунистическую идеологию в Советской Армии, не могут называться «демократами», каковыми они пытаются представиться. События в Восточной Европе снова доказали, что «деидеологизация» в общественно-политической жизни и в помине нет. Странно то, что люди, заявляющие о деполитизации Вооруженных Сил, не объявляют в открытую, какой вид идеологии они желали бы привить вместо социалистической...

— Но все же мы стоим на пороге следующего тысячелетия, и самое благоразумное — сокращать вооружения, независимо от идеологических принципов.

— Любый благоразумный человек стоит за уменьшение международной напряженности и предотвращение угрозы войны. Но все же недопустимо уступать в одностороннем порядке. Видно, что усиливаются нападки на Советские Вооруженные Силы, это может обусловить активизацию внутренней и внешней реакции.

— На фоне сохраняющихся колоссальных вооружений пока, видимо, нет смысла для особого беспокойства. Наблюдение друг за другом ведется обоюдное, не так ли?

— Мы боимся, что многие важные факты неизвестны советским людям. Пентагон

сейчас требует для своих целей «покупать самые большие площади земли в США после второй мировой войны... Официальные круги Пентагона заявили, что под более эффективное современное вооружение в будущем потребуются занимать больше места для имитации военных действий. Они утверждают, что из-за сокращения военных баз в Европе необходимо приобрести еще больше пространства в США для милитаристских учений» (Интернэшнл гералд трибьюн, 6.07.1990 г.). А как они действуют—пример с Панамой.

— Но президент Буш заявил, что вторжение США в Панаму — война против наркомании. С вашей точки зрения, это не соответствует действительности!

— Цели имели чисто империалистический характер: сохранить де-факто контроль за Панамским каналом, за страной и Центральной Америкой в целом в пользу банков и монополий США. Потом США назначили панамцам своего «лидера». Панамская армия была слабой и не могла сопротивляться мощи США.

Учитывая реальность современного мира, кто может сказать, что Советские Вооруженные Силы не продолжают играть важную роль в сохранении мира?

— Империализм имеет много форм и приемов проведения своей политики, в том числе, наверное, и тайные...

— На Западе давно не секрет, что ЦРУ обеспечивает деньгами и средствами так называемые «демократические» и антикоммунистические организации типа «Солидарность» в Польше или «Хартер-77» в Чехо-Словакии, а также националистических и демократических групп в Советской Прибалтике (Гардиан, 19.04.1990 г.).

Согласно лондонской газете «Таймс» (14.5.1990 г.), «Польское движение «Солидарность» содействует подрыву советского контролирования Украины, поставляя оборудование и обеспечивая обучение действующей в этой республике организации сторонников независимости. Эта тайная операция осуществляется с молчаливого одобрения польского правительства, хотя и является нарушением польского и советского законов».

— А разве в Америке демократия не утверждается борьбой?

— В США разработана сложная политическая система для создания псевдообраза подлинной демократии наряду с камуфлированием сущности истинного контроля со стороны капиталистического класса. В нашей книге мы описываем часть этой тайной политики.

— Почему вашу книгу «Безмолвный террор» не стали публиковать в США?

— Это хороший пример, как действует «свобода» при капитализме. Много распространяется клеветы по отношению к нам и нашей книге самими США, в прессе и по телевидению. Наша же книга была опубликована и на английском, но нам со-

общили, что-де нет такого магазина, нет такой библиотеки в США, которая «может» обеспечить возможность любому простому американцу прочесть ее.

— А здесь, в Союзе?

— Невзирая на утверждения о гласности, мощные силы противодействуют освещению реалистического взгляда на США, на империализм. Много раз разные редакции и ответственные лица давали согласие напечатать наш материал, анализирующий политику США с позиции ленинизма, но затем «вдруг» отказывались по различным причинам.... По сути это напоминает опыт нашего «общения» со средствами массовой информации в США.

— Но в газетах и на экране сегодня присутствует избыточная информация обо всех сферах жизни, или у вас иная точка зрения?

— Средства массовой информации в СССР, политические и общественные деятели говорят, как все будет чудесно и прекрасно, когда советские люди станут жить по-американски. Но это, на наш взгляд, опасная иллюзия, она может принести большие беды трудящимся. Конечно, в жизни США, как и везде, есть положительные стороны. Но те, кто восхваляют капитал, не говорят о негативных сторонах американской действительности.

— Негативное на фоне достижений США, может быть, несущественно?

— Сообщают ли здесь, например, что огромные богатства США экспроприируют у других стран, где производят большую часть электронной продукции, одежды, обуви и многих товаров, покупаемых американцами? Именно сверхприбыли, полученные от сверхэксплуатации народов стран «третьего мира», позволяют капиталистам повысить уровень жизни значительной части американских рабочих. Но, несмотря на все это, 40 миллионов американцев все же живут в нищете. Журнал «Сайенс» пишет: «С 1973 года США прошли через устойчивую депрессию, когда семейные доходы были заморожены или уменьшились» (Т. 241.—1988.—С. 299).

— В настоящее время проводится широкая кампания, ее цель — убедить наш народ в необходимости внедрения «радикальных» экономических мер. Выскажите, Арнольд, ваше отношение...

— Я не экономист, но располагаю материалами, которые почему-то не освещаются советскими газетами и журналами. Иностранным банкирам и корпорациям прямо было сказано, что новый экономический план может включать в себя «повышение цен на уголь и нефть на 300—500 процентов», «свертывание нерентабельных предприятий и до 80 процентов колхозов страны» и «широкомасштабная безработица» (Гардиан, 31.03.1990 г.) плюс планируемая «денационализация большей части государственных предприятий» (Интернэшнл гералд трибьюн, 14, 15.04.1990 г.).

На Западе не скрывают мнения, что эти меры означают «решительное движение Советского Союза в направлении к свободно-рыночному капитализму» (Таймс, 10.04.1990 г.). Не скрывается и то, что в недалеком будущем «предусматривается обеспечение многих советских нуждающихся тарелкой супа» (Интернэшнл гералд трибьюн, 20.03.1990 г.).

Можно предположить, что в СССР будет много труднее, чем даже в странах Восточной Европы. Бжезинский, кстати, говорит, что положение в СССР «объективно гораздо сложнее, чем в Восточной Европе... В Восточной Европе также имеется больше предпосылок для перемен. Экономика там менее масштабная. Запад имеет больше возможностей помочь им» (Деловые люди, июнь 1990 г.). Мы сейчас знаем, с какими результатами оказалась такая рода «помощь»!

Но там же Бжезинский продолжает: «Ваша система намного крупнее, и ваши проблемы значительно сложнее. Поэтому я лично думаю, что мы не можем сделать очень много для решения ваших проблем».

— Ничего хорошего не будет!

— Главные капиталистические державы заявили о своем намерении предоставить Советскому Союзу кредит и товары на сумму в несколько миллиардов долларов при условии, что правительство СССР немедленно перейдет к радикальной экономической реформе. Цель же этой «щедрости» — создать видимость, что проведение этих мер принесет советским людям благо, чтобы погасить народное недовольство. После того, когда миллионный «подарок» окажется исчерпан, — долг СССР банкирам станет во много раз большим, а, к сожалению, условия жизни подавляющего большинства людей еще более ухудшатся.

— Известные западные специалисты принимают активное участие в нашей перестройке. В США профессор Фридман, например, посоветовал Президенту Горбачеву, что «не надо бояться» перехода к рынку (Правда, 10.06.1990 г.). Не выскажете ли вы свое мнение!

— Согласно газете «Интернэшнл гералд трибьюн» (06.06.1990 г.), «экономист Милтон Фридман — самый рьяный идеолог капитализма». Очень важно узнать, не тот ли это самый экономист, который сотрудничал с фашистской хунтой в Чили и создал программу по экономическому переустройству, направленному против трудящихся? Тогда он призывал Чили к «шоковому лечению» экономики — термин, который он сам изобрел (Бизнес уик, 12.01.1976 г.). Его так называемая «новая модель» экономики состояла в развитии частнокапиталистического сектора, функционирующего на базе «свободных рыночных отношений». 15 лет назад Фридман обе-

щал чилийцам, что рыночная экономика связана только с «временными» трудностями. На самом деле в Чили и сегодня половина населения страны считается нищей. Обещание о только первоначальных трудностях рыночной экономики оказалось долговременным ужасом, страшной бедой для миллионов чилийцев. А американские банки и корпорации извлекают из Чили каждый год сотни миллионов долларов прибыли.

— Сегодня активно муссируется мнение, что социализм не оправдал себя за 73 года. Что вы можете сказать по этому поводу!

— Сейчас обвиняют социализм в недостатке соревнования и рабочей заинтересованности. С этим принципиально не согласен. В. И. Ленин стоял за социалистическое соревнование и никогда не менял своего взгляда. Он утверждал, что социалистическое соревнование может быть организовано только в том случае, если трудящиеся, в первую очередь рабочий класс, демократическим путем контролируют экономику, ее управление, руководят страной и являются ведущей силой, представленной компартией.

Экономический кризис в СССР обусловлен действием мощных буржуазно настроенных элементов. Это — три взаимосвязанные группы. Первая — мощные силы в бюрократическом аппарате; вторая — спекулянты; третья — общественные деятели вкупе со средствами массовой информации, которые открыто подвергают нападкам или ревизуют основные социалистические принципы. Для этих групп крушение социализма и раставрация капиталистического порядка принесут власть и богатства.

Необходимо сохранить социалистическую собственность и бороться за то, чтобы сами трудящиеся решали действительно демократическим путем, кто будет служить в министерствах, средствах информации и других институтах советского общества. Важно, чтобы сами трудящиеся выдвигались на ключевые посты от предприятий, как советовал В. И. Ленин: этим и отличается советская система от парламентарной.

Выход сегодня видится и в том, чтобы рабочий класс и весь трудящийся народ, настоящие коммунисты стали, объединившись, бороться против инфляции, безработицы, распродажи страны империалистам и внутренним спекулянтам.

— Высказываете ли вы свое мнение по затронутым темам перед аудиторией!

— Мы с Лорен не претендуем на то, что знаем Советский Союз лучше самих советских людей, но мы знаем капитализм изнутри так, как немногие советские люди могут его знать. Мы считаем, что наш долг — указать вам на реальности империализма. Мы готовы выступать перед людьми и отвечать на вопросы.

Беседа вел С. БЕНДИН.

Генерал-майор В. А. ТЕПЛИНСКИЙ, начальник внутренних войск
МВД СССР по Дальнему Востоку и Восточной Сибири.

«МЕНЯ ВОЛНУЕТ НЕРАЗБОРЧИВОСТЬ ЛЮДСКАЯ»

— Виталий Алексеевич, прошло хоть и небольшое, но все-таки время после завершения XXVIII партийного съезда. Что удалось на практике воплотить из его решений? И в этой связи ваши планы, перспективы!

— «Решения очередного съезда — в жизнь!»? Так, по-моему, сегодня вопрос ставить нельзя. Лозунговость нас привела к застою. Другое дело, что теперь наши парторганизации должны заработать по-новому, и прежде всего потому, что принятый съездом Устав разрушил многие скрепы, искусственно сдерживавшие их самостоятельность, а стало быть, и инициативу всех коммунистов. По мере того, как будут расправляться наши плечи, уверен, будет расти и отдача в делах. Но, повторяю, это процесс не такой скорый, лозунг, командой тут не решишь.

— Сейчас отовсюду только и слышно, что молодые офицеры не желают служить. Наверное, здесь сказывается не только не блестящее материальное положение, жилищные трудности, но и то, что все меньше остается людей идеи, готовых ради нее на любые тяготы. Вера в коммунистическое завтра активно выхолащивается, а взамен ей мало что дается. Не так ли?

— Согласен. К сожалению, множатся в военной среде люди, у которых в понятии «служить» выпадают три первые буквы. Приехал молодой офицер в глубинку: нет нормального жилья, удобств, и, пожалуйте, — пишет рапорт с просьбой уволить. Не дорожит профессией, забыл о долге перед Родиной.

Конечно, реформа в армии, в войсках назрела давно. Но люди словно бы в миг разучились ждать, не хотят замечать реалий, и прежде всего — жизни своего народа. Ведь с чем сопоставляют свое денежное содержание? Если не с заграницей, то с рублем шабашника или кооператора. Плевать, что он зачастую нечестный, главное, что длинный! Вот эта неразборчивость меня особенно волнует. Она ведет к стремлению во всем видеть корысть, «волосатую руку». И это серьезная болезнь.

— Уж не в профилактических ли целях в одном из своих интервью вы рассказывали, что сами родом из рабочей семьи,

с отличием закончили школу, военное училище, с медалью — академию имени Фрунзе, а прежде чем вступить в нынешнюю должность, прошагали по всем ступеням командирского становления, никогда не артачься при новом назначении!

— По крайней мере, сказать сегодня излишне, что при советском строе сыну совхозного механика не заказан путь в генералы.

— Виталий Алексеевич, немало военных все громче заявляют о том, что армия, внутренние войска должны служить не какой-либо партии, а народу. Вот и командующий Дальневосточным военным округом генерал-полковник В. И. Новожилов высказывается о том, что департизации не миновать, что комиссары в армии не нужны, «партийные опекуны» командиров — тоже. Это взгляд лично его или «региональный»!

— Служить партии или народу? Тут надо глубоко разобраться: кому и зачем требуется противопоставлять КПСС и народ. Я, как и многие, вступал в партию, чтобы строить счастливое будущее отнюдь не только для самого себя.

Что же касается департизации, то ведь здесь разговор идет о чем: мол, в условиях многопартийности армию начнут рвать на части различные политические силы. Только зачем форсировать события? Нынешняя многопартийность существует в большей мере на словах. По крайней мере в войсках нашего региона я не встречал представителя какой-либо иной партии.

Теперь о «партийном опекунстве». Давайте и тут называть вещи своими именами. Что раньше настораживало иных командиров? То, что начальник политотдела, с одной стороны, ему подчинен, а с другой — парткомиссия-то при политотделе, и партийную характеристику (без которой ему никуда хода нет) хоть и пишет партийный секретарь, но утверждает начальник политотдела. Честно скажу, меня это никогда не ущемляло. Возможно, тут и везение на людей, работающих рядом. Не исключено. Однако я и сам понимал единоначальные на партийной основе как надежную страховку от бонапартизма.

— В нашей почте, к сожалению, еще не-

редки письма, свидетельствующие о командирском произволе, тогда как с разных высоких трибун не раз доводилось слышать, что у нас достаточное количество общественных организаций, способных предостерегать перерастание единоначалия в самовластие. Вот и офицерское собрание — детище перестройки — называют не иначе как «мощный фактор демократизации». Но так ли это!

— Мы всегда ищем панацею. Создали еще один совет (к примеру, солдатский или сержантский), а «дедовщина» почему-то не отмирает. Создаем совещание секретарей партийных, комсомольских организаций, а их боевитость, влияние на состояние дел не повышаются. Вот и к офицерскому собранию подход прежний. Создаем в надежде получить сиюминутный результат. Но так не бывает. Поднять культуру общения, взаимоотношения в офицерском коллективе нелегко. Чтобы вернуть инье, к нашему несчастью, утраченные черты, традиции, понадобятся годы. Нужна мощная база социальности, нужно упорядочить рабочее время офицера, чтобы он мог посещать офицерское собрание. При этом я под собранием понимаю не сбор офицеров, а место, клуб, где офицеры могли бы общаться по интересам, формировать офицерское мнение.

— В одной из ваших частей проводился эксперимент по предоставлению после года службы всем солдатам и сержантам краткосрочного отпуска. Каков его результат? Это тем более интересно, что последнее время участились самовольные отлучки, в ряде частей в нарушение требований устава запрещены увольнения.

— Наши результаты более чем скромные. Мы понимаем, что людям, несущим службу, особенно в глухих таежных местах, надо дать возможность снять эмоциональное напряжение. Да и вообще, каждый человек по закону имеет право на отдых, на ежегодный отпуск. И наш солдат, сержант должен иметь отпуск. Но... на какие средства (пока не прошла военная реформа) отпускать каждого? Отличившимся на службе мы давали отпуск поощрению — тут все ясно. А вот тем, кто трудится нормально, но, как говорится, звезд с неба не хватает, предлагали съездить домой за свой (читай родительский) счет. Билеты же из наших краев до центра и обратно стоят без малого две с половиной-три сотни: не каждой семье это по карману. Многие солдаты и сержанты отказывались от такого предоставляемого по графику отпуска. К тому же в эксперимент вмешалась напряженная обстановка внутри страны: скажем так — некорректное отношение некоторых республиканских Советов к существующим союзным законам. Солдат попросту стремятся оставить служить в республике, а то и вообще склонить к дезертирству.

— В этой связи ваше отношение к профессиональной армии!

— Да какой же командир откажется от высокопрофессиональных подчиненных, от людей, которые не увольняются каждые полгода, а постигают дело в совершенстве и служат ему десятилетия! Я не беру

оперативные части, которые на острие межнациональных конфликтов. Что мешает вводить профессионализм в охране колоний? Некоторые говорят, не хватает средств. Но расчеты показывают рентабельность таких перемен. Впрочем, это секрет: когда в США переходили на профессионализм в армии, тоже раздавались голоса, особенно в высшем эшелоне, что никакого бюджета не хватит. Но через несколько лет подсчитали эффект, и оказалось — реформа выгодна. Мне могут возразить: а какие бешеные деньги там получает солдат. Но почему-то при этом забывается, что там и рабочий получает дай бог! Нам опять-таки надо смотреть не на соотношение ихнего с нашим, а сравнивать зарплату своего профессионала со средней зарплатой в стране.

— Недавно, выступая в «Правде», народный депутат СССР, Герой Советского Союза полковник Руслан Аушев, кстати, тоже дальневосточник, высказался за наращивание внутренних войск за счет «перефилирования» армейских подразделений, выводимых из стран Восточной Европы. А ужжет, он прав и это стоит делать активной!

— Наши войска в горячих точках способны приостановить, но отнюдь не погасить межнациональную распря. Я все-таки убежден, что выход не в наращивании войск, а в политическом решении кризисных ситуаций, улучшении службы местной милиции, создании ее дополнительных сил на базе местных Советов — по прообразу муниципальной. Опора на силу войск — дело крайнее. И потом, сколько еще бушевать национальным конфликтам — в стране более полутора миллиона беженцев! В конце концов люди прозреют, и что тогда: опять сокращение войск?

— Виталий Алексеевич, то, что в иных наших республиках, автономных образованиях бушуют националистические, сепаратистские страсти, все мы хорошо знаем. Раздаются голоса и о том, что, дескать, не худо бы поделить и матушку-Россию. Вот и у вас Владивосток объявляется свободным городом, не смолкают споры вокруг Дальневосточной республики. Что тут к чему!

— Прежде всего сразу внесу ясность: разговоры идут только в плоскости экономики, но никак не в политической. В середине августа минувшего года средства массовой информации объявили об образовании Дальневосточной экономической ассоциации, объединившей все территории Дальнего Востока, а также Якутию. Она должна способствовать их более тесному сотрудничеству в условиях рынка. Сама жизнь подталкивает к этому, поскольку ни союзное, ни российское правительства не обеспечивают регион необходимыми фондовыми поставками. Кстати, это ощутили на себе и военнослужащие из-за отсутствия ряда продуктов, материальных средств на складах и базах.

Вел беседу подполковник Е. АРТЮХОВ. Материал уже был подготовлен к печати, когда стало известно, что генерал-майор В. Теплинский назначен на новую должность.

МУТНЫЙ КРИСТАЛЛ

«ПИСЬМА о внутренних войсках» — эта корреспонденция в газете Коми обкома ВЛКСМ «Молодежь Севера» не прошла не замеченной читателями. Среди прочих высказался и рядовой Н. Попов, существенно дополнивший газетную коллекцию «своими потрясучками». И вскоре в отношении бывшего командира роты капитана А. Риде, продолжившего службу в штабе части, назначили дознание. До трибунала дело не дошло, но выговор от командира части за рукоприкладство он получил, а в конце года недосчитался еще и «кругленькой суммы». А вот что касается реакции партийной организации на такое поведение коммуниста Риде, то...

Без малого год после описываемых событий «за беспринципность и волокиту в проведении партийного расследования» секретарю управленческой парторганизации майору Ф. Ахмедову было поставлено на вид. Но его ли тут вина? Да и надо ли вообще удивляться такому исходу, если, несмотря ни на что, Риде избирается в партком части. А возражавший против этого коммунист Картамышев был еще и обвинен в предвзятости секретарем парткома, обратившимся в ЦК КПСС.

«НЕОБХОДИМОСТЬ написания письма вызвана попыткой углубить внутрипартийную демократию и остановить диктат политорганов над партийными организациями», — писал капитан А. Прудников. И надо отметить, ему не откажешь в умении чувствовать новые веяния. Жаль, что это свойство никак не отразилось на делах партийного секретаря и возглавляемого им парткома. Да и политотдельский диктат Александр Иванович свел по сути к нежеланию Картамышева видеть его, Прудникова, на парткоме части со всеми вытекающими из этого последствиями.

Прудников пеняет на то, что за месяц до проведения отчетно-выборного собрания членам парткома не разрешили включить вопрос о новом секретаре (взамен ушедшего на повышение Дмитрия Георгиевича Павленка) в повестку дня очередного заседания. А затем, не прислушавшись, дескать, к мнению коммунистов части, политотдел соединения настаивал на избрании в состав парткома пропагандиста части подполковника В. Осипенко с последующим выдвижением его в секретари партийного комитета. Были проведены беседы со многими членами действующего партийного органа: раздали обещания одним, пригрозили другим. Но когда по итогам выборов Осипенко не набрал нужного количества голосов, Картамышев, мол, вновь стремился забаллотировать

Прудникова, выдвигая в партийные руководители теперь уже коммуниста В. Рау, не имеющего ни достаточного опыта работы, ни желания.

«Картамышев пытался отстранить меня от ведения заседания парткома, хотя я еще выполнял обязанности заместителя секретаря и имел на это полное право», — обвинял далее Александр Иванович представителя политоргана. — А в ходе обсуждения моей кандидатуры им были допущены непорядочные приемы. Чтобы скомпрометировать меня, он ознакомил членов парткома части с письмом моей жены, направленным лично ему, в котором она выражала сомнения в моей супружеской верности. Мало того, он предлагал каждому члену парткома его прочитать».

То, что Александр Иванович любое действие, разговор, обещание Николая Петровича Картамышева трактует на свой лад, — это бы еще полбеды. Но ведь в своем письме он допустил и неточности, натяжки, а порой и вовсе говорит неправду. Но не станем мы, пользуясь его приемами, лить самого Прудникова на слово. Обратимся лучше к заседанию парткома, на котором шло его избрание.

— Я хочу проинформировать членов партийного комитета, — говорил коммунист Картамышев, — что четыре месяца назад на имя командира соединения пришло письмо. В нем жена Прудникова интересовалась дежурствами и командировками Александра. Были случаи возвращения его домой на два, иногда на четыре дня позже. Я ездил к ним, беседовал с ним и женой. Обещал, что, если отношения в семье наладятся, этот случай не повлияет на служебный рост Александра и не будет предан огласке. После этого разговора его жена прислала еще одно письмо, в котором сообщала, что отношения в семье хорошие, а первое, дескать, было написано под воздействием матери. Но появление нового совпало с освобождением должности секретаря парткома, и мне кажется, что на этот раз написано под воздействием самого Александра Ивановича. Я этому письму не верю и потому даю кандидатуре Прудникова отвод.

Командир части, поддержав мнение политработника, тоже высказался за кандидатуру Рау.

Но тут заговорил Риде: «Я длительное время работаю с Прудниковым, хорошо знаю его деловые и моральные качества, а обстановку в семье — даже глубже, чем товарищ Картамышев. Мне кажется, что, придав огласке (?) это письмо, которое носило характер личной переписки (?), Картамышев поступил непорядочно».

Вот так! Ни больше ни меньше. Выходит, владеет политработник обстановкой, наблюдай, что на партком выдвигают, скажем

так, нелучшего коммуниста, и ты порядочен. Противься, не молчи, а борись, отстаивая свое мнение, ничего не тая перед товарищами по партии,— и ты непорядочен. Занятная логика! Но тем не менее она-то и восторжествовала: за Прудникова проголосовало шестеро, против—трое.

С **АЛЕКСАНДРОМ** мы знакомы с восьмидесятого, — рассказывает подполковник Д. Павленок. — В то время он был замполитом роты, и я советовал ему попробовать себя на комитете комсомола. Так он и работал, пока по возрасту не попросили сменить род занятий. Стал начальником клуба. Делал то, за что спросят, не расшибался. Вот и авторитет у него в полку хоть и железный, но не рабочий, а такой — свойский. Он здесь растет, отсюда ни ногой, многие в части его друзья-приятели. Вопросы, которые решает, не касаются, как правило, службы. Они бытовые. Пробрить бассейн, построить спортзал, соревнования организовать — в этом он весь.

Пока ходил у меня в замах, на партком не рвался. А тут смекнул: если уволится пропагандист полка, политотдел соединения вряд ли утвердит его на замену. А расти хочется. Вот он и сыграл ва-банк. На парткоме должность выборная, майорская.

— Прудников считает, что с коммунистов спрашивать не надо,—включился в разговор командир части подполковник В. Аверин. — В заслушиваниях коммунистов видит ущемление их личного достоинства, преследование или, как выражается, «пресовку». В его понятии секретарь парткома — работник кабинетный, к которому, если люди приходят, он их принимает, не приходят — и не надо. А деньги, стало быть, ему идут за должность. Я его спрашиваю: так партком должен помогать командиру? Ответа нет, как и помощи.

Ж **ИЗНЬ** наша не однозначна. Но, беседуя с членами парткома, я приходил к мысли, что люди все лучше понимают: в нынешней обстановке очень многое зависит от личности партийного вожака. Возглавлять коммунистов должен работающий, отзывчивый, вдумчивый и, конечно же, кристально чистый человек. Я понимаю, что это близко к утопии но, если к руководству партийными комитетами не придут лучшие люди, парторганизация не удержаться, не устоять под натиском оголтелого критиканства и неприязни. Да и самостоятельность, предоставленная XXVIII съездом, может сработать против них, ибо совсем не риторически звучит сегодня вопрос: как строить взаимодействие военно-политических органов и парткомов? Надо ли политработникам держаться, как при разводе? Ведь отстранившимся, пребывающим в привычной дреме, нам, как в той байке, запросто накинута свой идеологический хомут рвущиеся к власти некоммунистические силы.

Подполковник И. ГЛИВКА.

1 СЪЕЗД ВОЙСКОВОГО КОМСОМОЛА

Не одно десятилетие насчитывает история комсомола внутренних войск, но только в преддверии нового, 1991 года и его ветераны, и юное племя смогли наконец-то поздравить себя с рождением Ленинского Коммунистического Союза Молодежи внутренних войск МВД СССР — добровольной, самостоятельной общественно-политической организации молодежи, входящей в ВЛКСМ на правах субъекта федерации.

Прежде чем это стало возможным, с 25 по 27 декабря в Москве, в центре международного сотрудничества «Олимпиаде» шли горячие дебаты делегатов Первого съезда комсомольских организаций войск. В их ходе, как отмечала в те дни «Комсомольская правда», не обходилось без острых дискуссий, очередей у свободных микрофонов и даже демарша одной из делегаций, в знак протеста покидавшей зал после того, как ее поправки в программные документы были отклонены.

Какую же ношу возложил на свои плечи ЛКСМ внутренних войск! Как подчеркивается в программных целях и уставе организации, принятых на съезде, — это выражение интересов и защита прав молодежи (прежде всего союзной), содействие развитию у нее гражданских и патриотических черт, а также решению задач, стоящих перед войсками. О том, что это не просто декларация, убеждают не только съездовские резолюции о помощи семьям товарищей, погибших при выполнении служебного долга в горячих точках страны, ликвидаторам аварии на ЧАЭС, но и сам характер постановки вопросов делегатами во время их встречи с министром внутренних дел СССР, членами Военного совета внутренних войск.

В работе съезда принимали участие представители ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, ЦК ЛКСМ РСФСР, Всеармейского и пограничного советов комсомольских организаций. Перед делегатами выступил первый секретарь ЦК комсомола В. Зюкин.

Съездом сформированы центральные выборные органы ЛКСМ внутренних войск. Большинство делегатов на альтернативных выборах председателя совета комсомольской организации (СКО ВВ МВД СССР) отдали голоса за майора Владимира Ключкова.

На состоявшемся I пленуме СКО ВВ МВД СССР избрано бюро совета в количестве 9 человек, обсуждены первоочередные организационные и финансово-экономические вопросы.

Е. АНАТОЛЬЕВ

Вас ждет ЗИЛ

ПО ВОПРОСАМ ПРИЕМА
НА РАБОТУ ОБРАЩАЙТЕСЬ
ПИСЬМЕННО ПО АДРЕСУ:
109068, Г. МОСКВА,
УЛ. АВТОЗАВОДСКАЯ, 18.
УПРАВЛЕНИЕ РАБОЧИХ
КАДРОВ ЗИЛа.

Если вы хотите участвовать в освоении выпуска новых отечественных автомобилей и реконструкции Московского автомобильного завода им. И. А. Лихачева, ЗИЛ ждет вас, войны, заканчивающие срочную службу.

Предприятию требуются:

электроники, автоматики, наладчики, операторы автоматических линий ГПС и станков с ЧПУ, электрики, водители, испытатели двигателей, слесари механосборочных работ, водители-испытатели, специалисты инструментального производства и другие специалисты машиностроительного про-

фия, а также рабочие всех строительных специальностей. Лица, не имеющие специальности, обучаются избранной профессии без отрыва от производства.

Всем принятым на завод одиноким иногородним рабочим предоставляется благоустроенное общежитие квартирного типа с пропиской в г. Москве.

СПРАВКИ ПО ТЕЛЕФОНАМ
277-87-58, 277-93-09, 277-80-21
ВЫЕЗД К МЕСТУ РАБОТЫ
ПО ВЫЗОВУ.

ПРОЕКТНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ
КООПЕРАТИВ «РЕСУРС»-2
ПРИ ТАТАРСКОМ ФИЛИАЛЕ
ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОГО
ЦЕНТРА РОСАГРОПРОМСТРОЯ

СТРОИТЕЛИ СКАЖУТ СПАСИБО,

ВОСПОЛЬЗОВАВШИСЬ УСЛУГАМИ ПРОЕКТНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО
КООПЕРАТИВА «РЕСУРС»-2 ПРИ ТАТАРСКОМ ФИЛИАЛЕ ИНЖЕНЕРНО-
ТЕХНИЧЕСКОГО ЦЕНТРА РОСАГРОПРОМСТРОЯ.

ОБРАЩАТЬСЯ
ЗА ПОЛУЧЕНИЕМ
ПОДРОБНОЙ
ТЕХНИЧЕСКОЙ
ИНФОРМАЦИИ,
ПОСЫЛАТЬ ВАШИ
ЗАКАЗЫ МОЖНО
ПО АДРЕСУ:
420111, г. КАЗАНЬ,
УЛ. К. МАРКСА,
Д. ПТК «РЕСУРС-2».
ТЕЛЕФОН: 32-31-22.

Выполнение работ по комплексному исследованию сырья, изготовлению оснастки, выработке рекомендаций по улучшению технологических процессов при производстве керамического кирпича, кровельной черепицы, плиток для полов животноводческих помещений и т. п.

Теплоизоляционные и конструкционные, экологически чистые материалы в виде плит и блоков, получаемые прессованием на основе экологически чистой карбамидо-

формальдегидной смолы или жидкого стекла, минеральных наполнителей и отходов деревопереработки. Могут широко использоваться в гражданском и промышленном строительстве в качестве теплоизоляции, ограждающих конструкций, при отделочных работах.

Полимерная эластичная мастика с теплоизоляционным наполнителем изготовлена на основе низкомолекулярного полиэтилена. Применяется при заделке швов при температуре окружающей среды $-30^{\circ}\text{C} - +30^{\circ}\text{C}$.

НА РАБОТУ В «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»

Московское станкостроительное производственное объединение «Красный пролетарий» — одно из крупнейших в мире предприятий по производству станков самых различных типов: токарных с числовым программным и оперативным управлением, с системами ЧПУ отечественного и зарубежного производства, станков специального назначения.

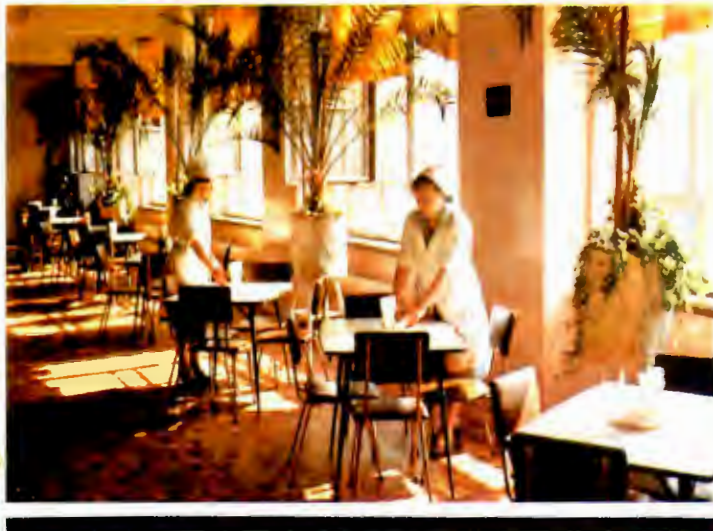
Завод приглашает высококвалифицированных рабочих и учеников из числа юношей, отслуживших в Советской Армии, следующих профессий:

слесарь механосборочных работ, электромонтажник, шлифовальщик, фрезеровщик, строгальщик, сверловщик, машинист мостовых кранов, электрик, оператор станков с ЧПУ, маляр и др.

Для учеников созданы специальные курсы и установлена повышенная стипендия на период освоения профессии.

При заводе имеются учебный комбинат, вечерний техникум, филиал института, стадион, Дом культуры, поликлиника, детские сады и ясли.

К услугам трудящихся и их семей — базы отдыха на Черном море (Крым, Кавказ), на Волге, Азовском море, подмосковный пионерский лагерь.

ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ ОБРАЩАТЬСЯ В ОТДЕЛ
КАДРОВ.

ОСНОВНАЯ ПЛОЩАДКА: УЛ. М. КАЛУЖСКАЯ,
15. ТЕЛ. 234-00-22, ДОБ. 2-16, 5-57.

НОВЫЙ КОРПУС: УЛ. БУТЛЕРОВА, 17.
ТЕЛ. 330-18-38.

МОСКОВСКИЙ
МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ ЗАВОД

«СЕРП И МОЛОТ»

ЧЕРЕДОЛЖИЕТ

Московский металлургический завод «Сerp и молот» приглашает на работу по специальностям: вальцовщики станах горячей и холодной прокатки металла, сортировщики металла, машинисты электроэлеваторных пранов, слесари, электрики по ремонту металлургического оборудования, волоньщики, штамповщики, шлифовщики, штукатуры.

Специальность можно получить на заводе в учебном центре.

Металлурги имеют льготы: ежегодный оплачиваемый отпуск в количестве 14 рабочих дней, за непрерывный стаж дополнительный отпуск до 6 рабочих дней, ежегодно выплачиваются вознаграждения за выслугу лет, за годовые итоги работы.

Металлургам назначают пенсии с более раннего срока и в повышенных размерах. Уволенным в запас Советской Армии при поступлении на завод выплачивается 300 руб.

На заводе ведется жилищное строительство. Ежегодно 200—250 семьям работников завода предоставляются квартиры в домах-новостройках.

У завода есть детские сады, ясли, санаторий-профилакторий.

**С ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ
ОБРАЩАТЬСЯ ПО АДРЕСУ:
Г. МОСКВА, ЗОЛОТОРОЖСКИЙ
ВАЛ, ДОМ 11 (МЕТРО ПЛОЩАДЬ
ИЛЬИЧА); ТЕЛ. 278-90-00,
ДОБ. 31-72; 278-03-92, 227-05-00.**

«БАРЬБАРОССА»

Валентин ПИКУЛЬ

РОМАН-РАЗМЫШЛЕНИЕ

Светлой памяти отца,
Саввы Михайловича Пикulyа,
который в рядах морской пехоты
погиб в руинах Сталинграда —
с сыновней любовью посвящая

НАЧИНАТЬ ЛУЧШЕ С КОНЦА

Последний самолет из Сталинграда... самый последний!

6-я армия Паулюса давно потеряла аэродромы в Питомнике и Гумраке; трехмоторный «Ю-52» с трудом оторвался от земли — от гиблых воронок, обгорелых грузовиков и штабных автобусов, забитых окоченевшими трупами. Чтобы скорее уйти от огня зениток, пилот резко набрал высоту, при этом мешки с полевой почтой откатились в хвост фюзеляжа... Перегруженную машину трясло от близких разрывов, осколки барабанили в корпус. Штурман прогорланил:

— Это развлекаются русские девки, которых Сталин соблазнил зенитками, вот они и лупят. Поверьте: лучше было десять раз пролететь над Тобруком или Мальтой, нежели один раз над русской Волгой...

«Ю-52» еще недавно снабжал армию Роммеля в Африке и потому летел над заснеженной степью — желтый, как заморский попугай, замаскированный под цвет пустынь Киренанки. Штурман велел радисту передать в Полтаву, что воздушный мост 6-й армии Паулюса разрушен, пусть никто не вздумает повторить их опыт: они последние! Радист сообщил:

Подготовка текста и публикация Антонины Пикulyа.

Вашему вниманию предлагаются отрывки из романа. Полностью он будет напечатан в журнале «Наш современник».

Не стало Валентина Саввича Пикуля...

Два года назад в интервью нашему корреспонденту (оно опубликовано в пятом номере журнала за 1989 год) писатель говорил: «Надолго не загадываю, но, если позволит сердечко, сделаю роман о Сталинграде. Интересная фактура есть...»

Сердечко не позволило ему поставить в «Барбароссе» последнюю точку, потому трудно сейчас сказать, завершен ли роман, или Валентин Саввич еще намеревался писать продолжение.

Что ж, будем читать произведение таким, какое оно есть. И при этом добрыми словами помянуть замечательного писателя В. С. Пикуля, подарившего нам немало книг, воспевающих Отечество, «служивый люд», жизнь ради благодородных целей. И посвятившего таким целям всего себя, без остатка...

— Сальск уже не принимает, садимся в Новочеркасске. Не знаю почему, но это — личное распоряжение Геббельса.

— Геббельса? — удивился пилот. — Но с каких это пор министр пропаганды стал вмешиваться в дела военных?

— Сам дьявол в делах Берлина не разберется...

На аэродроме в Новочеркасске самолет ожидала команда полевой жандармерии и служба войсковой почты. Семь мешков с последними письмами последних солдат «крепости Сталинград» шмякнулись на снег. Теперь предстояла проверка пассажиров, улизнувших из Сталинграда. Раненых из котла давно не вывозили. Покидающие котел должны были иметь разрешение на вылет, заверенное лично Паулюсом или начальником его штаба Артуром Шмидтом. Но была еще спасительной для счастливых справка о тяжелой болезни за подписью генерала-профессора Отто Ренольди — главного врача окруженной армии. Среди пассажиров «Ю-52» только один капитан улыбался, почти блаженно. Остальные — как выходцы с того света. Впрочем, хлопот жандармерии они не доставили: кинооператор из ведомства Геббельса с отснятой пленкой, немощный генерал с камнями в печени, инженер по наладке станков, знания которого в котле оказались лишними, зубной техник, инспектор метеослужбы, два священника и прочие. Дошла очередь и до капитана, о принадлежности которого к войскам связи можно было судить по желтым петлицам...

Блаженная улыбка еще не покинула его лица.

— Сейчас, сейчас,— пугливо говорил он, роясь в обширном бумажнике. — Генерал Шмидт даже настаивал на моем вылете. Не могу найти! Куда я засунул эту справку?

— Причина вылета? — спросили жандармы.

— Специалист по штабным телетайпам.

— Это профессия, но это не причина.

— Мне обещано место в гарнизоне Кракова.

— Тоже не причина. Может, вы ранены?

— Нет... Впрочем, нуждаюсь в операции.

— Тогда где же справка генерала Ренольди?

— Ренольди меня осматривал, но я...

— Ясно, — сказал офицер полевой жандармерии, и на его груди качнулась большая бляха с № 3307. — Отойдите.

— В сторону... быстро! — заорали жандармы.

Только теперь капитан все понял, и улыбку блаженства сменила серая, как гипс, маска ужаса.

— Не надо... прошу вас, — бормотал он, становясь жалким. — Клянусь... у меня жена... трое детей! Вот они...

Он загоразивался фотографией трех кудрявых детишек.

Его расстреляли под «брюхом» самолета, пропеллеры которого медленно докручивали в морозном воздухе последние обороты. Большие жирные вши ползали на застывающем труп.

Жандарм под № 3307 еще передернул затвор шмайсера.

— Когда же это кончится? — сказал он.

Через пять дней все кончилось: Паулюс капитулировал.

Был объявлен трехдневный траур. Театры, рестораны и даже пивные закрыли. Берлинское радиовещание транслировало траурные марши Бетховена; жутко было от мощного вздрагивания оркестров — в «Гибели богов» Вагнера. Политический ра-

диокомментатор Ганс Фриче прослушивал последнюю сводку советского командования, которую Москва передавала на немецком языке. За этим занятием его и застал Геббельс.

— Ну, что они там? — спросил министр пропаганды.

— Торжествуют... Конечно, такого еще не бывало: один фельдмаршал и сразу двадцать четыре генерала, куда же больше? Сейчас их там загонят в подвалы огэпзу, где они и подпишут все, как миленькие... А потом — пиф-паф в затылок!

Беседа проходила в «Радиодоме» на Мазурен-аллее.

— Надо бы вытащить к микрофону сына Паулюса, — сказал Геббельс. — Он в чине майора, тоже был в шестой армии, хотя котел его миновал. Я уже слышу скорбный, но мужественный голос сына, вешающего Германии о героической гибели отца на приволжской Площади Павших Борцов...

Геббельс шлепнул на стол папку, перечеркнутую по диагонали красной полосой, означавшей: **СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО**. Неожиданно завел речь о жене Магде и своем пасынке.

— Ночью она, бедняжка, опять жаловалась на перебои в сердце. Я понимаю ее страдания: Гервальд повидал только Крит, и теперь она боится, как бы его не загнали на Восточный фронт. Материнское сердце! Тут ничего не поделаешь... Ну, — спросил он, — а как дела с почтой из Сталинграда?

Над Германией погребально звонили церковные колокола. Фриче был весь в черном — как церемониймейстер на похоронах.

— Семь мешков писем с последним самолетом, — отвечал он. — Вот не ожидал... Когда я летом из Харькова вел трансляцию об успехах шестой армии по окружению Тимошенко, разве я мог подумать, что вешаю в эфир о покойниках?

— Не раскисать, Фриче! Мы же работаем столько лет... Сейчас самое главное поставить фильм о короле Фридрихе Великом. Это будет здорово! Пусть мундир короля обветшал и весь в заплатках, пусть режиссер крупным планом выделит его дырявые ботфорты. Но лица королевских гренадеров должны излучать железную веру в победу... Я опять вижу крупный план! Это будет потрясающий фильм, Фриче...

Паулюс и его генералы этого фильма уже не увидят. Застуженные русские поезда

развозили шестую армию по лагерям для военнопленных. Их везли так, чтобы они не могли прочесть названия станций. Им оставили все ордена и отличия, но отобрали географические карты и наручные компасы, дабы не возникло соблазнов к побегам. Гитлер в эти дни много рассуждал о том, что напрасно поспешил, присвоив Паулюсу чин генерал-фельдмаршала: он вспомнил красивую благородную даму — секретаршу Геринга:

— Порядочная женщина! Рейхсмаршал распустил свои руки, обращаясь с ней, а она прошла в свой кабинет и застрелилась... Как все просто! Пистолет — это же легкая смерть. Какое малодушие испугаться выстрела... В эту войну больше никто не получит звания фельдмаршала!

Паулюса отвезли в Суздаль, а в Германии о нем сообщили, что он погиб, отстреливаясь до последнего патрона — на той же Площади Павших Борцов.

3 февраля Геббельс дал установку для прессы:

«Газеты должны выйти без траурных рамок. На первой странице можно поместить несколько иллюстраций героического содержания. Надлежит описать эту битву в сдержанном, мужественном, национал-социалистском духе. Настал момент, когда немецкие журналисты и писатели должны создать миф, который даст силы грядущим поколениям германской нации. Полученные раны заживут, а героизм переживет века. Разъяснение: самостоятельные комментарии запрещаются...»

— Допустимы ли сейчас, — спросил Фриче, — аналогии между нынешним положением рейха и положением старой Пруссии после поражения от русских при Кунерсдорфе?

— Пожалуй... да! — согласился Геббельс. — При этом у микрофона следует напомнить слушателям (но с умом!), что героизм сталинского солдата мало чем отличается от храбрости русского солдата времен царицы Елизаветы. Это скорее упрямство скотов на великой мясной бойне, а совсем не продуманное явление патриотизма, как твердит нам по радио московская пропаганда...

Мешки с письмами вскрыли в канцелярии Геббельса.

— Начнем творить миф! — сказал он. — Создадим особую комиссию из проверенных членов партии. Срежем адреса на конвертах. Все письма из Сталинграда классифицируем по их настроению. Последние слова гренадеров Паулюса станут основой для создания бессмертной биографии... Я уже вижу, как потомки с трепетом приникнут к этим скрижалам!

Все сделали, как он велел: письма пустились в набор, и тут наступило отрезвление... Геббельсу было доложено:

— Такого мифа создать нельзя! Лишь два процента солдат армии Паулюса еще продолжали верить в дело фюрера, остальные слали проклятия. Вот послушайте: «Сталинград — хороший урок для немецкого народа. Жаль только, что тем, кто получил этот урок, трудно будет использовать его в будущие времена. Но всем нам, немцам, следует помнить о нем...»

Геббельс вчитался в корректуру. Некоторые фразы были уже подчеркнуты цензорами из бюро военно-статистической информации: «Ты — жена немецкого офицера, и ты должна понять все, что я тебе скажу... Я не трус! Но мне обидно, что самую большую храбрость я мог проявить в деле, которое абсолютно бессмысленно и преступно... Итак, ты знаешь, что я к тебе не вернусь. Но меня никто не убедит умереть со словами: «Хайль Гитлер!»

— Да, это для печати не годится, — огорчился Геббельс...

18 февраля он выступил в берлинском Спортпаласте:

— Нам осталось две крайности: капитулировать или открыть тотальную войну... Вы разве хотите поражения?

— Нет, нет, никогда, — хором отвечали из зала.

— Значит, вы хотите тотальной войны?

— Да, да... хотим! — и зал вздрогнул в овациях.

...Геббельс не дожидаясь Нюрнбергского процесса. Зато на скамье подсудимых в Нюрнберге оказались два представителя германского генштаба — Йодль и Кейтелем. А фельдмаршал Паулюс занял место на трибуне свидетеля, и, кажется, был момент, когда из свидетеля он мог стать подсудимым.

Нюрнберг! Как он был страшен в те годы...

Американский солдат, удовлетворяя половой инстинкт прямо в оборотне, грубо сказал раскрашенной немке:

— Не все в Германии так уж и погано, как об этом писали в наших газетах. Благодарю вас, фрау!

Немка заплакала от женского стыда:

— Я ведь не проститутка... вдова капитана! У меня трое голодных детей, а что получишь от вас по карточкам?

«Джи-ай», ухмыльнувшись, протянул ей чулок:

— Можешь обменять на кофе... идет?

— А где второй?

— Если хочешь иметь пару, то второй

получишь завтра на этом же месте. Сам я не приду, но пришло вместо себя своего хорошего друга — со вторым чулком!

Да, страшен был Нюрнберг в 1946 году — поверженный, голодный, опозоренный. Над дверями приличных баров висели объявления: «Немцам вход воспрещен». На смену победным радиофанфарам Геббельса пришли ветхие шарманки, напевавшие старое, памятное еще со времен кайзера Вильгельма:

Мое дитя, ты не свихнись.

Где больше спятивших —

Туда стремись...

Бравые сержанты армии США торговали на рынках пенициллином, безногие каляки в мундирах вермахта предлагали авторучки «Паркер». Чашка кофе стала праздником, а жевательная резинка — развлечением. По указанию Эйзенхауэра, немцы получали продуктовые карточки и в том случае, если могли предъявить использованный билет на просмотр документального фильма о зверствах нацистов в концлагерях. Американцы гоняли немцев смотреть раскопанные рвы, в которых догнали трупы замученных, а немцы говорили, что они ничего не знали. Это бесило американцев:

— Хватит трепаться, будто вы не знали того, что у вас под носом творилось! Почему же мы, жившие за тысячи миль от Германии, были извещены обо всех ужасах в вашей стране...

В Нюрнбергском Дворце Юстиции заседал Международный трибунал, и там, в качестве обвинительных документов, тоже показывали фильмы о зверствах гитлеровского режима. Здесь тоже отворачивались от экрана, надевали непропускаемые очки, а некоторые военные преступники даже... плакали. Судьям и прокурорам невольно вспоминалась старинная сентенция: «Бойтесь побежденных немцев! Если им не удалось затопить мир в крови, они затопят его своими слезами...» Нюрнберг, бывшая «партийная столица» Гитлера, оказался столицей международного правосудия. Конечно, наехало множество журналистов и хроникеров, жаждавших неповторимых кадров, уникальных сенсаций. Но скоро первичная острота впечатлений притупилась. Корреспонденты проводили время в барах пресскемпа, маклачили бараклом, флиртовали. Впрочем, администрация Дворца Юстиции предусмотрела и это. В бары были выведены репродукторы, доносившие каждое слово прокуроров и подсудимых, о важных событиях процессов оповещали гудками сирены, чтобы все поспешили к телетайпам, занимали телефонные будки... Американцы жаловались русским коллегам:

— Все надоело! О чем писать? Вот если бы москвичи обвинитель Руденко выхватил из кармана галифе пистолет и шлепнул за барьером самого Геринга... ого!

Морозный день 11 февраля не сулил никаких сенсаций. Никаких, пока речь не зашла о плане «Барбаросса» — плане нападения Германии на Советский Союз. Руденко представил Трибуналу письменное показание по этому вопросу Паулюса:

—Его affidavit прошу приобщить к делу...

Адвокаты, защищавшие на процессе военных преступников, даже в самом имени фельдмаршала ощутили добротный «материал» для защиты Йодля и Кейтеля, благо никто иной, а сам Паулюс был главным создателем плана «Барбаросса».

Пошептавшись с Герингом и Риббентропом, они заявили:

—Суд, нам кажется, не может довольствоваться лишь письменным affidavitом, для полного установления истины требуется и личное присутствие Паулюса.

Все заметили удовольствие на лице Геринга. Конечно, большевики способны подсунуть Трибуналу липовую бумажку, будто писанную Паулюсом, но... где они возьмут самого Паулюса? А если фельдмаршал еще не околел после зверских пыток на Лубянке, то что хорошего он может сказать?

Лорд Лоренс почтительно спросил Руденко:

—Сколько надобно времени советской стороне обвинения для доставки сюда свидетеля Паулюса?

—Пять минут, — ответил Руденко. Это и был тот момент, когда сирена возвестила в пресс-кемпе небывалую для процесса сенсацию. Адвокаты в лиловых мантиях уне ринулись на трибуну:

—Нет, нет! Мы не настаиваем на вызове фельдмаршала Паулюса в качестве свидетеля советской стороны обвинения! Защита ознакомилась с его affidavitом и полагает, что этого вполне достаточно для судебного процесса...

Поздно! Уже прозвенел звонок в руке Лоренса:

—Прошу ввести свидетеля Фридриха Паулюса...

Настала мертвая тишина, и в этой зловещей тишине зал услышал четкие шаги человека — это шагала сама история. Появилась подтянутая, юношески стройная фигура генерал-фельдмаршала, одетого в синий ладный костюм. Выражение его лица осталось непроницаемо даже тогда, когда вокруг него вспыхивали репортерские «блиц», его нисколько не смутило резкое жужжание киносьемочных камер...

Нет, это не призрак. Нет, это не загробная тень.

—Вас зовут Фридрих-Вильгельм Паулюс?

—Да.

—Вы какого года рождения?

—Тысяча восемьсот девяностого.

—Вы родились в деревне Брейтенау?

—Да. Гессен-Кассельские земли Германии. — Рука фельдмаршала бестрепетно покоится на Библии. — Клянусь говорить правду, только правду...

Геринг надевает черные очки. Кейтель передает записку Риббентропу. Йодль делает вид, что сейчас нет ничего интереснее на свете, чем играть с карандашом. Паулюс ровным тоном рассказывает, как зарождалась преступная агрессия против Европы, прямо в лицо разоблачает тех, от кого отделен сейчас барьером неприкасаемости. Адвокатам военных преступников

такая правда не нужна! Но есть выход: запугать фельдмаршала, вызвать к нему антипатию, здесь же следует превратить его в мерзавца и продажную тварь:

—Знает ли господин Паулюс, что если высокий Трибунал, осуждая фельдмаршалов германского генштаба, сочтет этот генштаб организацией преступной, то и господин Паулюс автоматически переводится в разряд преступников?

Но Паулюс не такой человек, которого можно упряпать за барьер. Ясно, что не сидеть между Йодлем и Кейтелем он не намерен... Вот его протокольный ответ:

—Я здесь выступаю в качестве свидетеля в отношении тех обвинений, которые предъявлены подсудимым. Поэтому я прошу суд позволить мне не отвечать на вопросы, которые направлены на то, чтобы обвинить лично меня.

Перекрестный допрос адвокатов напоминает ему перекрестный обстрел из пулеметов... еще там, в Сталинграде!

—Правда ли, что вы читаете лекции в московской академии Генерального штаба, обучая советских генералов?

Что-то вроде улыбки исказило лицо Паулюса:

—Постарайтесь вспомнить, кто кого победил в этой войне? Есть ли резон в том, что русские генералы будут выслушивать мои лекции, основанные на горьком опыте?

—А какая у вас должность сейчас?

—Самая отвратительная — военнопленный.

—Вас привезли сюда из концлагеря?

—Нет. Я живу под Москвою... на даче.

—И чем же вы заняты на этой даче?

—Вспоминаю. Рисую. Кормлю белок.

Развожу цветы...

Чешский журналист из «Руде право» Зденек Кропач записал: «Когда фельдмаршал уходил, не чувствовалось, что он устал. Все такой же уверенный в себе, он шел длинными коридорами в сопровождении советско-американского конвоя». Здесь его перехватил корреспондент Хейдеккер:

—Один вопрос — как живется пленным в России?

—Хорошо, — ответил Паулюс кратко.

«Джи-ай» уже отталкивал Хейдеккера, приказывая ему удалиться, но тот успел еще крикнуть:

—Хорошо? И даже вашим? Сталинградским?

—Успокойте немецких матерей, — холодно произнес Паулюс. — Напишите в своей газете, что германские военнопленные в России обеспечены гораздо лучше, нежели русские дети... Они были бы счастливы иметь сахарный паек — какой имеют мои солдаты...

Повидать отца приехал из-под Кельна сын, Эрнст-Александр Паулюс, бывший майор вермахта. На постоялом дворе в деревне под Нюрнбергом майор не отказался от беседы с московским журналистом Михаилом Гусом, который всю войну вел в эфире борьбу с радиопропагандой Геббельса.

Здесь, в немецкой деревне, Гус узнал, что осенью 1944 года семья фельдмаршала была репрессирована.

— Арестовали не только меня, но и мать, жену, всех детей. Я сидел в гестапо на Принц-Альбертштрассе, восемь. Потом перевели в военную тюрьму Кюстрина. Сейчас с женою проживаю во Фризене, где служу на печной фабрике тестя...

— Наверное, репрессии обрушились на вашу семью, когда фельдмаршал выступил по московскому радио против нацистского режима и лично против Гитлера?

— Пожалуй, раньше... Сразу, как только отец вступился за генерала Курта Зейдлица, и я до сих пор не пойму, зачем он это сделал? Отец знал обстановку в рейхе, мог бы и пощадить нас. Я знаю, что Зейдлиц в плену стал вашим агентом. Но он предал моего отца еще в котле. Роль этого генерала в судьбе отца оказалась столь роковой, как и влияние Артура Шмидта... Вы его знаете?

— Да, майор. Они и в Сталинграде не ладили. Генерал Шмидт как нацистский преступник осужден на двадцать пять лет...

В беседе было никак не миновать Сталинграда.

— Вы, — сказал майор Паулюс, — не должны думать об этой трагедии упрощенно. Это не только наше поражение и не только ваша победа. В котле Сталинграда возникали проблемы не обязательно воен-

ные. Были и политические. Были и чисто моральные. Надеюсь, с вашей стороны тоже возникали подобные вопросы. А теперь немецкий фельдмаршал, мой отец, вынужден перед лицом международного трибунала осуждать своих же коллег.

— Все, что делает ваш отец, — отвечал Гус, — он делает добровольно, и не опираетесь ли вы, думая, что он вынужден давать показания? Вам, вышедшему из тюрьмы гестапо, не следовало бы рассуждать так наивно. Простите меня.

— Ах, причем здесь тюрьма! Франц Гальдер, начальник нашего генштаба, тоже сидел в концлагере. Ялмара Шахта американцы вытащили чуть ли не из печей крематория в Дахау. А теперь вы же объявили их военными преступниками... Да, — заключил майор, — Германия сейчас в слезах, но придет время, и мы, побежденные, еще станем потешаться над вами, победителями. Помните, что завещал великий Шиллер: «Даже на могилах пробиваются яркие ростки надежды...»

И даже здесь, в пригородах Нюрнберга, скрипела старинная шарманка, воскрешая былое, из которого все и возникло:

Мое дитя, ты не свихнись,

Где больше спятивших —

Туда стремись...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БОЛЬШАЯ СТРАТЕГИЯ

Мне тогда совсем не приходила в голову революционная мысль о том, чтобы сознательно вызвать поражение и тем самым привести к падению Гитлера и нацистского режима как препятствия для окончания войны.

Из архива фельдмаршала Паулюса.

Фридрих Паулюс — одна из наиболее выразительных фигур германского фашистского генерального штаба. Судьба этого человека, если рассматривать ее через призму исторических судеб германского милитаризма, характерна.

Д. М. ПРОЭКТОР. Агрессия и катастрофа.

1. РУКИ ПО ШВАМ

Красная вертикаль лампаса подчеркивала его стройность.

Внешне и внутренне Фридрих Паулюс как бы представлял некий эталон образцового генштабиста. Неразлучное присутствие красивой жены с ее очень выразительной внешностью яркой бухарестской красавицы дополняло его лаконичный облик.

В светском обществе он любил вспоминать былое:

— Дамы и господа, я вышел из школы Ганса Секта, стесненного условиями Версальского мира. Сект не имел права усиливать нашу армию. Но старик извернулся, найдя выход. В его рейхсвере любой фельдфебель готовился в лейтенанты, а лейтенанты умели командовать батальонами. Версаль воспретил нам, немцам, иметь танки! Но в автомобильной роте Цоссена мы обучались на тракторах, ибо трактор сродни танку. А наши замечательные конструкторы втайне уже работали над про-

ектами совершенных форм и прекрасных моторов. Наконец, пришел Гитлер, он деонсировал позорные статьи Версаля, и мы сразу оказались закованы в крупповскую броню...

Типичный офицер старой школы, Фридрих Паулюс, отдадим ему должное, был далек от пруссачества — с его моноклем в глазу и выпрепнимм фанфаронством. Ему, рожденному при жизни Бисмарка и Мольтке, было суждено отмаршировать в рядах армии кайзера, рейхсвера генерала Секта и гитлеровского вермахта. Перешагнув за сорок лет, Паулюс с нежной грустью вспоминал минувшую эпоху «Вильгельм-цайт» с отзвучавшими призывными звуками вальса:

— Германия жила иначе. По вечерам на улицах слышалась музыка, немцы были добрее и много танцевали. А какие вкусные ликеры привозили из Данцига! Тогда от самой Оперы до Бранденбургских ворот можно было гулять под липами...

Теперь — увя! — Унтер-ден-Линдев казалась голой: Гитлер вырубил древние липы, посаженные еще при Гогенцоллернах, чтобы деревья не мешали его факельным манифестациям.

Паулюс всегда грустил, вспоминая эти берлинские липы, а Площадь Павших Борцов в Сталинграде еще не тревожила его стратегического воображения, да и сам Сталинград на картах именовался по-старому — Царицын. Но как генштабист Паулюс хорошо знал сам же для него существовавшее:

— Там у большевиков тракторный завод, а где трактора — там и танки. Только этот интересен для меня этот город...

А все-таки, читатель, как же эта жизнь начиналась?

Фридрих Паулюс был сыном счетовода, служившего в тюрьме Касселя; мать его, тихая и болезненная женщина, была дочерью дирижера, управлявшего хором арестантов в той же тюрьме, и пока тесть разучивал с арестантами божественные хоралы с призывами ко Всевышнему о милости, его отец отщелкивал на счетах количество съеденного арестантами гороха с салом.

Семья Паулюсов, очень старинная в Гессен-Кассельских землях, родословием не могла похвастать, ибо их предки извечно крестьянствовали, лишь одиночки выбились в священники, сельские учителя или оставались мелкими чиновниками.

Отец внушал быстро подрастающему сыну:

— Всегда помни, Фриц, что все гессенцы, потомки древне-германского племени Каттов, были людьми честными, верными и добродетельными. Знай, что лучше совсем не иметь друзей, но только бы никогда не иметь и врагов.

— Да, папа, — соглашался мальчик...

Паулюсу запомнилась вечно заботящаяся обо всех мать, старательный труженик-отец, который вечерами иногда приносил домой кастрюлю с гороховой похлебкой, что оставалась от ужина арестантов, семья Паулюсов ела, старательно вспоминая бога, который о них не забывает.

Шел 1909 год, когда Фридрих Паулюс

закончил гимназию и вышел в большой мир, который для него был заранее ограничен кастовыми перегородками. Он вырос грамотным, послушным, со всеми одинаково ровный, ни с кем не сблизаясь и ни с кем не враждующим. Его аттестат зрелости лишь подтверждал достоинства юноши, но дорог в будущее не указывал. Германия времен кайзера была строгой империей, где все люди были заранее располжены по сословиям, как товары в магазине по полкам, и рожденный в подвале не смел претендовать на место в высших этажах имперского здания. Свою ущербность выходя из мелкобуржуазной семьи Паулюс испытывал сразу же, когда его не приняли в военно-морскую школу:

— Советуем быть скромнее в своих желаниях, — заявили в школе Паулюсу. — Разве у вас в роду имелись офицеры?

— Нет, — стыдливо покраснел Паулюс.

— Может, были коммерц-советники?

— Тоже нет.

— В таком случае ищите в жизни другие пути...

Иные пути привели его в Марбург, где Паулюс стал изучать право в университете. Юридическая казуистика не заманивала его в свои головоломные дебри, где привольно паслись будущие зубры-прокуроры и адвокаты с повадками хитрых лис — Паулюса волновало иное: как ему, сыну счетовода, сбросить ярмо своего презренного сословия, чтобы вступить в новый сверкающий мир?..

Факультет права в Марбурге примыкал к клинике для умалишенных, и вечерами, покинув аудитории, Паулюс гулял в скверике, раскланиваясь с психопатами, среди которых встречались умнейшие люди. Както один из них, узнав о сотованиях юноши, сказал, что история Германии во все времена была, есть и будет только историей офицерского корпуса:

— Рано или поздно Германия предстоит вести большую войну, и армия готовится к ней, допуская в офицерское казино даже отпрысков из семей чиновничества. Попытайте счастья в Баденском полку имени принца Евгения Савойского...

Служить не трудно, если держать руки по швам!

Паулюс начал службу в звании «юнкер-ассистента при знамени». Это случилось в феврале 1910 года, а осенью уже выбыл в фенрихи — кандидаты в офицеры. Он получил допуск в офицерское казино, под сень которого и вступил с молитвенным настроением пилигрима, отряхнувшего прах с ног своих у входа в заколдованный храм, где ему открылись непреодолимые истины. Тогда же Паулюс окончил военную школу в Энгерсе, и, наконец, пробил волшебный час: в августе 1911 года он стал лейтенантом. Первой узнала об этом его любимая сестра Корнелия, которую в семье называли Нелли. При встрече в Ранштадте она пылко ласкала эполеты на плечах брата, целовала эфес его сабли.

— Кто бы мог подумать, — шептала она в небывалом экстазе. — Неужели и мы, Паулюсы, стали иметь офицера? Фриц, только бы не было войны... Ах, ты бы знал, что стало с отцом и матерью, когда они

известились о том, что их сын — лейтенант!

— Нелли, — отвечал Паулюс, обнимая ее узкие плечи. — Знала бы ты, что со мною происходит! Да, я ступил одною ногою на ту лестницу, по которой легко взбегали другие. Но теперь, теперь... я очень влюблен.

— Так это же хорошо, — порадовалась сестра.

— Это очень сложно. Ибо добиться руки и сердца моей избранницы для меня сейчас труднее, нежели стать фельдмаршалом. Не пугай маму и папу тем, что у их сына кружится голова.

Было от чего закружиться голове лейтенанта...

Внешне это ни в чем не проявлялось: Паулюс оставался по-прежнему пунктуальным в службе, ровным в обращении с высшими и низшими, его голос — в радости или гневе — оставался спокойным. Казалось, возмутить его невозможно! Высокий и очень стройный, Паулюс был излишне щеголеват, бдительно следил за чистотой манжет, за блеском своих сапог, за строго уставным размером мундирного воротничка.

«Милорд», — говорили о нем в Баденском полку, и он даже гордился этим прозвищем, которое заслужил корректной холодностью, одинаково пленявшей и его врагов, и друзей.

Товарищами в полку были два брата-румына — Ефрем и Константин Розетти-Солеску, сыновья бухарестского консула в Берлине, и Паулюса влекло к братьям, ибо они для него были выходцами как раз из того загадочного и волшебного мира, который для Паулюса всегда оставался недоступным.

— Знай, — говорили братья, — что по линии матери мы приходим от племянника римского императора Юстиниана, наши предки из Генуи выехали в Валахию, где и стали боярами. Прабабушка была из рода князей Стурдза, что были господами Молдавии, а наша бабка из сербской династии Обреновичей, что были королями в Белграде. Наконец, наш родной дядя, Георг Розетти-Солеску, был румынским послом в Петербурге, где и женился на Ольге фон Гирс, племяннице русского министра иностранных дел в царствование Александра Третьего...

Да, действительно, было от чего закружиться голове Паулюса!

Розетти-Солеску считались в Баденском полку крезамы, ибо их мать, разведенная с мужем и оставшаяся жить в Германии, имела немалые доходы с колоссальных имений в Валахии, — к маркам они относились небрежно, а Паулюс подсчитывал даже пфенниги. Как бы ни был он респектабелен внешне, как бы ни стремился оставаться в душе порядочным человеком, все равно Паулюс в глубине сердца мучительно завидовал аристократам, родня которых образовала космополитическую диаспору — от Петербурга до Берлина, от Белграда до Бухареста.

— Где ты проводишь отпуск? — спросили братья.

— Да так... где придется. А что?

Но при этом подумал, что дома, в родном Касселе, опять ему доедать вчерашний суп, слушать вздохи и стоны матери, вечно больной, слушать, как после ужина отец будет вслух читать газету о берлинских сплетнях, а сестра позовет в гости свою любимую подругу Лину Кнауфф, давно влюбленную в Паулюса, чтобы потом исподтишка и даже завистливо наблюдать за развитием романа... Тошно!

— Вот что, — сказали ему братья Розетти-Солеску, — мы отдыхаем летом в горном Шварцвальде, составь нам компанию для отдыха. Кстати, у тебя такие длинные руки и ноги, что как раз годишься сестре для игры в теннис.

Спасибо, что пригласили! Уже не денщик в казино ставил перед Паулюсом тарелку, а вышколенный лакей расставлял перед ним целый куверт из серебра с бокалами. Аристократическим холодом веяло от матери его однополчан. Катаржина Розетти-Солеску была дружна с румынскою королевой Елизаветой, по рекомендации которой она и была принята в Карлсруэ при дворе баденской герцогини Луизы, что доводилась дочерью германскому императору Вильгельму I. Придворная дама, внешне очень приятная, она смотрела на лейтенанта Паулюса свысока, словно на мелочь, недостойную ее внимания.

Усаживаясь во главе стола как хозяйка дома, Катаржина Розетти-Солеску даже и не посмотрела на Паулюса и, заметив пустой стул возле него, недовольным тоном сказала:

— Моя дочь имеет дурную привычку опаздывать...

Елена-Констанция, ее дочь, села рядом с Паулюсом, и он невольно сжался, очарованный ее красотой и напряженный от того, что боялся ее вопросов, неожиданных для него, на которые не всегда мог ответить. После обеда Елена предложила ему прогулку до водопада в Раумюнбах.

— Извините, что по-немецки я говорю с акцентом французенки, — сказала девушка. — Виноу тому мое воспитание. Наверное, не самое лучшее для моего круга...

Паулюс осторожными намеками выведал, что она старше его на один год, что воспитание она получила сначала в Париже, училась в пансионе Константинополя, а потом...

— Потом окончила девичий лицей королевы Виктории в Карлсруэ, почему и принята при дворе герцогини Луизы...

На горной тропе Паулюс испытал головокружение, и Елена-Констанция бережно указала ему место, где можно присесть, чтобы избавиться от дурноты при виде пропасти.

— Вы очень милы, лейтенант, — сказала она, откровенно любуясь им. — Мне братья рассказывали о вас. Кстати, я забыла, как зовут вас в полку?

— Милорд, — смущенно отозвался Паулюс.

— А еще как?

— Кунктатор. Потому что я слишком щепетилен в вопросах службы, стараюсь быть пунктуальным во всем, что я делаю.

Стройная и красивая, она долго смотрела вдаль, а внизу где-то глубоко струились к вершинам тонкие дымки деревень шварцвальдских крестьян. Кажется, девушка о чем-то думала. Неожиданным был для Паулюса ее вопрос:

— И что же теперь вы собираетесь делать?

— Я хотел бы...

«Поцеловать вас»,—ожидала она, но ответ был иным:

— Я хотел бы получить адъютантскую должность, ибо склонен к усидчивой кабинетной работе при штабах.

— Это... все?—смущенно спросила она.

— На первые годы—да, я был бы счастлив.

— Вы ошибаетесь. Аксельбант адъютанта от вас не уйдет, а вот я могу уйти и оставить вас на этой горной тропе, где вы изнемогаете от робости и головокружения...

Все стало ясно! Брак предстоял морганатический, неравный для нее, зато очень выгодный для Паулюса, сразу выводящий его из общей шеренги лейтенантов.

Паулюсу было не совсем-то удобно представлять в родительском доме жену-аристократку, которую он ласково называл Коко, но она восприняла все как надо—и бедный суп с картофелем, и чтение по вечерам газеты, и даже сестру мужа—Каролину, которая смотрела на свою золовку во все глаза, как на заморское чудо...

Вот и 1914 год! В этом году началась мировая война, а жена Паулюса одарила его дочерью, которую нарекли славянским именем—Ольга; в конце той же войны Елена-Констанция разрешилась близнецами—сыновьями. Фридрих в чине капитана будет убит итальянскими партизанами после свержения Муссолини, а второй сын Эрнст-Александр—это тот самый майор вермахта, который в Нюрнберге 1946 года почти озабоченно заявил нашему корреспонденту:

— Вы слишком гордитесь своей победой. А скоро все вы—и русские, и ваши союзники—разинете рты от изумления, когда избитая Германия поднимется с корточек, на которые вы немцев поставили... Так уже было! Было после Версальского мира, так будет и после Потсдамского... А имя моего отца уже принадлежит истории!

2. ВНИМАНИЕ— ТАНКИ!

Паулюс закончил войну капитаном, имея Железный крест от кайзера. Подвигам за ним, правда, не числилось, да он и сам не стремился совершать их. Известно: Паулюс использовал годы войны для того, чтобы заявить о себе штабным работником. Он держался подальше от окопов и поближе к начальству; он не сидел в блиндажах, давая на себе вшей, а в тиши кабинетов, благоухая одеколоном, составлял отчеты по расходу вооружения и графики движения

войск. «Офицер для поручений», Паулюс становился необходимым для начальства, как хороший справочник для повседневного употребления. К тому же он обладал природным тактом, был сдержан в выражении эмоций, умел совмещать несовместимое, очень любил писать, никогда не уставая, неизменно помня о том, о чем начальники часто забывали,—все эти качества делали Паулюса нужным всем командирам.

Один из его полковников, принц Эрнст Саксен-Мейнингенский, в душе артист и художник, предупреждал Паулюса, чтобы тот никогда не совался в политику, и в этом случае предрекал ему скорую карьеру генеральштэблера (офицера генерального штаба):

— Только не лезьте в это вонючее дерьмо, что называется политикой,—говорил принц.—Если бы не политики рейхстага—мы бы сидели сейчас дома возле камина, а кошка катала бы клубок ниток возле ног любимой жены... Разве же это плохо, Паулюс?

Война закончилась Версальским миром, который офицеры называли «позорным», готовые хоть сейчас «переиграть» войну заново. Германия была в разброде чувств и мнений, все чего-то хотели, все кого-то ненавидели, а больше всего немцы хотели... есть! Однажды в отеле «Бристоль», где вместо масла подавали маргарин, а вместо свежего мяса консервы, Паулюс заказал натуральный бифштекс, который стоил четырехсот марок, а одноглазый официант, распознавший в нем фронтовика, дружески предупредил:

— Ешьте скорее, ибо цены растут, и пока вы ковыряетесь с ножом и вилкой, бифштекс будет стоить уже семьсот марок...

Ряды рейхсвера редели, множество офицеров слонялось без дела, вспоминая блиндажи и окопы, как уютные квартиры. Отставные генералы хвастались победами, каждый из них выиграл грандиозную битву, и было лишь непонятно, почему все вместе они проиграли войну, ввергнув Германию в хаос нищеты, в разброд инфляции и политической бестолочи. Паулюсу повезло: он остался в рядах рейхсвера, продолжая делать карьеру, столь удачно начатую...

Как искусствовед по фрагменту картины безошибочно угадывает автора полотна, так и Паулюс—по рельефу местности и отметинам построения войск—точно определял время и название битвы. В эти трудные годы ни он, ни его семья нужды не испытывали, ибо доходы с валашского имения Капацени поступали регулярно. Паулюс имел хорошую квартиру на Альтенштайнштрассе, но служба постоянно отрывала его от жены и детей, которых он очень любил.

Военная судьба однажды забросила его в Штутгарт, где стоял 13 полк (пехотный), и здесь, далекий от того, чтобы завести друзей, он, кажется, нашел друга. Позже, много лет спустя, что-то роковое будет связывать его с ним, делая неудачи одного зависимыми от побед другого.

Этого офицера звали Эрвин Роммель, он был тогда командиром пулеметной роты, а в офицерском казино Роммеля иначе как

«швабский задира» и не называли. Казалось, что общего может быть между ними? Роммель, обвешенный орденами фронтовик, всегда готовый выпить и поскандалить, а Паулюс—джентльмен, с утра застегнутый на все пуговицы, легко ранимый грубостью, тихий, иногда даже мечтательный. Однако крайности сходятся, и Паулюс, обычно замкнутый, был с Роммелем доверителем.

— Эрвин,—как-то сказал он ему,—ты со своим буйным характером когда-нибудь оставишь голову в канаве.

— Завидуешь?—хохотал Роммель.

— Нет. Я не люблю строчить из пулеметов, предпочитая любой стрельбе музыку Баха... Моя мечта—планировать и руководить; чтобы слева от меня лежали карты, а справа—называвивал телефон. Наконец, я хочу читать лекции по оперативному искусству, чтобы видеть раскрытые рты слушателей.

— Валяй, Фриц! Может, заодно и выпьем?

— Ты пей, а я должен быть со свежей головой, чтобы вечером, как актер, отрепетировать свои планы на завтра.

— Черт с тобой, репетируй! А я напьюсь...

Паулюс уже прошел курсы, специальные для офицеров генерального штаба, сдал экзамены в Высшей технической школе в Шарлоттенберге, куда неучей не принимали, изучил военную топографию. Брак с румынской аристократкой во многом дописал облик Паулюса; умная и образованная женщина, она привила мужу интерес к широким познаниям, от Коко он приобрел лоск культурного светского человека (будучи в плену, фельдмаршал поразил нашего академика А. М. Киркенштейна; «Фельдмаршал со знанием дела говорил мне о новейших способах лечения туберкулеза, о целебных свойствах швейцарского курорта Давоса, о последних трудах немецких физиологов...»).

Осенью 1931 года Паулюса отозвали в Берлин, где его поздравили с чином майора генерального штаба и поручили ему чтение лекций по вопросам тактики:

— Вы же знаете, Паулюс, как унижена наша армия всякими запретами «Версалия», и потому курс ваших лекций не будем афишировать для публики. Часть офицеров, ваших слушателей, нужна для окружения этого... Ну, вы догадываетесь, этого ефрейтора Адольфа Гитлера, чтобы мы, военная элита, водили его потом на коротком поводке. Но у нас имеется запрос из Москвы, чтобы курс лекций по тактике прослушали и советские командиры.

Удивляться не стоит: Гудериан учился водить танки в Казани, говорили, что Геринг учил наших ребят водить самолеты в Липецке, ибо отношения между немцами и русскими были приличными.

Имя Гитлера было известно, но Паулюс не придавал фюреру нацистов особого внимания и значения.

— Я привык держать руки по швам!—не раз повторял Паулюс.—Мои погоны майора определяют мое положение в рейхсвере, но никак не могут определять мои политические взгляды...

Кажется, его недаром прозвали кунктато-

ром (замедлителем). Паулюс любил все обдумать и взвесить, за раскаленное железо он голыми руками не хватался. В служебной характеристике его было начертано: «Прекрасно воспитанный, иногда излишне скромн... почтителен, очень методичен. Отличается выдающимися способностями как тактик, хотя склонен тратить чрезвычайно много времени на обдумывание обстановки... детально исследует каждую ситуацию».

— Пожалуй,—сказал Гудериан,—этот человек мне подойдет.

Гудериана называли в рейхсвере, а потом и в гитлеровском вермахте «быстроходным Гейнцем»!

Танки... Когда лорд Китченер, отъявленный консерватор, увидел первый танк, ползущий по земле, он сказал:

— Этой дурацкой тарактелкой хорошо бы пугать береманных кошек, но разве таким железным ящиком можно выиграть войну?..

Время опровергло скептицизм. Когда Паулюс начал в Цоссене «пахать» землю на тракторах, далеко за океаном молодой еще никому не известный майор Дуайт Эйзенхауэр уже призывал в американских газетах: «Нужно забыть о неуклюжих, неповоротливых машинах. Их место должны занять скоростные, надежные танки, обладающие колоссальной разрушительной силой».

Гитлеру недолго оставалось до прихода к власти; немецкий генштаб, работавший еще скрытно, почти подпольно, однажды встревожился, а все думающие военные, в том числе и Паулюс, были крайне озабочены сообщением из Москвы.

— Неужели русские нас перегнали?—говорил Гудериан.—У них в армии появились механизированные корпуса. Правда,—успокоил он себя,—я не вижу у них хороших машин, их конструкторы еще не нашли верных решений для своих «роликов», чтобы маршевая скорость отвечала силе оружия...

В рейхсвере и вермахте танки было принято именовать «роликами». Гудериан в чине полковника был тогда начальником главного штаба всех мотомеханизированных частей.

— Вы уже покатались на тракторах,—сказал он Паулюсу,—а сейчас приходит время готовить боевые машины. Чтобы французы или англичане не слишком нервничали, будем считать, что в Вюнсдорфе существует только автотранспортная часть...

Паулюс тогда же получил чин подполковника.

Гитлер явно спешил к власти, а престарелый маршал Гинденбург не торопился умирать, чтобы освободить ему вершину политического Парнаса. Как и большинство военных, Паулюс не испытывал никакой гармонии с идеями национал-социализма, и он даже не удивился, когда генерал Герд фон Рунштедт высмел бредовые мысли Гитлера о расовом превосходстве немцев:

— Боже мой, какая бессмыслица! И разве можно говорить о «чистоте расы», если население Германии—с б р о д? В наших дедушках и прабабушках мы отыщем слияние славянской, романской и динарской кровей. Стоит ли говорить о чистоте крови, если в древности даже Берлин был славянской деревушкой на берегах Шпрее, в которой славяне ловили раков и осетров.

Фельдмаршал Теодор Федор фон Бок, поздравляя Паулюса с назначением на танкодромы в Вюнсдорфе-Бергене, о политической «возне» там, наверно, высказался более откровенно:

— От размягчения костей немецкий народ переключается на размягчение мозгов... В любом случае,—договорил фон Бок,—от этого парня с челкой на лбу всегда надо прятать спички подальше, чтобы он не устроил хорошего пожара...

Гитлер победил, и в окна домов ворвалась новая песня:

Нет цели светлей и желаннее.
Мы вдребезги мир разобьем!
Сегодня мы взяли Германию,
А завтра всю землю возьмем...

Из источников достоверно известно: Паулюс воспринял появление Гитлера с безразличностью чистоплотного человека; ему, как и многим немцам, претили нравы нацистской верхушки, возмущали их крикливые выходы. Но мундир требовал повиновения: — Я только солдат. Мои руки—по швам! Мы во времена Секта даже не задумывались над политикой. Во что превратится армия, если в казармах устроят публичные митинги?..

Его отчасти обескуражило, что многие офицеры, которых он знал и достаточно уважал, вдруг оказались в окружении Гитлера. Паулюс всегда сторонился любой «партийности».

— Вокруг любой идеи, — говорил он, — будь она плохой или хорошей, всегда крутится толпа бездельников, словно вокруг бочки свежего пива. Потом к идее примазываются всякие жулики и политические аферисты, заинтересованные уже не в идеалах партии, а лишь в том, чтобы нажраться как можно больше при жизни и оставить детям кое-что в банках Швейцарии. И пусть наши социологи не завираются: еще никому не удалось создать рай на земле, зато в аду каждый человек побывал...

В офицерском казино Вюнсдорфа, конечно, были одни разговоры, а в семье Паулюса совсем иные. Катаржина Розетти-Солеску, его теща, была переполнена гневом аристократки.

— Это грязный плебей с замашками балаганного зазывалы,—говорила она о фюрере, а жена Паулюса не возражала матери, она еще более едко судила о Гитлере и его компании.

Паулюс, оставаясь почти равнодушным, отвечал теще, что Гитлер не с потолка свалился, а пришел к власти демократическим путем—через всенародное избрание.

— Ах, эта демократия!—воскликнула теща.—Все преступления прикрывает она заботою о народе. Вы только посмотрите, что случилось с Россией, когда убили царя... Нет, я была и остаюсь убежденной монархисткой.

— Я... тоже, — добавила Елена-Констанция. — Впрочем, история любой страны знала диктаторов: во Франции—Кровавый Робеспьер, в Италии — дуче Муссолини, в России—азнат Сталин, а у нас, а у нас... Гитлер.

Как бы то ни было, но вскоре Паулюсу стало импонировать внимание фюрера к созданию мощного вермахта, к развитию

боевой техники. Гитлер не поленился лично посетить Вюнсдорф, и во время обкатки новых танков системы Т-1 Паулюс убедился, что фюрер ценит силу моторов, они очень мило и даже душевно побеседовали о фильтрах, всасывающих воздух в утробу раскаленного чудовища. Паулюс остался доволен визитом Гитлера и потом, встретившись с генералом Вальтером Рейхенау, сказал ему:

— Наш ефрейтор разбирается даже в танковых фильтрах. Вот чего я никак от него не ожидал...

Рейхенау, грубый весельчак, долго смеялся:

— Нам следует держаться этого удачливого парня! На чьей стороне воевать, за чертей или за ангелов, этот вопрос оставим для умозаключений папы римского.

Под окнами рейхсканцелярии не расходились берлинские обыватели, ждавшие явления фюрера на балконе как чуда. Кричали ему: «Хайль, Гитлер!» Правда, в толпе находились и отчаянные смельчаки, под шумок возвещавшие «Хальб-литер!» (что означало хвалу пол-литру шнапса). Но это были герои-одиночки. Берлинскую толпу уже пронизывали агенты гестапо, как жирную землю пронизывают алчные черви...

Скоро жене Паулюса надоели его постоянные поездки по танкодромам и мотошколам в Вюнсдорф-Бергене и Дебериц-Эльсгрунде:

— Не пора ли, Фриди, осесть где-нибудь при штабе?

Паулюс понимал ее сетования, он и сам хотел бы уйти в кабинетную жизнь, в приятный шорох разворачиваемых по ночам карт и графиков, за которыми устояло призывное выражение Гудериана: «Танки—вперед!» На Гудериана же он и сослался!

— Коко, все зависит от быстрогоходного Гейнца...

Судьба Паулюса разрешилась 1 июня 1935 года, когда, срочно вызванный в Берлин, он предстал перед Гудерианом. Тот был обложен стопками книг, и среди них Паулюс успел заметить только военные труды Фуллера и Лиддел Гарта.

— Кажется,—сказал Гудериан,—Тухачевский в Москве начал понимать то, о чем я твержу много лет нашим болванам. В будущей войне главным фактором станет движение, помноженное на мощь огня. Поздравляю!—вдруг сказал Гудериан.

— С чем?—удивился Паулюс.

— Отныне вы — полковник генерального штаба и... Я отъезжаю в Вюрцбург принимать новую панцер-дивизию, а вы остаетесь на моем месте.

— Кем?

— Начальником главного штаба всех мотомеханизированных войск, которые и станут для вермахта главной бронетанковой силой... Надеюсь, вас устроит мой кабинет?

— Благодарю.

— Благодарите фюрера, который очень хорошо отзывался о вас, Паулюс, ему сейчас нужны именно такие люди, как вы, чтобы не болтать, а—делать...

На прощание Гудериан преподал Паулюсу добрый совет: так как у Гитлера есть техническое чутье ко всему, что касается

развития техники, то Паулюс в любом случае может добиться успеха в борьбе за все новое в танкопроизводстве, если он обратится непосредственно к Фюреру:

— Фюрер поймет и поможет. Всего доброго, Паулюс...

В новом звании и с новым назначением Паулюс вернулся домой, на Альтенштайнштрассе, с букетом цветов.

— Теперь мы, Коко, не расстанемся. Все получилось так, как ты и хотела. Конечно, мое призвание—теория. Я ведь не Гудериан, который согласен дрыхнуть внутри танка; ты, Коко, сама знаешь, что я более склонен к мозговым решениям!

Однако этот интеллектуал, склонный (не спорю) лишь к умственному труду, въехал в историю Европы на грохочущем танке, заляпанном грязью, кровью и мозгами раздавленных людей. Бронетанковая сила вермахта была основой всех будущих агрессий, и Паулюс оказался в числе первых—после Гейнца Гудериана!—толкователей глубоких прорывов, бронированных таранов на поле боя. В силу своей порядочности, очень далекий от примитивной зависти, Паулюс иногда все-таки испытывал к «быстроходному Гейнцу» некое ревнивое чувство, которое от Коко и не думал скрывать:

— Верно ли считать Гейнца автором танкового блиц-крига? За время учебы в Казани он наверняка перенял для себя новое из тактики русских. Наконец, немало позаимствовал из рассуждений австрийца фон Эймансбергера, который раньше всех нас преподнес миру идею глубокого танкового прорыва. Русские перевели фон Эймансбергера, и, надо полагать, в будущем они учтут наступательный дух своих танковых двигателей.

Еще в двадцатые годы Берлин был переполнен русскими эмигрантами, русская речь звучала на улицах, всюду русские издательства, русские журналы в киосках, на киноэкранах — русские актеры, вечерами шумели русские рестораны, из которых на улицы немецкой столицы выплескивалось столь знакомое:

Марфуша все хохочет,
Марфуша замуж хочет,
И будет она верная же-е-на-а-а...

В ту пору даже существовал анекдот. На улице встретились двое русских, поздоровались, вспомнили, как водится, феерический блеск Петербурга или дремотную тишину Тамбова.

— Ну, а как тебе Берлин? — спросил один другого.

— Да ничего городишко. Одно в нем плохо.

— Плохо? А что же?

— Да то, что немцев в нем еще много и — вот беда! — все немцы говорят по-немецки...

Понятно, что русские эмигранты не миновали и дома Паулюса, где их любезно привечали Розетти-Солеску, мать с дочерью. Теще Паулюса, конечно, эти эмигранты казались намного интереснее и дороже тех выскочек «нового времени», что появились при Гитлере на высотах власти и — это было ей даже неприятно! — бывали иногда за столом в доме ее зятя.

Паулюс никогда не питал особого любопытства к России (по родству жены он более интересовался Румынией), но, как хозяин дома, полковник был радушен к русским. В его обширной квартире на Альтенштайнштрассе перебывало немало знатных эмигрантов: Бискупский — муж певицы Вьяльцевой, а теперь приятель Гиммлера, графы Шуваловы, князья Васильчиковы и граф Валентин Зубов. Специально для русских ставился самовар, и, попивая чай, неумело заваренный горничной, Паулюс вежливо вникал в разговоры гостей, не всегда ему понятные, о той России, что была раньше и какой не стало. Иногда он даже вмешивался в беседу, но информация Паулюса о новой русской жизни была скорее забавной:

— Мне рассказывали люди, недавно побывавшие в России, что русские после революции приобрели очень странные, даже дикие привычки. Так, они теперь не любят иметь отдельные квариры, а стараются занимать в них лишь отдельные комнаты. Мало того, страсть к коллективизации так велика, что русские почему-то любят спать по пять-десять человек в одной комнате. Мужчины, женщины, дети — все вповалку...

Странно, что Паулюс, человек эрудированный и начитанный, был очень далек от понимания русской культуры; он знал лишь музыку Чайковского, что-то слышал о Пушкине, но русская история и русское искусство оставались для него книгой за семью печатями. Перед женою он оправдывался:

— Коко, ты напрасно надо мною подшучиваешь. Я все-таки генеральштеблер, и по этой причине знание рельефа русской равнины для меня более важно, нежели русская поэзия...

Елена-Констанция, как румынка, наоборот, высоко ценила русскую культуру и однажды, выбрав вечер, увлекла мужа в театр, где ставили «Три сестры» Чехова:

— Посмотришь, как жили русские раньше — еще до того, как их обуяла бешеная страсть к коллективизации...

Из театра Паулюс возвращался сумрачный, о чем-то думал, потом вдруг сделал неожиданный вывод:

— Жизнь в Германии все-таки была лучше, нежели в этой России. Я, милая Коко, так и не понял, почему три сестры все время завывали со сцены: «В Москву, в Москву, в Москву...» Очень им хотелось в Москву, но так и не уехали. Наверное, и при царе это был закрытый город. А жизнь в Германии намного проще: захотел немец в Берлин — купил билет и поехал.

3. И ДАЖЕ ЗУБНЫЕ ЩЕТКИ

Вскоре Паулюс развеселил жену информацией, исходившей из близкого окружения Фюрера. Почти сразу, как только Гитлер зашел в рейхсканцелярию, на стол ему стали регулярно подкладывать вырезки из совет-

ских газет о производстве зубных щеток в СССР. Год за годом русские писали, что зубных щеток опять нет в продаже, а если они и появятся, то их щетина остается во рту советского гражданина, решившего раз в неделю почистить зубы. Когда же, — спрашивалось в газете, — наша передовая советская индустрия наладит производство и массовый выпуск зубных щеток, столь необходимых для культурного развития народа, закладывающего прочный фундамент социализма?..

Гитлер каждый раз оставался доволен: — Вот еще убедительный пример слабости большевистской системы! Если эти кремлевские дикари несколько лет возьмется с зубными щетками, никак не наладив их массовое производство, то я полностью уверен в том, что они никогда не смогут наладить конвейерный выпуск танков...

Паулюс, отдыхая дома после служебного дня, редко включал радиоприемник, но однажды, случайно поймав московскую волну, он попросил графа Валентина Зубова переводить.

— Очередное хвастовство «железного» наркома Клина Ворошилова. Он опять заверяет мир, что Красная Армия никогда не отступала.

— Тем хуже для маршала, если его армия не умеет отступить, — изрек Паулюс. — Мастерство отхода перед противником — это альфа и омега тактики, и оно гораздо сложнее тактики наступления...

Ворошилов закончил речь, эфир заполнило бодрое:

Ведь с нами Ворошилов —
первый красный офицер,
готовы мы умереть

за Э-сэ-сэ-сэр!

Зубов перевел текст песни, а Паулюс засмеялся:

— Странно, что они готовы умереть! За что? И за кого?

Валентин Платонович Зубов был создателем Музея истории искусств в Петрограде, который он оставил Зиновьеву и мадам Троцкой на разграбление, а сам бежал, ибо аристократов ожидала страшная участь в застенках ЧК. Сейчас он воспринял слова Паулюса на свой лад, заговорив о том, что не понимает, почему Сталин отказался подписать Женевскую конвенцию от 1929 года о военнопленных и обращении с ними. Ему было непонятно, почему Гитлер конвенцию подписал, а Сталин от нее отмахнулся:

— Сталин мотивировал свой отказ тем, что конвенция о пленных не отвечает духу социалистического государства.

Паулюс ответил, что, пока в мире существуют войны, до тех пор в мире будут и военнопленные, а Сталин не подписался под конвенцией совсем по иным причинам:

— Ворошилов уже не раз заявлял, что в случае войны Красная Армия будет только наступать, и обязательно на чужой территории, а красноармейцы в плен не сдаются...

Известно, что стратегия, как и тактика, никак не зависят от идеологических рецептов, а в СССР армию воспитывали на мысле, будто любое наступление — это «по-

28
мощ страдающим братьям по классу», и стоит Красной Армии пересечь границу, как сразу во всем мире перед ней распахнут объятия «представители угнетенного пролетариата»... Может, и прав был Черчилль, который говорил о советской России, что это даже не страна, а некий секрет, завернутый в загадку и укрытый непроницаемой тайной...

Паулюс в разговоре с Зубовым мог бы добавить, что в берлинском здании гестапо уже имеются советские военнопленные, доставленные прямо из ...Испании!

Война там была гражданская, но в нее вмешались Гитлер и Сталин, используя Испанию вместо полигона: под Мадридом и Гвадалахарой впервые скрестилось оружие — советское и немецкое. Нашим летчикам пришлось горько разочароваться в своих истребителях, а немцы выкатили на прямую наводку новейшее оружие XX века — противотанковую артиллерию, и Сталин в Кремле с большим недоверием разглядывал фотоснимки своих развороченных танков.

— Неужели мы начали отставать? — обеспокоился он, подозревая, что и тут не обошлось без «врагов народа»...

Настал 1937 год, и в Берлине нервно и чутко реагировали на все репрессии, которые Сталин — раз за разом! — обрушивал на свою же армию. Среди немецких генералов иные недоумевали, даже не смея верить, другие откровенно радовались тому, что Сталин истребляет лучших полководцев и офицеров. Генеральный штаб возглавлял Людвиг фон Бек, генерал старой выучки. Нелицеприятный и резкий, Бек почти откровенно презирал Гитлера, не допуская его вмешательства в дела вермахта. При встрече же с Паулюсом он начал разговор о Сталине:

— Неужели сами большевики не понимают, что к власти над страной пришел сумасшедший? Его хваленая армия никак не является шедевральной, офицерский корпус задавлен страхом... Я всегда привык отыскивать в истории аналогии и, знаете, с кем я могу сравнить этого усатого грузина?

— С кем?

— С персидским шахом Надиром, который даже своим сыновьям выколол глаза, подозревая в них изменников. Сталин был бы на своем месте, если бы лет триста назад управлял каким-либо маленьким ханством на Востоке, но... в московском Кремле? Но во главе такой великой страны, как Россия?!.. Не верится!

Наконец, как удар грома, отозвалось в Берлине известие о расстреле маршала Тухачевского, и Паулюс, узнав об этом, даже подумал, что Людвиг фон Бек в своих подозрениях прав.

— Если Тухачевский и его коллеги, — рассуждал Паулюс, — осуждены Сталиным справедливо, то... Простите, что же это за армия, если вся ее верхушка состоит из предателей? А если Тухачевский и его коллеги осуждены Сталиным несправедливо, то... Простите, что же это за государство, в котором один человек обладает властью рубить головы генералам?

Его сомнения разрешила жена, подчеркнув в газете от 24 июня 1937 года статью

под игривым названием: «Счастье и гибель Тухачевского». Паулюс был согласен с тем, что было там сказано: «Расстреляв известнейших военачальников Советского Союза, сознательно пожертвовали в интересах политики боеспособностью и руководством Красной Армии. Тухачевский, бесспорно, был самым выдающимся из всех красных командиров, и его нельзя заменить... Мнимый шпионаж, конечно, был просто выдуман. Если большевики утверждают, что «обвиняемые признались во всем», то это, конечно, ложь!»

— Все кончится плохо для России... — сказала Коко.

Вывод был справедливый, ибо вскоре авторитет СССР вдруг резко упал во всем мире, политики Европы, и правые, и левые, открыто говорили, что эту страну нельзя иметь в числе союзников, а мощь Красной Армии, не в меру расхваленная, попросту эфемерна. Никто в Европе уже не верил Сталину и его приспешникам, которые, заев за стенами Кремля, словно в крепости, творили неслыханные зверства, а населенные страны превратили в своих рабов, попускаемых страхом и лозунгами, зовущими их в «светлое будущее».

Паулюс в эти дни как раз инспектировал панцер-дивизию Вальтера Рейхенау, и, конечно же, в офицерском казино было немало разговоров о репрессиях в России.

— У меня такое впечатление, — рассуждал Рейхенау, — что этот грузин решил помочь нам, немцам, в решении танковой проблемы. Ведь именно Тухачевский ратовал за развитие бронетанковых корпусов, а теперь в Кремле восторжествует угодное Сталину мнение его кавалеристов. Не знаю, как вы, Паулюс, а я и мои офицеры готовы Сталину аплодировать.

Молодой майор Виттерсгейм толковал о том, что пишут сейчас газеты Франции и Чехословакии:

— По их данным, вопросы стратегии и тактики в Красной Армии исходят из понятий времен гражданской войны и боев под Царицыном. Оснащение армии отвратительно. Нигде нет такой отсталой техники и вооружения, как у русских...

Этот разговор неожиданно завершился беседой с Францем Гальдером, ведавшим оперативными вопросами в генштабе (и, по слухам, он был не прочь занять место фон Бека).

— Сейчас, — сказал Гальдер, — из числа военных мыслителей в Москве осталось лишь два толковых генеральштеблера — это еще царские теоретики Шапошников и Свечин.

Шапошников был хорошо известен, его труды о развитии штабного мышления не раз переводились в Германии. Свечина знал хуже. А вот в Москве его таскали по тюрьмам, ибо мысли Свечина никак не совпадали с военной доктриной Ворошилова, благоухающей ароматом конюшен. Профессор Академии Генштаба, Александр Свечин утверждал нечто крамольное: мол, боеспособность армии никак не зависит от идеологии правительства. Мало того, Свечин призывал укреплять дружбу с Финляндией, чтобы иметь в ней доброго союзника, и тогда сам по себе прикроется один

из главных рубежей страны. Случись же война, — предрекал Свечин, — и Ленинграду суждено испытать примерно такие же муки, какие испытал Севастополь в Крымской кампании... Этого хватит! Свечина расстреляли как врага народа.

Был репрессирован даже легендарный маршал Блюхер, славе которого Сталин явно завидовал. Над народным героем палачи так издевались на допросах, что выбили ему глаз. Блюхер держал свой глаз на ладони, которую протягивал к следователям, спрашивая:

— Что же вы делаете? Люди вы или не люди?

4. ГЕНЕРАЛЫ

— Все, что делает Сталин, — утверждал Гитлер, — все это принесет пользу нам. Красная Армия, благодаря отеческим заботам о ней, уже осталась без головы. У нее теперь целы только ноги, чтобы драпать до самого Урала.

Кейтель кивал одобрительно, но Йодль выражал сомнение:

— Война с Россией — это такая война, когда всегда знаешь, как начать ее, но никогда не будешь знать, чем она закончится. Любую войну с любой страной можно довести до победного конца. И только в войне с Россией нам не дано заранее увидеть ее финала...

Гитлер тоже не сидел без дела, устраняя тех генералов, которые мешали ему взять власть над вермахтом в свои руки. Только в отличие от Сталина он поступал гораздо изощреннее.

Рокировка генералов на шахматной доске вермахта была достаточно сложной, и Паулюс говорил Коко:

— Я вынужден следить за расстановкой главных фигур, чтобы самому не остаться пешкой, задвинутой в угол...

Гитлер уже начал сближаться с генералом Вильгельмом Кейтелем, которого в вермахте отчасти презирали, считая его выскочкой, называли «диспетчером дежурной бензоколонки», ибо Кейтель отличался любезностью, более схожей с лакейской услужливостью. Не так давно его сын женился на дочери фельдмаршала Вернера фон Бломберга от первого его брака. Но в январе 1938 года и сам Бломберг женился на молоденькой секретарше Эрике Грюн, причем шаферами на его свадьбе был сам Фюрер и Герман Геринг... Казалось, что бы тут такого?

Но Бломберг мешал Гитлеру, ибо он не выносил Гиммлера, который свои войска СС возвышал над вермахтом. Не прошло и нескольких дней после свадьбы маршала с секретаршей, как однажды Паулюсу показали фотографию голыш девичьи в соблазнительной позе.

— Порнографией не увлекаюсь, — отвернулся Паулюс.

— Но это не просто ветреная девушка, решившая обнаженной позировать, а Эрика Грюн, ставшая на днях женой Бломберга. Как выяснилось, она провела юность

в «массажном салоне» своей матушки, которая тоже состояла на учете полиции...

Вот за эту «ветреность» жены Бломберг и расплатился скорой отставкой. Вслед за тем фюрер взялся за генерала Фрича, помощника Бломберга, и Фрич был обвинен в педерастии, которая считалась «изменой государственными интересам», ибо люди этой породы лезут не туда, куда надо. Фрич доказал, что любая задница мужчины вызывает в нем только отвращение, но клеймо позора уже было наложено, почти несмываемое, и Фрич, злобно шипя, ушел в тень отставки, а его пост освободился для генералов, казавшихся Гитлеру более восприимчивыми к усвоению его национал-социалистских идей...

Паулюс не догадывался, что в это время возникло нечто вроде «заговора генералов», никак не согласных с агрессивной политикой фюрера. Людвиг фон Бек призывал удалиться в отставку генерала Вальтера фон Браухича:

— Разве вы не видите, что фюрер разевает рот шире своего желудка? Рано или поздно, но он втянет Германию в войну, выдержать которую немецкий народ не в состоянии.

Вальтер фон Браухич обещал подать в отставку. В это время он как раз разводился со старой женой, чтобы жениться на молоденькой Шарлотте, и Гитлер одобрил его брак с этой Шарлоттой.

— Но моя старая жена, фюрер, желает иметь «отступное».

— Понимаю. Я дам вам денег, — согласился Гитлер.

— А моя молодая Шарлотта желает иметь виллу.

— В чем дело? Будет, Браухич, и вилла...

После того Браухич согласился занять пост командующего сухопутными силами, а фон Беку он заявил, что с фюрером порывать не собирается, ибо все страхи Бека излишни:

— Наш фюрер не такой парень, чтобы допустить войну на два фронта, а Сталину не до Германии, он сам не знает, как разобратся со своими маршалами...

Паулюс, пронаблюдав за расправой над Бломбергом и Фричем, за тем, как одни падают, другие возвышаются, сказал жене:

— Сейчас следует ожидать и взлета Гальдера... Думаю, что Бека фюрер все же не тронет, ибо репутация этого человека безупречна, и к нему Гитлер не подыщет отмычек.

Коко волновало другое — верно ли говорят, будто вскоре начнется война более страшная, нежели при кайзере?

— Вряд ли, — отвечал Паулюс. — Германия к войне не готова. Как можно воевать, если даже в бензобаки такси заливают лишь половину бензина, разбавляя его спиртом или бензолом. Нет, на войну без горючего фюрер никогда не решится.

Он знал и другое: нехватку стали Германия покрывала за счет импорта из Швеции, а в холодильниках рейха заморожены лишь 750.000 свиных туш, — раздели их на всех, и в один из дней немцы поедят суп с мясом, а что потом?

— Наконец, — добавил Паулюс, — ты, милая Коко, живешь в достатке, не зная,

что такое нормированные продукты или товары... Успокойся, в ближайшее время войны не будет.

Сталин в это время сокращал военные поставки в Испанию, а Гитлер, напротив, их увеличивал, укрепляя режим Франсиско Франко, в котором видел на будущее приятного союзника. Адмирал Канарис подозрительно зачастил в Эстонию, завел в Ревеле дружбу с военными, и эстонцы теперь поставляли в абвер секретную информацию об СССР. В марте 1938 года состоялся аншлюс Австрии, отчего Германия сразу усилилась. Узе начиналась подготовка к аннексии Чехословакии...

Было ясно, куда идет Гитлер и куда он тащит за собой вермахт, потому среди генералов и возник «заговор», о котором сохранилась легенда, будто сам Франц Гальдер брался застрелить фюрера в его кабинете рейхсканцелярии. Генералы, пережившие поражение в прошлой войне, не хотели второго «Версая», они предвидели, что рано или поздно неизбежен конфликт с Востоком, а какова бы ни была Россия сейчас — верхом на лошади или верхом на танке, — в любом случае эта гигантская держава всегда останется опаснейшим противником в войне с Германией. Конечно, при этом вспоминался не только завет Бисмарка, но и поучения Клаузевица, считавшего, что Россия всегда останется непобедима, а любая армия, даже самая совершенная, растворится как пыль в ее роковых и необозримых просторах... Узнав о недовольстве среди генералов, Гитлер пребывал в ярости. Но из многих генералов-заговорщиков только один фон Бек открыто выразил Гитлеру свое несогласие с его политикой, которая очень дорого обойдется всем немцам. Предупреждая Гитлера, чтобы не лез в Чехословакию, фон Бек подал в отставку: «Солдатское повиновение кончается там, — писал он, — где существует сознание и где есть совесть честного человека и моральная ответственность...»

С такими словами фон Бек и удалился!

На его место — место начальника генерального штаба сразу же был назначен Гальдер, желавший стрелять в Гитлера, а Паулюс в одну из ночей — по секрету — наштал любимой жене:

— Ты догадываешься, как мне трудно сохранить свою честь на этой псарне, где все грызутся... Видишь, как все просто! Несчастливый фон Бломберг, когда вел под венец свою секретаршу, разве мог подумать, что порнографические открытки с ее изображением уже давно лежат в кармане у фюрера, который сам и благословил свадьбу! Но теперь, после всех манипуляций с генералами, Гитлер обрел власть над вермахтом, а его верный Кейтель толчется подле него, превратившись в Лакейтеля...

Кейтель стал начальником штаба верховного главнокомандования, а подле него двинулся и генерал Йодль, который с Гитлером мирился. Схожие между собой, как близнецы-снаряды единого калибра, порожденные из одной матери-пушки, Кейтель с Йодлем были столь неразлучны, что даже на эшафоте в Нюрнберге их объединяла одна веревка... Гитлер спрашивал их, каков ожидается результат, если за Польшу всту-

пится Англия с Францией? Генералы угодливо отвечали, что возня с поляками не займет много времени:

— После чего наш вермахт развалит и всю Европу...

Гитлеру снова подсунили информацию о производстве зубных щеток в стране победившего социализма.

— Вот!—воскликнул он радостно.—Это ли не доказывает крах сталинских пятилеток? Бедные русские, которым даже нечем зубы почистить...

Тогда же японцы решили «прощупать» прочность дальневосточных рубежей СССР, и возле озера Хасан завязались бои. Наши войска изгнали самураев, и 11 августа 1938 года японский посол Сигмицу предложил в Москве мирные переговоры.

Но ситуация была странная. Все тихо и мирно.

Вдруг—ни с того ни с сего—напали!

Можно догадываться, что в случае первого успеха японцы, наверное, развернули бы мощное наступление в глубину Сибири и началась бы самая настоящая война—до Байкала! Советская сторона официально признала 236 человек погибшими, а 26 бойцов получили высокое звание Героя Советского Союза.

Что-то плохо мне верится в первую цифру, ибо в этом случае на каждых десять убитых приходилось по одному герою...

Но дело не в этом—в другом. Время, словно рентгеном, безжалостно просветило забытые страницы битвы у озера Хасан, и наружу вдруг выступили те самые язвы, о которых при Сталине предпочитали умалчивать...

Тридцать седьмой год, будь он проклят, уже сказывался на состоянии наших войск. Вот что писал С. Шаронов, участник тех событий: «Дивизию обезглавили *полностью*: арестовали командва Васенцова, комиссара Руденко, начштаба Шталя, начальника артиллерии, намечая и его жену... Мы, рядовые бойцы, даже не знали—*кому верить?*» В штабах царил неразбериха, люди не доверяли один другому, в каждом приказе слышали голос «врагов народа». Связь работала безобразно, иногда открывали огонь по своим же людям и танкам. Бинокли офицеров были на сорок процентов негодны, при любой панике бойцы бросали противотанковые винтовки и пулеметы...

Так было, читатель, и не стоит стыдливо замуриваться!

Это еще не все. Дополню. На передовую слали новые полки. Но они прибывали на позицию, имея *холостые* патроны и *деревянные* макеты гранат (калашки), с боевыми же гранатами умели обращаться даже не все офицеры, и часто после боя поле было усеяно *невзорвавшимися* гранатами. Оказывается, бойцов не всегда учили, как вырвать чеку перед броском. Виноваты ли в этом люди? Нет. В свое оправдание они говорили, что ради экономии (?) их учили бросать что придется, а боевых гранат многие и не видели.

— Чем же вы занимались в своей части? спрашивали их.

— Мы-то? А мы сено в колхозах на зиму заготавливали, овощи собирали на полях.

Иной час дровишки на зиму кололи. А бывало и так, что нас всех строем сгоняли лекции слушать! Иногда нам кино показывали.

Такова была подготовка бойцов в те времена огульного хвастовства, когда «железный нарком» Ворошилов бахвалился перед всем миром непобедимостью Красной Армии...

Думаете, в Берлине не знали о том, что было на берегах озера Хасан? Все знали, и любая мелочь учитывалась на будущее, а подробности боев немцы тщательно анализировали. Гальдер в беседе с офицерами генерального штаба говорил:

— Россия при сталинском режиме—это даже не страна, а большущий мыльный пузырь, слегка бронированный снаружи. Ткни его пальцем—и он сразу лопнет, обнажив свою пустоту. Недаром же, чтобы прикрыть свое убожество, Москва так любит щеголять всяческими рекордами. Выше всех, дальше всех и... часто, пожалуй, глупее всех. Не хотел бы я быть русским в эту эпоху, столь гибельную для России. Наверное, наш фюрер прав, что следит за производством зубных щеток...

«В Москву, в Москву, в Москву»,—тосковали сестры в песне Чехова. А Паулюса тогда больше всего привлекало кафе «Комик», где в роли конферансье подвизался отважный Вернер Финк; он выходил к рампе, вскидывая руку в нацистском приветствии:—Хайль!—Но руки не опускал, объясняя.—Вот на какую высоту умела прыгать моя любимая собака... Кстати, сегодня я что-то не вижу среди публики этого парня с челкой, который не признает мясной пищи. Ах, опять я забыл, как его зовут... Может, кто из вас и подскажет мне его имя?

Паулюс навещал кафе «Комик» совсем не потому, что состоял в оппозиции к Гитлеру,—нет, ему просто иногда хотелось от души посмеяться и послушать от Финка свежие анекдоты о видных членах нацистской партии, и, как беспартийный, он мог себе это позволить—без ущерба для своей карьеры.

Карьера же складывалась удачно! Паулюсу хорошо жилось и при нацистском режиме. Победные почести, денежные дотации, поклонение толпы, обезумевшей от восторга, грохот танковых гусениц и солдатских сапог на маршах—все это невольно взбадривало, все это увлекало его вперед. (Много позже, оправдывая себя, Паулюс говорил Вальтеру Ульбрихту: «Прошу понять, что Гитлер дал нам, генералам, все, в чем мы нуждались. Он поставил политическую цель—завоевание жизненного пространства, он дал нам отличное оружие, и он сумел привлечь к себе весь народ ради осуществления этих целей...»).

Может быть, именно поэтому Паулюс никогда не вызывал у Гитлера никаких подозрений в смысле его лояльности.

Сколько было фрондирующих против нацизма, сколько офицеров замышляло заговоры против фюрера, и никто из диссидентов—вплоть до 1942 года—даже не подумал привлечь Фридриха Паулюса в ряды

оппозиции. Очевидно, сам Всевышний велел ему пройти через горнило Сталинградской битвы, чтобы он осознал: Германия—это не Гитлер, а Гитлер—это еще не Германия, и эти два понятия не следует совмещать.

Но сейчас для него осталось самое главное:

— Танки—вперед!

Начинался 1939 год—поворотный, решающий...

1 января Фридрих-Вильгельм Паулюс, сын тюремного счетовода, получил чин генерал-майора генерального штаба.

По этому случаю он выпил... с Кейтелем!

Отцовский завет остался памятен: лучше пусть не будет друзей, только бы не было и врагов... Хайль!

5. НАПРЯЖЕНИЕ

Сыновья уже вышли в офицеры, изредка появлялись в доме в форме танкистов (короткие черные кителя, на головах черные пилотки). Но любимицей Паулюса всегда оставалась дочь Ольга, ставшая женой барона Альфреда Кутченбаха¹, который носил мундир эсэсовца (тоже черный).

В звании зондерфюрера СС барон появился в доме Паулюсов, привлеченный не только матримониальными планами, но и русскими эмигрантами, с которыми был давно связан. Один из его предков еще при Николае I торговал сыром в Тифлисе, а сам барон делал карьеру военного переводчика с русского языка. Череп и кости в эмблеме его фуражки никого в семье Паулюсов не пугали, ибо звание зондерфюрера СС присваивалось тогда в Германии многим профессорам, врачам, даже кинорежиссерам (от этой чести не смел отказаться даже знаменитый писатель Ханс Фаллада).

На правах зятя Кутченбах был откровенен с Паулюсом, однажды признавшись, что боится, как бы его не послали в Россию:

— Легко догадаться, с какими целями! Вы, наверное, слышали, что русские недавно провели аресты наших агентов в Кузбассе, Баку и Челябинске, а сейчас, по слухам, фюрер сильно заинтригован танковым производством в Сталинграде. Меня тоже готовили не для того, чтобы я читал Достоевского в подлиннике...

Очевидно, Альфред Кутченбах обладал какой-то информацией по ведомству Риббентропа, и весною он намекнул, что сейчас возникает дипломатическое напряжение между Москвою и Хельсинки. Сталин как будто решил покорить Финляндию, а Шапошников, будучи начальником Генштаба, возражает Сталину.

— Смелый человек!—заметил Паулюс.

— Да. Сталин к нему прислушивается, единственно Шапошникову называет по имени-отчеству, а не «товарищем». Он протер свое внимание к Шапошникову вплоть до того, что позволяет тому курить в кабинете, когда вздумается...

Сталин давно подумывал приобщить финнов к миру социализма, а Гитлер решил покорить Литву: вермахт получил приказ о захвате Мемеля (Клайпеды), чтобы затем присоединить к Германии всю Прибалтику. Литве был предъявлен ультиматум—чтобы отвела свои войска и полицию от побережья, а Гитлер, страдая морской болезнью и вволю наблевавшись, прибыл в Мемель на крейсере «Дойчланд» уже как хозяин, и Литва с этого времени вошла в сферу германских интересов.

Альфред Кутченбах известил Паулюса:

— Сейчас следует ожидать известий с Дальнего Востока...

Верно! Отброшенные от озера Хасан, японцы вдруг открыли фронт в Монголии—на реке Халхин-Гол, и здесь они получили столь мощный удар, что их 6-я армия была окружена и разгромлена полностью. Действия на Халхин-Голе никак не были схожи с топтанием на месте у озера Хасан, а советскими войсками командовал неизвестный еще тогда Жуков... Это имя ничего не говорило обитателям германского генштаба:

— На всякий случай, кажется, пора заводить на этого человека особое досье, как на человека способного.

Между тем Франц Гальдер пребывал в миноре, чем-то озабоченный, и—человек резкий!—однажды при встрече с Паулюсом как бы вскользь обмолвился:

— Кажется, наш фюрер начинает зарываться...

Паулюс, верный своим принципам не вмешиваться в политику, только пожал плечами. В дневнике Франца Гальдера появилась красноречивая запись, свидетельствующая о том, что он умел многое предвидеть: «Трудно поверить в пакт между англичанами и русскими, но это сейчас—единственное, что может *остановить Гитлера*»...

Гальдер не пророк, но он удачно напроочил.

Между тем Гитлер от начала 1939 года повел себя несколько странно. 12 января во время приема в рейхсканцелярии дипломатического корпуса, аккредитованного в Берлине, фюрер, обходя шеренгу послов, посланников и доверенных, вдруг задержался подле московского полпреда и в д р у г начал с ним беседовать, чего ранее никогда не делал. Это была сенсация, газеты всего мира задавались вопросом: что бы это могло значить? Наконец 30 января, выступая по радио, Гитлер в своей речи ни разу не лягнул Сталина, ни разу не облаял Москву, он уже не метал в сторону России привычные громы и молнии... Члотики были встревожены!

Остановить Гитлера взялись англичане с французами—миссия союзников по волнам Балтики тихо подплывала к бывшему «парадизу Российской империи». Английскую делегацию возглавлял адмирал Дракс, французскую—генерал Думенк, их окружа-

¹ В разных источниках фамилия Кутченбах пишется по-разному.— Прим. автора.

ла свита офицеров и чиновников от дипломатии, чтобы вовремя подсказывать Драксу и Думенку, что говорить в Москве, о чем большевиков спрашивать, что отвечать, споря...

И если бы, как предрекал Гальдер, возникла новая ось Лондон—Париж—Москва, в этом случае Гитлер не рискнул бы развязать войну. Но Сталину агрессивное поведение Гитлера импонировало больше, нежели неуверенная политика этих английских и французских гуманистов и демократов...

Переговоры с англо-французами Сталин поручил Ворошилову: к тому времени бывший наркоминдел Литвинов уже проживал под домашним арестом, а вот почему переговоры не вел новый нарком Молотов—это я не знаю. Но странно, что Сталин сделал «дипломата» из своего друга Клина, человека полуграмотного, заносчивого, прифранченного с тем шиком, который был свойствен полковым писарям времен еще царской армии. Правда, Дракс и Думенк тоже не были дипломатами, и, может быть, именно по этой причине Сталин и приказал разговаривать с ними именно своему приятелю.

Англичане и французы хотели бы видеть СССР на своей стороне, чтобы воспетая в песнях «страна героев» не пожалела для них крови (как не пожалела ее Россия в 1914 году). На Западе уже знали, что следующей жертвой Гитлера, обреченной на заклание, станет Польша, но говорить о ней англичане и французы остерегались, зная, что в Варшаве не слишком-то хорошо отзываются о советской России. Но вот вопрос: если Гитлер пожелает напасть на Россию, то прежде всего он должен прокатиться на своих «роликах» через Польшу,—это ясно; а если Сталину пожелается участвовать во всеобщей войне против Германии, то ему тоже никак не миновать Польшу, чтобы выйти к рубежам Германии. Наконец, если оставить Польшу в покое, а следовать напрямик на Восточную Пруссию, то Красной Армии придется пропахать гусеницами танков поля в странах Прибалтийских республик... Вот так и судачили за круглым столом, не желая касаться Польши, но все же касаясь, не желая тревожить Прибалтику, но все же тревожа ее, и тут Ворошилову подсунули записку—столь выразительную, что она достойна сохранения в анналах истории:

«Клим! Коба сказал, чтобы ты сворачивал свою шарманку и—поскорее...»

Ворошилов понял, что Коба-Сосо Джу-гашвили знает что-то такое, что ему, Ворошилову, еще неизвестно, и потому он сразу же прервал переговоры. Сталину же просто мешало присутствие в Москве англо-французской делегации, ибо он получил телеграмму от Гитлера, который предупреждал: кризис в отношениях между Германией и Польшей назрел, есть угроза, что в войну с поляками будет вовлечена и Россия, а потому он призывает Сталина к переговорам на самом высшем уровне, обещая прислать Иохима Риббентропа, министра иностранных дел.

...В глубине души Сталин всегда восхищался Гитлером—и даже об этом умалчивать нельзя!—он явно завидовал фюреру, в

очень короткий срок достигшему такой небывалой власти.

— Вот молодец!—говорил о нем Сталин. —Всех скрутил в бараний рог, а немцы молиться на него готовы. Только почему у него в концлагерях так мало народу? Всего каких-то полмиллиона... для удержания власти этого мало!

Еще в 1933 году он пытался установить с Гитлером тайные контакты, но союз между ними не состоялся по той причине, что контакта не желал сам Гитлер, называвший Сталина... Чингисханом! Но Сталин по-прежнему считал, что с Гитлером надо не бороться, а находить с ним точки соприкосновения, так что задачи немецкой дипломатии были облегчены. Может быть, зная о симпатиях к нему Сталина, фюрер спокойно взирал на то, как немецкие коммунисты бегут в СССР, где их сразу же ставили к стенке, как «троцкистов», «фашистов» или «шпионов».

А вот слова Гитлера, сказанные им однажды:

— Сталин, безусловно, заслуживает нашего уважения, так как в своем роде он попросту гениальный парень...

Итак, все было готово, и московский аэродром украсился флагами со свастикой. 23 августа грузно приземлились два мощных «Фокке-Вульф-200»; Риббентропа встречали согласно общепринятому протоколу, а он, выходя на трап самолета, сказал порусски:

— Господи, даже не верится... опять я в России!

Проезжая по улицам Москвы вместе с Молотовым (они учились когда-то в одной петербургской гимназии), Риббентроп спросил—как поживает предмет их общего юношеского увлечения. Молотов понял, что Риббентроп спрашивает об Анне Ахматовой, и он ответил, что она... жива. Живет и работает!

— Ты уж, Вячеслав,—дружески просил Риббентроп,—сделай так, чтобы ее ваши держиморды не обижали...

Может, не случись такой беседы, и гибель талантливой поэтессы была бы приближена, а Риббентроп невольно «спас» ее от неизбежной расправы. Сталин принимал Риббентропа очень радушно, о чем впоследствии Риббентроп рассказывал: «Я чувствовал себя в Кремле словно в кругу своих старых партийных товарищей...»

Между гитлеровской Германией и сталинской Россией был заключен договор о ненападении сроком на 10 лет, скрепленный подписями Риббентропа и Молотова, повторяю, еще когда-то в юности, обоюдно влюбленных в талант Анны Ахматовой... Вот после этого, читатель, и говори, что история—наука скучная!

По улицам Берлина, в сиянии ламп и витрин, бесконечным потоком, постанывая сиренами и квакая клаксонами, катили бенцы, хорьки, оппели, испано-суизы, лимузины, фиаты и форды. Среди прохожих было немало военных, державшихся свысока, и немецкая публика, приученная обожать свой вермахт, легко определяла войсковую принадлежность: белый кант — пехота, красный — артиллерия, голубой — авиа-

ция, желтый — связисты. Возле газетных киосков выстраивались длинные очереди. Немцы торопливо разворачивали громадные (метр на метр) листы «Фелькшер беобахтер», официоза нацистской партии.

— А все-таки фюрер — гениальный ловкач! — восклицали читатели. — Мигом договорился с Москвою...

В германской политике началась полоса фальшивого «ухаживания» за СССР, как за очень богатой невестой с отличным приданым, но зато с очень скверным характером. Немцы веселее стали взирать на жизнь, рестораны и пивные-бирштубе за полночь оживленная публика, рассуждая:

— Гениально... даже не верится! Украина давно лопается от избытка сала, теперь подкормимся. Спрашивается, зачем воевать с русскими, если они согласны торговать с нами?

Немцы читали в газетах о великих преимуществах колхозной системы, о «солнце сталинской конституции», о передовом стахановском движении на производстве. Желая окончательно задурманить мозги, Геббельс указывал, чтобы нацистские газеты выходили под девизом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Выезжая по воскресеньям за город, немцы дружно распевали советские песни: «Все выше, и выше, и выше стремим мы полет наших птиц, и в каждом пропеллере дышит...»

Генерал-майор Эрнст Кестринг, военный атташе при германском посольстве в Москве, навестив Берлин, привез патефонные пластинки с новыми советскими маршами. Отыскивая нужную, он между прочим делится впечатлениями о первомайской демонстрации на Красной площади, явившей сказочное изобилие народов СССР:

— Мимо трибуны мавзолея проволочли громадный бюст Ленина, слепленный из шоколада. Дюжина спортсменов-тяжеловесов вызвала смех Сталина, когда они показали ему колбасу длиною в трамвай. Комсомолки в трусиках несли на себе гигантский флакон одеколона «Красная Москва»... Нашел, вот послушайте:

Гремя огнем, сверкая блеском стали,

Пойдут машины в яростный поход,

Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин
И первый маршал в бой нас поведет...

У Кестринга собрались как раз танковые генералы Гудериан, Гот и Гепнер.

— У них разве есть первый маршал? — усмеялся Гот.

— Ворошилов, уповающий на лошадей и тачанки.

Было смешно, а Генрих Гот не удержался от вопроса:

— Кестринг, какова скорость их танка БТ-7?

— Шестьдесят два километра в час. Это на гусеницах, — пояснил атташе. — И восемьдесят с чем-то на катках.

— Надеюсь, по гладкому шоссе? — спросили его.

— Нет, даже на грунтовых дорогах. Вы же знаете, господа, что большевики не слишком-то озабочены созданием дорог.

— Какова же броня?

— Только противопульная.

— Быстроходные самовары, — злобно фыркнул Гудериан...

Паулюса на этом вечере не было, с ним давно хотел повидаться фельдмаршал Эрвин Видлебен, которого генерал-майор застал в состоянии нервной депрессии, почти озлобленным.

— Я всегда очень низко котировал политический курс нашего фюрера. Но теперь я никогда не прошу ему, что он заключил этот дурацкий пакт с большевиками.

Ненавидя Гитлера, фельдмаршал одинаково презирал и сталинское государство. В их беседе участвовал молодой полковник Мартин Латтман, очень близкий семье Видлебена, и он, человек опытный, поспешно накрыл телефон подушкой.

— Так будет спокойнее... гестапо все прослушивает. А я крайне удивлен, что попал в такую реакционную компанию.

Фельдмаршала эти слова Латтмана просто удивили.

— Молодой человек, — крикнул он, — попасть в компанию реакционеров — это еще не самый худший вариант в жизни!

— Стоит ли об этом? — примирительно сказал Паулюс.

Но Видлебена было уже не остановить:

— Да, стоит! — закричал он на генерала. — Стоит, тем более что наш телефон накрыт подушкой... Разве вы, Паулюс, не допускаете мысли, что этот олух, — было понятно, о ком идет речь, — способен даже вовлечь нас в войну с Россией. Я не против, но кто спасет нас от поражения?

— Между нами договор о ненападении...

— Не смешите меня! — отвечал фельдмаршал. — Скоро фюрер снесет громадное яйцо, а мы должны будем кудахтать...

6. «ЗИГ ХАЙЛЬ!»

Франц Гальдер, прощаясь с Паулюсом перед его отбытием в Лейпциг, сказал как нечто уже определенное:

— Фюрер все-таки решил сохранить в СССР колхозную систему, а не раздавать землю крестьянам, так как у частного труднее выбрать продукты, а колхозы при Сталине уже давно приучены к тому, чтобы их грабили подчистую... Так что ни вермахт, ни весь народ впредь нуждаться не будет!

«Но сначала, — домыслил Паулюс, — Польша...»

Перед отъездом в Лейпциг он был исполнен чувства вонского долга, но дома ему пришлось пережить неприятный момент. Конечно, жена догадывалась, ради чего он едет и что втайне готовится, а потому Елена-Констанция, аристократка до мозга костей, чересчур резко осудила и Гитлера, и весь вермахт, не пожалела она слов и для осуждения мужа:

— Война с Польшей, которую вы начинаете, — это чудовищная несправедливость. Поляки и так бедные люди, им всегда не везло, а вы собираетесь усугублять их страдания.

— Опомнись, Коко, о чем ты?

— Это вам надо опомниться. Если в семье муж и сыновья походили с ума, то

мне, матери и женщине, сам великий господь указал хранить свой разум в истинной святости...

С этим Паулюс и отъезжал. Ему предстояло быть начальником штаба 16-й танковой дивизии, которой командовал Вальтер фон Рейхенау и которая в Лейпциге заканчивала свое формирование. Именно эта дивизия — вот она, судьба! — стала ядром для образования 6-й армии, которой суждено сложить свои кости на Площади Павших Борцов в Сталинграде. Впрочем, тогда никакой астролог не мог бы предугадать ее будущего, и Паулюс, прибыв в Лейпциг, сначала установил деловой контакт с Рейхенау, служить при котором не мог ни один генералштаблер, все давно разбежались, как мыши при виде кота.

— Что вы хотите? — миролюбиво сказал Рейхенау. — В моих служебных формулярах четко записано, что я, спортсмен и пьяница, обладаю «нетрадиционным» характером. Я только не кусаюсь, но способен дать коленом под зад даже фюреру...

Рейхенау, кастовый офицер прусского происхождения, был, бесспорно, чертовски талантлив, как водитель танковых колонн, но карьеру он сделал еще в 1933 году, сразу и бесповоротно примкнув к Гитлеру, и — так рассказывали! — его дерзости побавлялся сам фюрер. Но Паулюс, будучи покладист, ладил и с этим легкоатлетическим чудовищем: Рейхенау с утра делал пробежку, метал ядро или копье, забивал мячи в футбольные ворота, а Паулюс, как проклятый, сидел в штабе, взбадривая себя кофе и сигаретами, писал, переписывал, дописывал, вычеркивал, сокращал, уточнял, а вечером, пока Рейхенау еще не напился, он приносил ему на подпись бумаги, и Рейхенау, сверкая моноклем, говорил ему:

— Дай-ка гляну, что я там намудрил...

Где бы ни служил Паулюс, он нигде не заводил себе любимцев, никого из коллег не отличал, но в 6-й армии он явно симпатизировал адъютант-капитану танковых войск Альфреду фон Виттерсгейму, и тот, ощутив приязнь начальника штаба, иногда откровенно подтрунивал над Паулюсом:

— Вы в роли Гнейзенау при маршале Блюхере.

— А вот это не ваше дело, фон Виттерсгейм... Лучше быть Гнейзенау, чтобы таскать на веревке маршала Блюхера!

— Яволь! Мне все понятно, господин генерал...

1 сентября ударом небывалой силы Гитлер обрушился на несчастную Польшу. Никто в мире не мог предвидеть, какой силой обладает германский вермахт, который буквально размял гусеницами польские гарнизоны. Европейцы по сводкам газет знакомились с неизвестными ранее именами: Клюге, Гот, Рундштедт, Клейст, Хубе, Гепнер, Рейхенау и, наконец, Роммель. Паулюс занял место в штабном танке с радией, невольно шелкая зубами как волк, когда машину бросало вверх и тут же свергало вниз. Через полосу триплекса он разглядывал, как фланирует вдали польская кавалерия, как ползут допотопные танки поляков. Паулюс прикинул к микрофо-

— Рейхенау, я—штаб. Цель. Справа. Видите?

И в ответ дребезжали мембраны шлемофона:

— Я — команда Рейхенау. Цель. Вижу. Старье! «Виккерс» и «Карден-Ллойд». Мне смешно. Из какого сарая варшавские зазнайки вытащили эти старые консервные банки?

Рейхенау, даже не стреляя, просто раскатал на блин, как на блюминге, весь этот железный и ржавый хлам времен «санации» пана Пилсудского и велел увеличить скорость. По крупновской броне звонко стучали клинки отважных варшавских жолнеров, об эту же броню ломались пики польской кавалерии. Под гусеницами танков погибло все живое. Под Варшавой их навесил Гитлер, очень довольный успехами танкистов, а Паулюс не стал выделять себя, докладывая фюреру:

— В этот момент Рейхенау подал прекрасную мысль... Рейхенау счел возможным... Рейхенау исправил положение тем, что... Рейхенау совершил невозможное...

Говоря так, Паулюс невольно вспомнил своего бедного отца с его афоризмом: «Лучше пусть не будет друзей, только бы не было врагов...» Гитлер ласково оттянул Рейхенау за ухо, что заменяло жест сердечного поцелуя:

— Молодец, Рейхенау! Я чувствую, что вашу бесподобную шестую армию впереди ожидают великие дела...

В офицерском казино Рейхенау предложил выпить.

— Господа, — сказал он офицерам. — Напомню старую историю. После битвы при Ватерлоо великий Блюхер был однажды в обществе, где устроили игру в шарады. Был задан вопрос: кто из присутствующих способен поцеловать себя в голову? Дамы пытались целовать свое отражение в зеркалах, но это был не ответ на вопрос. Вдруг поднялся Блюхер и сказал, что способен расцеловать свою голову. С этими словами он поцеловал голову Гнейзенау, своего начальника штаба: «Вот моя голова!» — сказал Блюхер, — и при этом Рейхенау поцеловал Паулюса...

Все было понятно, а объяснять не следует.

Рейхенау — да! — повезло, зато не повезло Гудериану.

Мощным рывком от Кенигсберга его танковый корпус возник на подступах к Бресту: город немцы взяли с налету, а крепость не сдавалась. Ее гарнизоном командовал генерал Константин Плисовский — бывший офицер царской армии. Наши историки, воспевая героическую оборону Брестской крепости в 1941 году, старательно умалчивали, что такой же героизм был присущ и полякам в 1939 году. Гудериан, образно говоря, разбил себе лоб о нерасторжимые ворота крепости, но поляки сдаваться не собирались. Три дня вокруг фортов громыло сражение, да такое, что все горожане попрятались в подвалах, а над Брестом ветер раскручивал языки пламени. Штурм за штурмом — нет, не сдаются, а горы трупов немцев растут. Гудериан откатился назад и вызвал авиацию. Бомбы рвались, танки — вперед, из пушек — прямой

наводкой. Сбили ворота, ворвались в крепость, а в ней — ни души: Плисовский ночью обманул Гудериана и тишком вывел гарнизон так, что немцы даже не заметили его отхода...

Это случилось в ночь на 16 сентября, а через день к микрофону московского радио подошел Молотов...

Молотов! Так уж случилось, читатель, что пятый класс школы — последний в моей жизни — я заканчивал в городе Молотовске (ныне Северодвинск) и хорошо помню школьные учебники того времени по географии. На картах серым цветом были залиты многие страны Европы, а поверх краски было оттиснуто: «Область государственных интересов Германии». Помню, что вместе с папой я был на какой-то лекции, и лектор политпросвещения почти упоенно восхвалял гитлеровскую машину Германии, но при этом не забывал издеваться над англичанами и французами...

Итак, 17 сентября 1939 года Молотов по радио заявил о полной «несостоятельности» Польского государства, возвещая ему конец. Ни Англия, ни Франция не пришли на выручку полякам, а с востока в Польшу были введены советские войска, и бывшая великая Речь Посполитая оказалась в тисках: с запада — немцы, с востока — русские...

Одна старая женщина из Белоруссии недавно рассказывала:

— Помню, как входили красные. Сначала летели самолеты с красными звездами, и мы даже радовались, что помогут. Потом ехали конники — много-много. А когда показалась армия, мы смеялись... что такое? Шинели длиннющие, не красивые, такому чучелу даже в плен стыдно сдаваться. Ведь наши польские жолнежи были одеты с иголочки, любо-дорого посмотреть! Московские газеты возвещали о «братской миссии» Красной Армии, освобождающей украинцев и белорусов для их окончательного воссоединения, но в сводках командования уже появилось слово «пленные». Если мы несли на знаменах освобождение от «панского ига», то, простите, откуда могли взяться пленные? Впрочем, польские офицеры, когда мы предлагали сложить оружие, зачастую тут же стрелялись. Они кончали с собой перед немцами, они убивали себя и перед советскими командирами. «Рука дружбы», протянутая Сталиным в Польшу, оказалась с острыми когтями хищника: сразу же покатились в Сибирь из Польши эшелоны арестованных, тысячи и тысячи семей были разлучены навсегда. Зачем это делалось? Или опять «враги народа»? Друзей мы не приобрели. А если врагов и не было, так они сразу появились...

22 сентября в поверженном Бресте состоялся парад.

Объединенный парад победителей — войск немецких и советских, дружно маршировавших перед трибуной, с которой их приветствовали генерал Гейнц Гудериан и командир С. М. Кривошеин. Оркестры гремели, над крышами домов с воем проносились немецкие мессершмитты, а советские вой-

ска склоняли знамена, чествуя колонну гитлеровских танков...

Этот совместный парад был вычеркнут из нашей истории! Но помнить о нем надо. Будем же знать, что после парада Гудериан дружески потчевал Кривошеина, сказав ему за выпивкой:

— Поляки — храбрецы, каких мало на белом свете. Второй раз штурмовать крепость Бреста я бы не мог... Ах, сколько тут поляки положили моих парней! Теперь из Берлина приехала целая миссия, каждый день вывозят трупы солдат в Германию...

Брест вошел в состав СССР, но в праздничные дни, 1 мая или 7 ноября, в Бресте созидалась трибуна — для почетных гостей, и немецкие генералы принимали парады нашего гарнизона. Советские войска уже вступили в Прибалтику, часть польских земель Сталин передал литовцам — вместе с древним городом Вильно, в котором тогда жили одни поляки, а литовцев было меньше одного процента, но литовцы сразу превратили его в свою столицу и называли — Вильнюс. Вступив на территорию Прибалтики, войска вели себя тактично, ни во что не вмешиваясь: по приказу наркома Ворошилова от 25 октября им было запрещено общаться с жителями, они не имели права отвечать на вопросы о том, какова жизнь в Советском Союзе. Если красноармейцев и выводили в город, то обязательно в сопровождении политруков, которые следили за ними, а рядовые с удивлением озирали витрины магазинов, переполненные товарами, их шокировало, что на улицах все хорошо одеты, никто не падает с голоду, никто не молит о милостыне, нигде не видно трущоб, о которых им всегда говорили.

— Гляди-ка, — перешептывались. — Эвон, сколько колбас на витрине сразу и никаких хвостов с улицы не тянется. Это как же понимать? Ведь они же капиталисты прогнившие... Да у нас в Сызрани покажи такое — враз бы набежали с кошелками!

Страшный сентябрь, определивший трагедию миллионов людей, этот сентябрь заканчивался, и московский аэропорт снова украсился знаменами со свастики — столицу вновь посетил Риббентроп; Гитлер уже объявил о ликвидации Польского государства, теперь СССР и Германия становились соседями, имея общую границу, и требовалось определить демаркационную линию. На карте раздела польских земель расписались Сталин и Риббентроп, при этом Сталин подмигивал своим соратникам:

— Обдурил я Гитлера.. провел его...

28 сентября между Германией и СССР был заключен пакт о дружбе, и Лаврентий Берия сразу же распорядился, чтобы в концлагерях охранники не вздумали оскорблять «врагов народа» кличками «фашист», ибо отныне все изменилось:

— Теперь слово «фашист» уже не может быть ругательным...

31 октября на сессии Верховного Совета Молотов указал советским людям, как правильно все понимать:

— Оказалось достаточно короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем Красной Армии, что-

бы ничего не осталось от Польши, этого уродливого детища Версальского договора... Идеологию гитлеризма, — я цитирую Молотова, — можно признавать или отрицать. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести гакую войну, как война за уничтожение гитлеризма, прикрываемая фальшивым флагом борьбы за демократию... Теперь Германия находится в положении государства, стремящегося к миру (1), тогда как Англия и Франция стоят против заключения мира (1)...

С ног все было поставлено на голову. Отигине — в глазах советских людей — Гитлер должен выглядеть миротворцем, а демократы Англии и Франции переходили в разряд «поджигателей войны». Сталину теперь казалось, что перед ним открыта дорога на Запад, а в Берлине исподтишка уже готовился поход на Восток.

...Я заканчиваю. 1 сентября 1939 года стало первым днем второй мировой войны, и в этот же день в СССР был принят «Закон о всеобщей воинской обязанности». Сопоставьте эти события, и вы сразу почувствуете приторный запах пороха. Затем была ликвидирована трудовая пятидневка с семичасовым рабочим днем, рабочие и служащие потеряли право переходить с одной работы на другую. Шумели? Да еще как шумели!

— За что кровь проливали? За что боролись?

За что боролись, как говорится, на то и напоролись. Теперь стоило опоздать на работу хотя бы на пять-десять минут, и можно было закончить жизнь за колючей проволокой. Но Сталин, кажется, уже начал понимать, что мы опаздывали. Нас уже обгоняли. Советский Союз отставал, и никакие рекорды и никакие стахановцы не могли скрыть это всеобщее отставание...

Ничего для себя поучительного, кроме ужасов, Паулюс из польской кампании не вынес. Но из опыта боев были выделены два главных требования к насыщению вермахта — это полная моторизация и устойчивая радиосвязь.

Паулюс вернулся в Берлин, устало сказав жене:

— Наши «ролики» крутились исправно. Правда, случались неувязки организационного порядка, но они легко устранимы в следующих кампаниях... скорее всего, во Франции.

— О боже! — рыдалась Коко.

В эти же дни Гитлер, будучи в хорошем настроении, решил поговорить с начальником генштаба — Францем Гальдером:

— Вам следует знать, что все захваченные польские земли отныне следует считать только удобным плацдармом для стратегического развертывания войск ради полного уничтожения большевистской заразы. Но выступить против России мы сможем лишь тогда, когда у нас будут развязаны руки на Западе...

«Зиг хайль!» — ревели на улицах, и этот возглас означал: «Да здравствует победа!».

7. «РОЛИКИ» И КОЛЕСА

Немецкая разведка работала хорошо, и на основании ее докладов Гитлер убежденно говорил, что Россия сейчас ослаблена, как никогда, изнутри политическими процессами, а ее армия имеет очень низкую боеспособность. Отчасти он был прав. Постоянные репрессии выбили почти все командные кадры. Известно по этому поводу мнение Семена Буденного:

— Не беда! За годик любого подучить можно.

— Верно, — поддерживал его нарком Ворошилов. — Кто командовал хоть взводом, тот может командовать и армией...

Стыдно сказать, что в Академии Генштаба перед войной еще читались лекции об устройстве зимних саней, слушателей знакомили с конной упряжкой, следовало знать назубок убогий инвентарь обозного имущества. Генерал И. М. Голушко вспоминал, что слушатели Академии, заполняя аудитории перед началом лекций, с некоторой ехидцей спрашивали один другого:

— Какая у нас сегодня? Теория хомута и оглобли? Или станем подводить марксистскую базу под колесо у телеги?..

Все это было. К великому сожалению. «Моторизация» — на словах, а на деле — кобыла в упряжи. Между тем адептов верховой езды было немало, и Буденный открыто возмущал:

— А что? Лошадь да тачанка еще себя покажут...

Другой апостол лошадиной тактики Ефим Щаденко, будучи замнаркомом, подпевал кремлевской кавалерии в газете «Правда»: «Сталин, как великий стратег и организатор классовых битв, правильно оценил в свое время конницу, он коллективизировал ее, сделал массовой, и вместе с К. Е. Ворошиловым он вырастил лошадь на горе врагам пролетарской революции...»

Обо всем этом знали в Берлине, где «Правду» тоже почитывали, и в один из осенних слякотных дней Паулюс встретил Гудериана, который, будучи в праздничном настроении, завлек его в ближайшее кафе. С нажимом на слове «нас» он сказал:

— Нас, танкистов вермахта, можно поздравить.

— С чем? — не понял его Паулюс.

Они заказали по чашке кофе с пфифурами, Гудериан дымил очень дорогой сигаретой «Равенклу», Паулюс закурил сигарету «Аттика». Гудериан со смехом сказал, что слона можно учить бесконечно, но ловить зайцев он все равно не научится:

— Это относится к русскому генералу Кулику, любимцу Сталина, который служит чуть ли не главным специалистом по вооружению. Не так давно Кулик собрал всех кавалеристов, и они совместно постановили: РАСФОРМИРОВАТЬ ТАНКОВЫЕ КОРПУСА,

Было время нарастания танковой мощи, когда в мире уже вызревал вопрос не только о корпусах, но даже танковых армиях, а потому Паулюс даже не хотел верить в услышанное.

— У меня, — сказал он, — ваша информация с трудом укладывается в голове... абсурд! Или русские спятили?

Гудериан объяснил, в чем дело. После репрессий Сталина некий лейтенант Яркин, командир батальона, мигом обрел чин генерала и стал командовать танковым корпусом. Когда начался поход на Польшу, этот «герой» потерял управление корпусом, наделал массу глупостей, и Кулик принял решение:

— Если, мол, Яркин не мог справиться с корпусом, так и другие не смогут. Поэтому, — заключил Гудериан, — танковые корпуса в Красной Армии уничтожили. По этому поводу закажем кофьяку, чтобы отпраздновать нашу бескровную победу... Тем более на улице такая дрянь, такая слякоть.

Они выпили и, собираясь уходить, Гудериан медленно натягивал перчатки. Заранее поднял воротник шинели и склонился над Паулюсом, прошептал ему на ухо:

— Последняя информация. Только что получили... оттуда. Уровень боевой и особенно тактической подготовки советских генералов не превышает уровня знаний германского лейтенанта.

Интуиция, на которую столь часто уповал Гитлер, не подвела его и на этот раз: Англия и Франция лишь 3 сентября очень неохотно, даже с какой-то ленцой объявили ему войну, но в Лондоне и Париже палец о палец не ударили, чтобы спасти от разгрома несчастную польскую армию. Началась война, которую называли «странной», и она, эта война без выстрелов, затянулась до самой весны следующего года. Возле Саарбрюккена французы вывесили над своими траншеями плакаты: «Мы в этой войне не выстрелим первыми!». Правда, над Лондоном по вечерам повисали эроустаты, небо над Парижем иногда пронзали лучи прожекторов, но все было спокойно, и немецкие солдаты — прямо с фронта — целыми эшелонами ездил по своим домам, чтобы целовать невест и жен, и при этом весело распевали:

Меня и все желанья,
войдя в земную глубь,
пробудит заклинанье
твоих влюбленных губ.

Труба играла нам отбой,
а я опять, опять с тобой,
Лили Марлен,
Лили Марлен...

Паулюс тоже не раз наведывался в Берлин, оставляя Рейхенау лакать шампанское, играть в теннис и дуться в карты.

— Так воевать можно без конца, — говорил он жене. — Иногда я сравниваю бойню времен кайзера с этой войной и начинаю верить в гениальность нашего фюрера, который говорил, что если противники блефуют, то почему бы и ему не блефовать?

— Но все-таки война, Фрида, а я — жена. Жена и мать!

— Ах! — морщился в ответ Паулюс. — Ты бы хоть раз видела эту войну... На линии Мажино французы зовут наших солдат «на чашечку кофе», а наши солдаты любезно приглашают французов «на кружку мюншенера». Кое-где даже играют в футбол — между собой. Так что ты, Коко, не волнуйся...

Между тем после польской кампании гитлеровцам опять повезло: Сталин объявил Финляндии войну, которую у нас много лет стыдливо именовали «зимней кампанией 1939—1940 годов» или скромнейше называли эту войну «зимним вооруженным конфликтом». Немцам же повезло по той причине, что, пристально наблюдая за боями на Карельском перешейке, они по сути дела ставили точный диагноз всем потаенным болезням, которые уже достаточно ослабили Красную Армию за годы глупого шапкозакладательства. Во-первых, они убедились, что русские тоже из костей и из мяса, а потому страдают от жестоких морозов, как и все люди на свете. Моторы танков не заводились, танкисты всю ночь подогревали их кострами, разведенными под днищами машин. Немецкие офицеры издавна служили в финской армии инструкторами, и потому их не удивляла маневренная подвижность лыжных батальонов, тогда как советские войска, увязая в сугробах, маневрировать не умели. Сталин надеялся расправиться с финнами за две недели, но с первого же дня боев его дивизии попали в окружение и были разбиты, а жестокие приказы не помогали — армия топталась на месте. Весь финский народ сплотился в эти дни воедино, чтобы дать отпор сталинским претензиям.

Немецкие наблюдатели докладывали Францу Гальдеру:

— Русский солдат остается хорошим в любых условиях, удивительно стойким и выносливым, но советское командование ни к черту не годится. Москва обвиняет своих офицеров в измене и в трусости, но они просто не научены воевать...

Лишь в конце года советские войска с трудом подошли к линии Маннергейма, но прорвать ее не могли. Сталин материл Ворошилова (а тот предлагал усилить репрессии, провести радикальную чистку корпусов, дивизий и полков, вместо трусов и бездельников выдвинуть... Кулика или Щаденко с их тачанками), послал Льва Захаровича Мехлиса, чтобы перестрелял негодных:

— Расстреливать, — велел он Мехлису, — приказываю перед строем личного состава, чтобы напугать всех...

Но армия с места не сдвинулась, замерзая по-прежнему, и тогда Сталин назначил командующим С. К. Тимошенко: подтянули свежие войска, бросили в прорыв танки, авиацию — и лишь в конце февраля Тимошенко, после длительной паузы, повел армию на штурм линии Маннергейма.

— Он... бездарен, — говорил Гальдер о Тимошенко — издалека наблюдая за его действиями. — Этот маршал способен бить только в лоб, не признавая маневра, и его Пир-

рова победа будет стоить очень большой крови...

Так и случилось: неся колоссальные потери, войска Тимошенко наконец-то прорвали линию Маннергейма!

Англия и Франция очень хотели бы помочь Финляндии своими войсками, но 5 марта 1940 года Швеция заявила, что войска союзников через свои порты не пропустит, Стокгольм советовал финнам начать переговоры с Москвою. Война закончилась штурмом Выборга; за 105 военных дней наша армия потеряла около 300 000 человек, но... Что выиграл Сталин?

Ничего. Напротив, он проиграл: весь мир убедился в слабости его армии, коммунисты других стран не понимали, почему СССР оказался в роли агрессора и, наконец, итог всей войны подвела Лига Наций — Советский Союз был исключен из числа ее членов, как агрессивная держава. СССР оказался в политической изоляции. Но самое страшное, что война с Финляндией приблизила сроки нападения Германии.

— Русские совсем разучились воевать, — говорил Гитлер. — Наверное, они только и ждут, чтобы с ними разделались. Но сначала мы прочум зарвавшихся англичан и французов.

Сталин после войны пребывал в удрученном состоянии.

— Дурака! — честно и справедливо сказал он Ворошилову.

Климент Ефремович возражать не осмелился и вместе с Буденным парился в бане на своей даче, а пока они парились, генерал Ока Городовиков (тоже кавалерист) играл им на баяне самые популярные мелодии, чтобы наркомам не было скучно:

Ах, тачанка-ростовчанка,
наша гордость и краса,
пулеметная тачанка —
все четыре колеса...

Закончив играть, Ока Городовиков спросил Буденного:

— Семя, всех берут. Неужто и нас посадят?

Буденный утешил друга:

— Нас не коснется. Берут-то ведь только умных...

А здесь играли на губных гармошках:

По соседству от казармы
у больших ворот
столб стоит фонарный
уже не первый год.
Так приходи побить вдвоем
со мной под этим фонарем.

Лили Марлен,
Лили Марлен...

Ранней весной все песни кончились задом с этой очень «странной» войной: вермахт вдруг перешел в активное наступление, какого союзники не ожидали. Кажется, в Лондоне и Париже все еще надеялись, что Гитлер, блефуя перед ними, блефующими, развернет свои силы против России, но...

Кто бы мог тогда ожидать удар такой силы?

Паулюс с удовольствием выслушал признание Виттерсгейма:

— Если вы, генерал, по-прежнему останетесь начальником штаба в нашей шестой армии, то Рейхенау, я думаю, снова предстоит целовать вашу голову вместо своей...

Шестая армия Рейхенау уже считалась «элитарной» в вермахте, и Паулюс сам понимал, что авторитет этой армии следует поддерживать. Под траками гусениц была раздроблена свобода нейтральных Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии и Люксембурга. В канун удара по Франции немецкие самолеты забросали линию Мажино открытками с надписями: «Приятель, поверни ее против света и ты сразу поумнеешь!». Глядя на открытку против солнца, французский солдат видел парижанку, спавшую с англичанином из британского корпуса, который Черчилль благоразумно расположил в тылу — позади фортов линии Мажино. Такова была пропаганда Геббельса:

— Умейте плевать в открытую рану, — получал он...

Генералам Франции казалось, что достаточно отсидеться под землей на линии Мажино — и победа придет сама по себе. Немцы так и оставили их сидеть в фортах, а германские танки обошли их стороной, нанося удар во фланг, и через пять дней в Лондоне на квартире Черчилля раздались истерический звонок от Рейно, премьер-министра Франции.

Диалог между ними строился таким образом:

РЕЙНО: Мы разбиты вдребезги, война проиграна.

ЧЕРЧИЛЛЬ: Но это невозможно... так быстро?

РЕЙНО: Немцы прорвали фронт, их танки идут лавиной, за ними движется с автоматами колоссальное количество пехоты... она у Гитлера вся мотомеханизирована!

ЧЕРЧИЛЛЬ: Послушайте, Рейно, надо как-то держаться.

РЕЙНО: Как держаться? Как, если их пехота слишком подвижна, ее силы не убывают. У пикирующих бомбардировщиков действие сокрушающее. Франция проиграла войну...

Английская экспедиционная армия спасалась в сторону моря. Рейхенау в горнолыжном костюме, как бравый чемпион, сидел поверх брони танка и солдатским тесаком резал на восемь кусков громадный торт-базе с цукатами. Хохотал:

— Сколько мы потешались над «ефрейтором», Паулюс, а ведь он всегда прав. Надо держаться этого чудака, который воротит морду от жирного шницеля с пивом. В конце концов, он недорого и обходится нашим. Пожует травки, как зайчик, и — сыт! Зато мы уже отхватили пол-Европы и по-прежнему дальше...

8. ПО СИГНАЛУ «ДОРТМУНД»

В ночь перед нападением во дворе германского посольства пылал костер—немцы сжигали секретные документы. За 15 минут до нападения Берлин указал Шуленбургу известить Молотова о начале военных действий, что посол и сделал в шестом часу утра. Начинался воскресный день, москвичи мирно досматривали утренние сны...

— Спят,—сказал Хильгер,—и ничего не изменилось, только у ворот посольства стали шляться милиционеры.

— Включите радио,—указал Шуленбург... Война уже громыхла по русской земле, уже выли от боли раненые, уже горели дома и деревни, а дикторша московского радиовещания вела урок утренней гимнастики:

— Вдохните глубже... та-а-ак. Теперь поднимем левую ногу. Пятка правой остается на упоре. Опускаем правую руку. Прыжок! Еще прыжок... выше, выше, выше! Дышите глубже.

Рушились бомбы на города, дома, погребая в своих руинах тысячи тысяч, уже раздавался первый бабий вой над «невинно убиенными», а Москва как ни в чем не бывало до полудня транслировала музыку. Шуленбург пребывал в полном отчаянии:

— В чем дело? Неужели скрывают войну от Сталина...

Сталин о начале войны узнал—от Молотова.

— Пограничный инцидент? — не поверил Сталин.

— Нет, война...

Все видели, как от лица отхлынула краска, Сталин кулем опустился на стул. Все молчали (и он молчал, «Гитлер обманул Сталина, а Сталин обманул самого... Сталина»—именно так было заявлено потом на Нюрнбергском процессе).

— Надо задержать немца,—произнес он.

— Маршал Тимошенко уже отдал приказ по западным округам, чтобы противника не только задержали—уничтожить его!

— Уничтожить, — как попугай, повторил Сталин.

Из Генштаба прибыл генерал Ватутин с докладом: германская армия наступает по всему фронту—от и до, от моря и до моря, рано утром немцы уже отбомбились по городам, список которых слишком велик, бои идут на советской земле. Сталин сразу сделался меньше ростом, словно пришибленный сверху чем-то тяжелым, а слова его были самые похабные:

— Великий Ленин завещал нам великое пролетарское государство, а вы (он не сказал «я!»),—все вы про...ли его!

Всего несколько часов назад Лаврентий Берия отдал приказ «растереть в лагерную пыль» арестованных им разведчиков, которые докладывали, что нападение свершится сегодня, а теперь что он мог сказать в утешение своему грузинскому другу? Что

34
мог сказать трусливый Калинин? Подлейший Каганович? Палач и карьерист Маленков? Ничем не могли они утешить своего сюзерена и потому молчали. Сказал сам Сталин:

— Я ухожу... отказываюсь. Мне больше ничего не нужно. Вы тут сами нагадали, сами и разбирайтесь.

Берия гортанно выкрикнул что-то по-грузински.

Сталин махнул рукой и уехал, чтобы скрыться на загородной даче. Тут все члены Политбюро разом заговорили, что вот, мол, хорошо ему, взял да уехал, а мы тут теперь, давай, разбирайся, где лево, где право, кто виноват, кто прав. Сообща решили тоже ехать на дачу, вернуть машиниста к рычагам правления, чтобы тянул воз дальше. Увидев своих приспешников, гуртом входящих к нему, Сталин аж затрясся от страха—вот сейчас всей кучей навалятся, свяжут как лутика, и поташут в Бутырку, а сами начнут делить—кому стол, кресло, кому престол. Но члены Политбюро чуть не падали ниц перед ним, взывая вернуться на государственный Олимп, и тут Сталин ожил, обрел прежний вид, стал возвещать:

— Нельзя,—сказал он,—чтобы народ узнал то, о чем докладывал Ватутин... паника начнется! Лучше скрыть...

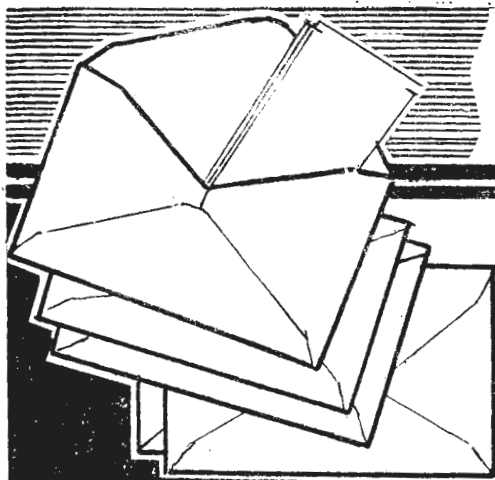
Какой уже час шла война, а народ так и не был о ней оповещен. Обращаться к народу по радио Сталин не желал, потому что теперь ему пришлось бы говорить совсем не то, что говорил он еще вчера, и все внимали ему—с трепетом.

— Вон Вячеслав,—показал Сталин на Молотова,—это он лизался тут с Риббентропом... пусть и оправдывается!

Во все времена русские цари, если начиналась война, сами обращались с монаршими манифестами, объясняя народу, что войну начал и ради чего эта война ведется. Но это—цари, а вот генеральный секретарь партии решил пересидеть эти дни в кустах, не высовываясь. В полдень (только в полдень!) Молотов обратился к народу по радио, называя слушателей «граждане и гражданки», будто он прокурор, а перед ним сидят подсудимые, ожидающие удара мечом Фемиды. Молотов сказал, что Гитлер обрушил бомбы на наши спящие города, «причем убито и ранено более двухсот человек...» Нагло врал! Откуда эти двести человек, если весь запад страны полыхал в огне и замертво полегли в первых боях уже сотни тысяч... В этот же день по радио прозвучали слова, ставшие почти государственным гимном:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная—
Священная война...

(Продолжение следует)

На боевом посту

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

СЕМЬ РАЗ ОТМЕРЬ...

«ВЕРНИТЕ МНЕ СЛУЖБУ»

Пишет вам выпускник Высшего политического училища имени 60-летия ВЛКСМ МВД СССР, ныне лейтенант запаса Юлдашев Алижан Валижанович. Моему увольнению из войск предшествовала такая история. В феврале 1989 года в подразделении на почве неуставных взаимоотношений было совершено преступление — сержант физически оскорбил подчиненного, нанес ему тяжкое телесное повреждение. Моя вина в том, что я это преступление скрыл. Мне объявили взыскание. Это сейчас считаю его справедливым и заслуженным. А тогда... Тогда я обиделся и стал думать об увольнении из войск. Был даже готов совершить дисциплинарные проступки, чтобы добиться своего. Короче, меня уволили по служебному несоответствию. Разве я представлял, что меня ждет впереди!..

Ни на кого не держу обиды и никого не считаю виноватым в случившемся. Сам поступил глупо. Прошу вот теперь: верните мне службу. Готов поехать в любую точку Советского Союза. Обращался в военкомат, там говорят: напишите в журнал. Помогите мне!..

Лейтенант запаса А. ЮЛДАШЕВ.

ТАК СЛУЖИТЬ НЕЛЬЗЯ: ВОПРОСЫ РЕБРОМ

В КАРАУЛ С... НАРКОМАНОМ

Капитан Владимир Краснящев поднял голову на ворвавшегося в канцелярию старшину и сразу все понял. Старший прапорщик Енвари Дзинзибадзе брезгливо, двумя пальцами держал целлофановый сверток.

— Кто? — с тоской в голосе спросил командир.

— Опять сержант Щербаков. Пакость эту нюхал...

Младшего командира совсем не смутил разгневанный вид старшего. Он спокойно, видимо, находясь «под кайфом», пояснил, что вот уже полгода лечится таким спосо-

бом от болей в желудке. Потом признался, что и до службы, если представлялась возможность, никогда не отказывался от «порции балдежа».

Случай чрезвычайный. Но случай ли? До этого вывели на чистую воду рядового Агаева — глотал все таблетки без разбору. А полгода назад замполит роты старший лейтенант Александр Ситников обнаружил в комнате для умывания солдат, поведение которых показалось ему подозрительным: сбивчивая речь, нарушенная координация движений, некогда развязность в поведении. Спиртным не пахло, зато резко несло то ли краской, то ли растворителем. Позднее, вспоминает, находил в рота даже шприцы.

Как бороться с этой заразой? Мы так долго считали ее чуждым нам явлением, что теперь оказались буквально припертыми к стенке. Командир за руку отвел Щербакова в политотдел. Там выслушали и... посоветовали обратиться в санчасть. Но, увы, токсикоманов в санчасти не лечат. Ротный добился перевода Щербакова в

В ЧАСТЬ — В ГРАЖДАНСКОМ

С некоторых пор стал замечать, что человек при погонах действует на отдельных людей как красная тряпка на быка. Не раз попадал в ситуации, когда всерьез приходилось задумываться о защите своей чести и достоинства.

После очередной «экстремальной ситуации» стал прибывать в часть в гражданском. Получив ряд замечаний от командования — ношение гражданской одежды на территории части запрещается! — прекратил свой «эксперимент». Как быть?

Лейтенант Е. ЛОГОС.

ОТ РЕДАКЦИИ. Приказом министра внутренних дел СССР от 29 сентября 1990 года «О неотложных мерах по обеспечению безопасности работников органов внутренних дел» прапорщикам и офицерам внутренних войск разрешается следовать к месту службы и обратно в гражданской одежде. Решение принимается непосредственным начальником (командиром) с учетом складывающейся оперативной обстановки.

НУЖНА ЛИ В ВОЙСКАХ ЭЛИТА?

Помогите нам разобраться еще в одной проблеме социальной справедливости. Приказом министра внутренних дел запрещается использовать музыкантов на хозяйственных работах, ставить в наряды по части. Мы не против этого — приказы не обсуждаются. Однако...

Оркестр нашей части состоит из 15 человек под руководством военного дирижера капитана А. Румянцева. В командировки они не ездят, в наряды не ходят, караулы не проверяют, то есть служебная нагрузка у них по сравнению с остальными офицерами и прапорщиками минимальная. Но в денежном отношении, включая заработки по договорам с организациями города, они имеют больше любого из нас. Какой смысл иметь такую элиту в войсках?

От имени офицеров части председатель совета офицерского собрания части майор М. КИСЕЛЕВ.

**ПОЛУЧЕН
ОТВЕТ**

«КОМПРОМИССНЫЙ» ВАРИАНТ»

(1990, № 8)

Как сообщил начальник политотдела внутренних войск по Дальнему Востоку и Восточной Сибири, изложенные в статье факты действительно имели место. Приняты радикальные меры. Начальник заставы старший лейтенант С. Петлеван освобожден от занимаемой должности и назначен с понижением, исключен из рядов КПСС. Заместитель начальника заставы старший лейтенант Э. Семенов осужден судом военного трибунала к двум годам лишения свободы (условно), уволен из войск, исключен из рядов КПСС. Уволен из войск за дискредитацию воинского звания старшина заставы прапорщик В. Ивахненко. Бывшему заместителю начальника заставы по политчасти старшему лейтенанту В. Федоренко объявлен строгий выговор.

Обстановка в подразделении стабилизировалась.

ТАК СЛУЖИТЬ НЕЛЬЗЯ: ВОПРОСЫ РЕБРОМ

другое подразделение — с большой головой на здоровую. Он вернулся. Да еще и пригрозил, что при малейшей попытке «задвинуть» его, больного, куда-нибудь будет жаловаться вплоть до...

Конечно, наркологи способны дать командирам научно обоснованные рекомендации, где изложены конкретные методы борьбы со злом. Политработники посоветуют цикл лекций, бесед, красочные наглядные пособия... Но вспомните уфимское ЧП, у истоков которого стояли солдаты-наркоманы. Думаете, они не слышали бесед о пагубных последствиях дурманящего зелья! Или плакат о вреде токсикомании и прочей дурости мог бы внести коррективы в их преступные планы! Уверен, таким людям место не в войсках, а в спецлечебницах. Это болезнь, и весьма тяжелая, а недуги индивидуально-воспитательной работой и гауптвахтами не лечат. Не согласны! Тогда попробуйте заступить в караул с наркоманом...

Старший прапорщик И. БОЛДИН.
Приволжское управление внутренних войск.

ГАУПТВАХТА НА КОЛЕСАХ

Увольнения солдат и сержантов были запрещены, обстановка в городе делала опасными любые одиночные передвижения военнослужащих. Но родственники рядовых Андрея Решетова и Дмитрия Лобанова, проделавшие немалый путь в этот южный город, понятно, не могли знать о строгом запрете. Только ли это обстоятельство побудило командиров сделать исключение для солдат, судить трудно. Факт остается фактом: рядовые Решетов и Лобанов были уволены и к назначенному часу не вернулись.

К счастью, трагедии не произошло: на следующий день после долгих поисков еще не протрезвевших солдат удалось найти. И здесь можно было бы подвести черту под случившимся, приступив к извлечению уроков. Как оказалось, рано. В это же время под окнами штаба части появился «уазик».

НЕ ЖЕЛАЕМ УВОЛЬНЯТЬСЯ В ЧЕМ ПОПАЛО

Мы служим в специальных моторизованных частях милиции уже полтора года и знаем, что согласно уставным требованиям повседневная форма одежды выдается один раз на два года. Этого хватает, если мы несем только патрульную службу в городе. Однако...

Часть наша принимала активное участие в событиях в Закавказье — в Спитаке, Ереване, Кельбаджаре, Ленинакане мы провели почти 8 месяцев. Приходилось спать где попало, привести себя в порядок было негде, потому-то зимняя форма затаскалась, износилась. Тем, кто увольнялся летом, было легче: купили в магазине милицейские рубашки и фуражки,

надели брюки от парадной формы и в таком красивом виде уехали домой. А нам, увольняющимся в запас зимой, неужели за свой счет покупать китель, шинели, шапку? Где взять столько денег? А увольняться в чем попало мы не желаем — не хотим быть посмешищем. Наши солдаты всегда отличались опрятным внешним видом, подтянутостью. Нам безразлично, что подумают о наших войсках люди.

Помогите нам в этом вопросе, так как все наши обращения, просьбы, рапорты в вышестоящие инстанции остались без внимания.

С уважением младший сержант Пронин и еще 18 подписей.

ОТ РЕДАКЦИИ. Как сообщил нам начальник тыла управления внутренних войск МВД СССР по Северо-Западу и Прибалтике генерал-майор В. Гришан, по коллективному письму военнослужащих проведено расследование командованием части во главе с полковником С. Стелиным. К виновным в несвоевременном оформлении документов на списание вещевого имущества, досрочно пришедшего в негодность при выполнении задач в Закавказье, приняты меры. Личный состав обеспечен положенным вещевым имуществом.

Значит, солдаты поедут домой в красивом виде, как они того и заслуживают. Однако редакция все-таки в недоумении: отчего это вышестоящие органы почти всегда забывают назвать поименно тех, кто недобросовестно исполняет свои функциональные обязанности, страдает бюрократизмом.

ДЕНЬГИ ИЛИ ТОВАР?

Хотелось бы узнать, какое решение «табачного кризиса» планируют в войсках соответствующие службы довольствия? Не целесообразно ли заменить выдачу «табачных денег» натуральным товаром для солдат и сержантов срочной службы, поскольку они в результате этих перебоев оказались в самых трудных обстоятельствах?

Капитан Ю. КОЗЛОВ.

Управление внутренних войск по Средней Азии и Казахстану.

ТАК СЛУЖИТЬ НЕЛЬЗЯ: ВОПРОСЫ РЕБРОМ

Изредка к нему подходили дежурные, чтобы вывести из машины двух военнослужащих. Прежде чем сделать шаг, те долго разминали затекшие босые ноги.

Выяснилось, что «уазик» — непростой: укромный закуток за задними сиденьями служит гауптвахтой.

Начальник политотдела подполковник В. Ткаченко так прокомментировал этот факт: — Городская гауптвахта переполнена. Приходится решать вопрос своими силами. Не оставлять же их безнаказанными — это послужит дурным примером для других.

Вот ведь какая логика: отсутствие кутузки может плохо повлиять на солдат, а содержание провинившихся в жутких условиях делает их лучше. Не порождает ли эта практика нездоровые настроения? И почему отъявленному нарушителю воинской дисциплины Решетову и малозаметному, не проявившему себя в коллективе Лобанову было разрешено увольнение, в то время как на действительно достойных запрет распространялся неукоснительно? Ответа на вопросы не удалось получить ни у кого. Зато совет начальника политотдела дал

охотно: не выказывать заметного интереса к гауптвахте на колесах, чтобы не нервировать солдат.

Опасения политработника не напрасны, ибо жалкое убранство импровизированной камеры состоит только из грязной, истрепанной тряпки на металлическом днище. Полуголые солдаты сидят вдвоем (лежать там негде) друг против друга, практически не меняя позы. По несколько суток, исключая небольшие перерывы.

Отсидев, одумались ли Решетов и Лобанов, осознали свою вину, раскаялись? Маловероятно. А вот озлобились наверняка, лишней раз доказав, что подобная инквизиторская мера устрашения нарушителей делу воспитания не служит. Не случайно в части с «открытием» гауптвахты на колесах дисциплинарных проступков меньше не стало.

Старший лейтенант В. ЯГОЗИНСКИЙ.
Ордена Красной Звезды управление
внутренних войск по Северному Кавказу
и Закавказью.

БРАК ПО РАСЧЕТУ

Реконструкцию военного городка учебной части офицера В. Кригера совершенно серьезно назвали «великой стройкой». Люди работали не покладая рук, не жалея сил. На совесть. Чем худо?

А вот чем: новоиспеченные сержанты умели делать все — возводить фундамент, замешивать раствор, класть кирпичи, заваривать швы металлоконструкций... Единственно, чего они не могли, так это обучать и воспитывать подчиненных. Треть выпускников подтягивается на перекладине не больше двух (!) раз. Еще треть — не может сделать и этого. Что такое рукопашный бой — ни малейшего понятия. О владении методикой проведения занятий уж и речи нет.

Но это еще полбеда, а вся беда в хронической недисциплинированности, пугающей безответственности выпускников «учебки», забвение (или незнание?) ими основополагающих уставных канонов. Диву даешься, глядя на таких младших командиров. Явный брак в работе, начало которому положила «великая стройка». А так как все мелкие и крупные ремонты учебная часть вынуждена проводить своими силами и средствами (а кто поможет?), брак впредь неизбежен. Кто возьмется подсчитать, во что он обходится? Кому он выгоден, этот брак по расчету?

Старший лейтенант В. ЕЛМАНОВ.
Управление внутренних войск
по Средней Азии и Казахстану.

ЗА ЧТО УБИЛИ ЛАЛЕТИНА?

Нет-нет да и натолкнешься на газетное сообщение о гибели сотрудника правоохранительных органов или военнослужащего внутренних войск, на указы о награждении с припиской «посмертно». Пришло горе и в наш гарнизон — погиб прапорщик Александр Лалетин. Как раз в тот день, который мог стать для него одним из самых счастливых — в день рождения дочери. Не успел взглянуть на нее — погиб. Погиб не на службе — дома и только потому, что служил в войсках, стоящих на защите закона.

Его убийца, вор-рецидивист, в зоне был непременно участником всех нарушений режима. На любое замечание реагировал однозначно: «Подожди, скоро освобожусь — встретимся».

Встретился ему Александр Лалетин...

Впрочем, они встречались и раньше, до очередной судимости бандита. Тогда он

очень дурно отозвался об администрации ИТК, и Лалетин дал ему достойную отповедь. Позднее в материалах следствия появится следующая мотивировка убийства: «На почве внезапно возникшего личного неприязненного отношения». Было бы удивительно, если бы враг закона питал добрые чувства к законозаступнику. Удивительно другое: вооруженным убийцам и насильникам противостоят практически безоружные правозащитники! Как реально способен обезопасить себя в колонии начальник отряда или контролер? Что нам остается? Лишь робкая, призрачная надежда, что эта проблема заинтересует, наконец, народных депутатов СССР. Если, конечно, она не утонет в полемике об альтернативе очередному вводу войск в очередную горячую точку.

Капитан внутренней службы
Н. СМЕДРЮК, начальник отряда.

ХОТЯ ПИСЬМО И
НЕ ОПУБЛИКОВАНО

НЕ ПРОШЛО И ПОЛГОДА

Более шести месяцев понадобилось старшему прапорщику И. Никитину, чтобы добиться-таки замены на новый дорогостоящий и дефицитный магнитофона, вышедшего из строя вскоре после его покупки. В какие только двери не стучался человек — все безрезультатно. Обращался он и в наш журнал. Дважды направляла редакция запросы по его жалобе начальнику военторга

1198 Н. Мерзликину, но дело так и не продвинулось. Пришлось поспать письмо в более высокую инстанцию.

И вот поступил ответ начальника Главного управления торговли Министерства обороны СССР генерал-лейтенанта Н. Садовникова. Он сообщил, что просьба старшего прапорщика И. Никитина удовлетворена.

Наш адрес: 111250, г. Москва, Е-250,
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «НА БОЕВОМ ПОСТУ»

BAKIBAT

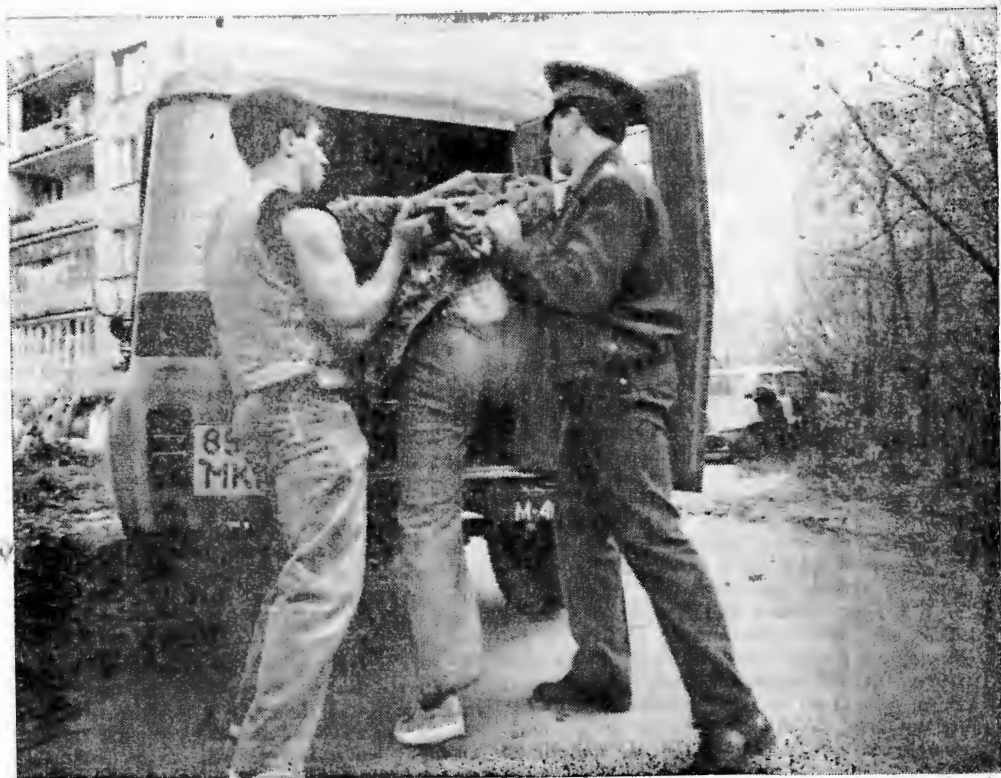

Быстро найти, задержать и обезвредить бежавших преступников — такова главная задача службы розыска внутренних войск.

Сейчас, когда резко осложнилась криминогенная обстановка в стране, пошла в гору и побеговая активность рецидивистов, отбывающих срок в местах лише-

ния свободы. Противопоставить этой тенденции сыщики могут только одно — высокий профессионализм, мужество, оперативность. И еще — преданность делу, в котором полная риска, тревог боевая работа плотно слита с напряженными учебными буднями.

Фото майора Б. БУЛГАКОВА.

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИТ... КТО?

Благодаря гласности сделаны первые попытки, развенчивающие миф о том, как припеваючи живут люди военные. Обнародованы даже подробные выкладки: из чего состоят их «баснословные» доходы, в каком бесправном положении находятся подчас жены, дети, почему, в конечном счете, так упал престиж ратной службы...

Теперь никого не удивит утверждением, что человек, которому государство доверяет дело вооруженной защиты общества, охраны правопорядка и которого за нелегкий, а зачастую опасный труд призвано оберегать от всяческих хотя бы бытовых напастей, — обыкновенный бомж. Это далеко не редкость, а удел многих сверхсрочнослужащих, прапорщиков и офицеров.

Впрочем, обратимся к статистике, цифры весомее слов.

Около 200 тысяч военнослужащих Вооруженных Сил не имеют крыши над головой, скитаются с семьями по частным квартирам. Не лучше обстоят дела и во внутренних войсках МВД СССР. Так, только Моссовет задолжал нам около 300 квартир, а по стране ныне обретаются свыше 7 тысяч бездомных офицеров, прапорщиков, сверхсрочнослужащих. И около 11 тысяч — крайне нуждаются в улучшении жилищных условий.

Такова действительность. И тем обиднее слышать в адрес войск обвинения в том, что они от общего пирога норовят урвать кусок пожирнее. Не до жиру, быть бы живу. Увы, перспективы не вселяют оптимизма. Судите сами. Не улеглись еще страсти, поднятые президиумом Моссовета по поводу приостановления выделения жилой площади военнослужащим и отмены прописки офицеров и членов их семей. И этой акцией, проходящей под лозунгами борьбы за социальную справедливость, Моссовет, по сути, одним махом загнал жилищную проблему, и без того архисложную, в тупик, перечеркнул требования ст. 133 Конституции СССР и ст. 1 Закона СССР «О Совете Министров СССР», в соответствии с которыми постановления правительства обязательны для исполнения всеми органами на всей территории СССР. Ограничено было тем самым и установленное ст. 62 Закона СССР «О всеобщей воинской обязанности» и постановлением Совета Министров СССР от 18 марта 1985

года № 240 исключительное право министра обороны СССР, председателя Комитета государственной безопасности СССР и министра внутренних дел СССР определять порядок назначения на должности лиц офицерского состава, ведь табу на прописку препятствует этому.

Обстановка после таких поспешных действий местной власти в воинских коллективах накалилась. Не остудило ее и выступление председателя Московского Совета Г. Попова по телевидению, где он заявил, что, дескать, оснований для тревоги нет и военные не будут обижены при распределении квартир. Тогда на пресс-конференции Моссовет прямо объявил: будут вам квартиры, в том числе и в 1991 году. Военнослужащие, которые, свыше 5 лет не имеют жилья в Москве, получили статус «наиболее социально ущемленных граждан» и право на первоочередное обеспечение жилой площадью. По оптимистическим прогнозам председателя постоянной комиссии Моссовета по социальной политике А. Осовцова, с повестки дня проблему удастся снять через 1,5 года, по пессимистическим — через 2 года и 3 месяца.

Что ж, как говорится, и на том спасибо. Хотя проживем — увидим. А как за пределами столицы? Это не праздное любопытство, ибо еще в прошлом году истек срок действия нормативных актов, предусматривающих выделение жилья военнослужащим внутренних войск Советами Министров союзных республик. Что ждет семьи наших военных-бесквартирных? На этот вопрос могла бы дать ответ Программа социального обеспечения военнослужащих и членов их семей на период до 2000 года, проект которой одобрен Советом Министров СССР. Но вот беда, в ходе проработки вопроса о выделении МВД СССР лимитов капитальных вложений на жилищное строительство в 1991 году Госплан СССР резко ограничил их объем, что свело на нет заложенные в программе перспективы. Вернее, открыло перспективу появления новых бомжей при погонах.

И это не последняя акция высоких инстанций, вносящая вклад в то, чтобы люди военные в который уже раз почувствовали свою обездоленность и незащищенность.

Например, военнослужащим без учета специфики их труда предлагают выкупать жилье. Но как быть, если офицер за время службы вынужден поменять 5—10 и более мест? Всякий раз выкупать квартиру? Аренда жилья, судя по всему, тоже нам не по карману. Интересно, знают ли те, кто только на словах проявляют заботу о «человеке с ружьем», почему в военные училища не особо рвется молодежь, кто в обозримом будущем останется в строю защитников Отечества и стражей правопорядка? Найдется ли тот сказочный Джек, который построит дом офицеру?

Подполковник В. АФНАСЬЕВ.

ЧИТАЯ ТРОЦКОГО

Подлинное лицо «великого вождя революции»

Я СНО представляю себе крестьянского парня, призванного в 1914 году в русскую армию, его страдания и лишения, участие в боях и душевную смуту при первом известии о революции, об отречении царя.

Представляю этого парня в митингующих толпах на выжженной прифронтовой земле, потом в Петрограде, где зарождается новая вера в счастливое грядущее. Потом в красногвардейском отряде, потом в Красной Армии.

Шесть лет опасностей, лицемерия мук и смерти, голода и холода, поражений и, наконец, — победа. Казалось бы: возвращайся домой, обнимай отца и мать, если они уцелели, налаживай новую жизнь — исполняй ее вечные заповеди.

Но не тут-то было: волею судьбы парень попадает в Первую Трудовую Армию, и в марте 1920 года комиссар читает ему приказ (привожу только два параграфа):

1. Дезертиры фронта труда караются, как дезертиры Красной Армии.

2. Трудовым дезертирством считается:

а) неявка по трудовой мобилизации; б) неявка по трудовой повинности; в) уклонение от трудового учета; г) невыход на работу без уважительных причин; д) самовольный уход с работы; е) уклонение от труда путем занятия фиктивных должностей, командировок и т. п.; ж) уклонение от труда путем симуляции болезни; з) намеренная невыработка нормы...

В общем, куда ни кинь, всюду клин — новое «правовое государство». До смерти усталый солдат не выдерживает, кричит: «Когда же домой? На-до-е-ло!» А комиссар, тронув рукой маузер, хмуро комментирует: «Ты это брось кулацкие замашки. Раньше ты работал на помещика или мироеда, имел право устать и поленился. Но теперь ты работаешь на свою рабоче-кре-

стьянскую власть,—гордись! И еще тем гордись, что приказ отдан вождем революции товарищем Троцким!..»

Вот это представить мне уже невозможно — отчаяние измученного человека, прошедшего сквозь ад и случайно лишь уцелевшего только затем, чтобы очутиться в новом, еще более страшном аду...

В ПОСЛЕДНЕЕ время «леворадикальная» (иначе: «прорабско-перестроечная») печать предприняла несколько прямо-таки истерических атак с целью гальванизировать фигуру Л. Троцкого (Бронштейна). Все это происходит на фоне тотального наступления на социализм, преднамеренного усугубления экономических, социальных и национальных трудностей в нашем государстве.

Все эти процессы связаны. И не только зримым, но и незримым образом. Делается попытка протолкнуть Троцкого поближе к В. И. Ленину, чтобы затем противопоставить его гению русской революции, сделать единственным героем эпохи.

Хорошо известно, кто это делает у нас и кто на Западе нажимает в пользу «реабилитации». Но публика чрезвычайно мало знает, зачем и для чего это делается: на протяжении десятилетий замалчивалась и искажалась действительная правда о Троцком и троцкизме; Сталин и его окружение политически эксплуатировали только самые общие просчеты и слабости Троцкого, бдительно следя за тем, чтобы другие его «деяния», к которым были, пожалуй, причастны и сами, оставались бы в густой тени.

Настоящая статья имеет целью показать подлинное лицо Троцкого,—воспроизводит его высказывания и указывает на его действия, делая лишь самые общие заключения и призывая читателя самостоятельно обдумать и оценить факты.

Нет никакой необходимости читать всего Троцкого, чтобы разобраться в его сущности. Во-первых, это скучно, это назойливо однообразно да и настоговано, как говорится, с помощью многочисленных помощников более двадцати томов.

Чтобы раскусить Троцкого, лучше всего читать его дооктябрьские работы. Но строить свои рассуждения сейчас только на этих работах неэффективно — «принципиальные сторонники» Троцкого немедленно поднимут скоординированный вой: «Зачем ссылаться на старые работы? Примкнув к большевизму, Троцкий стал совершенно иным!»

С другой стороны, с того времени, когда уже обрисовалось, что расчеты на «перманентный» мировой пожар провалились, Троцкий меняет свою тактику, делает ставку на полный захват власти в Советской России, стремясь навязать себя партии в качестве вождя вместо умирающего В. И. Ленина, начинает все более тщательно подстраиваться к политической конъюнктуре, мимикрировать под «ленинизм», оставая в полной незыблемости свои главные и отнюдь не большевистские концепции.

Вот почему я предпочел проанализировать слова и действия 1917—1922 гг., то есть сезона эйфории, сытой уверенности в блестящем будущем: полностью скрывать свою позицию Троцкому в то время не было настоящей нужды.

Итак, я выбрал следующие работы Троцкого: сборник «Как вооружалась революция»: 1) том I, Москва, 1923; 2—3) том II (две книги), Москва, 1924; 4) том III, книга первая, Москва, 1924; 5) том III, книга вторая, Москва, 1925; 6) сборник статей «Запад и Восток» [вопросы мировой политики и мировой революции], Москва, 1924; 7) брошюра «К социализму или к капитализму!» [Москва, 1925]; 8) статья «Ленин как национальный тип» [Ленинград, 1924]; 9) публицистические зарисовки «Дело было в Испании», изданные артелью писателей «Круг» в 1926 году.

Знакомился я и с другими работами, в частности, со сборником «К истории русской революции», угодливо состряпанным Политиздатом в 1990 году, но никаких существенных деталей для понимания Троцкого и троцкизма она не прибавила, — разве что еще раз поразила юрким умением перепасовать ответственность, столь характерным ныне для «леворадикалов».

Миф о блестящих качествах Троцкого как публициста и полемиста начисто развеяли его собственные писания. Возможно, в личном общении как-то проявлялись эти качества, но в записанных текстах преобладает пустая риторика, отсутствует ожидавшаяся мною мощная эрудиция, а чисто литературные опыты поражают шаблонами и примитивизмом.

Троцкий — одна из тех исторических фигур, которые еще при жизни тщательно накачивались славой: слишком велики были ставки в большой политической игре, которую вела эта фигура, слишком многообразны связи, выражаемые ею.

Весьма убедительно подтвердило мои

впечатления о Троцком, наваянные разнообразными источниками, в том числе зарубежными, то, что он нередко прибегает в статьях и выступлениях к масонской терминологии*. Тот, кто знаком с нею по имеющейся (разумеется, крайне тощей и тенденциозной) литературе, может убедиться в этом самостоятельно.

Н. Берберова указывает (Комсомольская правда, 1989, 12 сентября), что Троцкий «был масоном 6 месяцев в 18 лет». Это, конечно, банальный анекдот, уводящий в сторону**. А Пушкин, например, обработанный «братьями», так и не смог вырваться из их губительных сетей, хотя порвал решительно и бескомпромиссно, учуяв нечто антинародное и антинациональное в их пропаганде.

Если коммунисты ставили своей задачей освобождение трудящихся от эксплуатации, то масонские радикальные течения конца XIX—начала XX века, стремясь к полному контролю над миром, тактически вдохновлялись идеей лишения аристократии и национальной буржуазии во всех странах их собственности и власти.

Чисто формальное совпадение задач лишения национальной буржуазии политического и экономического влияния при принципиальном расхождении относительно смысла новой революционной власти очень привлекало масонство к деятельности коммунистов, в связи с чем уже К. Марксу приходилось принимать меры, чтобы коммунистическое движение не было полностью задушено в слишком крепких «дружеских» объятиях.

Но хотели ли сами масоны отмежеваться от коммунистического движения? Не стремились ли использовать энергию социалистических революций для того, чтобы поближе подехать на чужих спинах к собственной цели?

Этот непростой вопрос выходит за рамки настоящей статьи, однако я хотел бы обратить внимание на то, что третирование как врагов рабочего класса всех слоев интеллигенции и мелких собственников — это скорее в фарватере радикального масонства, нежели в фарватере «левых заскоков» в коммунистическом движении.

Случайность ли то, что Троцкий отождествлял «образованный класс» с «буржуазным классом»? (т. I, с. 50).

Да, он хотел построить на месте России некий базовый флигель нового здания. И отношение к тому, что было уже создано народной энергией, было весьма однозначным: рубить все под корень. Этот «каменщик» с тучей своих сторонников изо дня в день навязывал, протаскивал, пробивал «радикальную» стратегию: «Когда нужно строить новое здание на месте пожара, то предварительно сметают, убирают долой старый мусор и пепел» (т. I, с. 50).

Его, разумеется, не смущало, что «мусором» и «пеплом» оказывались миллионы русских людей...

* Не случайно первым литературным опытом Троцкого была статья именно о масонстве, как свидетельствует Г. Зив в своих воспоминаниях.

** Молодая гвардия, № 8, 1989, с. 240.

В ЧЕМ причины ясно прослеживаемой у Троцкого ненависти не столько к эксплуататорской собственности, сколько к национальной собственности вообще, в том числе интеллектуальной собственности? Откуда эта претензия на всепоглощающий монополизм? Откуда этот оголтелый, но до сих пор живучий авантюризм «чем хуже, тем лучше», «выбирать нам не дано»..

В пору кульминации борьбы Троцкого за власть многочисленные его сторонники в СССР и за рубежом усиленно творили миф о «великом пролетарском вожде», «выдающемся красном полководце», без которого якобы не смогла бы победить революция, о его «гениальной идее создания массированных кавалерийских отрядов» и т. п.

Пропандировался и миф о том, что Троцкий защищал «старых большевиков», «ленинскую гвардию».

И этот миф был рассчитан на простаков. Примкнув со своими сторонниками к большевикам на самом последнем этапе подготовки к борьбе за власть, Троцкий не выражал настроений этих гордых правдолюбцев, прошедших тюрьмы и ссылки. Напротив, посылку эти люди в основном поддерживали Ленина, Троцкий при каждом удобном случае старался скомпromетировать ветеранов, преуменьшить их вклад. Выступая на Московской городской конференции РКП в марте 1918 года, Троцкий заявил: «Мы наблюдаем в министерствах сплосшь и рядом таких товарищей, особенно из рядов октябрьских большевиков: они работают четыре-пять часов в день и то не весьма интенсивно в то время, как все наше положение сейчас требует от нас самого напряженного труда не за страх, а за совесть» (т. 1, с. 39).

Разумеется, самого себя и своих клaque-ров Троцкий причислял именно к той новой генерации руководителей, которые уже перестроились и работают «за совесть».

Что же не нравилось Троцкому в «октябрьских большевиках»? Прежде всего их высочайшая мораль, преданность идеям социализма. Но можно ли было открыто атаковать их, пользовавшихся колоссальным народным авторитетом? Нет, конечно, и Троцкий, мастер политических интриг и калькуляций, вышибал почву из-под их ног с помощью «левой фразы»: «Нам необходимо внутри своей партии создать новую мораль, или, вернее сказать, такую, которая должна явиться продолжением нашей вчерашней революционно-боевой морали» (т. 1, с. 40). За этой столь же звонкой, сколь и бессмысленной фразой скрывалось стремление оттеснить «старую гвардию», которая, кстати сказать, весьма настороженно относилась к кровавым репрессиям по отношению к «представителям старого мира».

* В этом и состоит политический смысл использования «левых» фраз: они позволяют компрометировать истину и правду как якобы «недостаточную для текущего момента», и обыватель, не учитывающий задних мыслей «радикалов», как правило, клюет на «радикализм» в условиях резко-го ухудшения своего положения.— Э. С.

Вот так, под флагом обновления «революционного» развития, размывалась мораль народолюбия и народослужения, свойственная лучшим русским подвижникам.

Из партии народной совести и народной правды Троцкий и его приспешники, используя кризисность положения (которую сами же вызывали и усугубляли), старались сотворить некий кнут, некий бич над народной спиной. И опять в ход шла лживая, но звонкая фраза, и правдоподобие вновь и вновь навязывалось как правда наивному, лишенному и умышленно лишаемому глашатаев своей воли трудящемуся классу: «Мы должны, через посредство нашей коммунистической партии, на каждом заводе создать образцовую ячейку... Нужно, чтобы эта ячейка следила, наблюдала, под углом зрения общенародных интересов, за жизнью данного завода и внушала рабочим необходимость везде и всюду выполнять элементарнейшие обязанности по отношению к нашей советской стране...» (т. 1, с. 40).

Вчитайтесь и вдумайтесь, незначительные на первый взгляд нюансы, смещения акцентов приоткрывают совершенно пагубный взгляд и на роль партии, и на роль трудящихся. Клетка, тюрьма, насилие, затывание рта посредством все новых «общенародных» лозунгов — вот арсенал средств, необходимых для того «социализма», который никогда не станет социализмом, ибо социализм — строй, при котором трудящиеся добровольно и самостоятельно переорганизуют свой духовный мир, труд и быт таким образом, чтобы дать полный простор свободному развитию личности в условиях изобилия материальных и культурных ценностей и непосредственного самоуправления коллективов.

При неразвитом, неполном, только декларируемом социализме поголовное невежество, бедность и насилие становятся важнейшими составными рычагами управления, в то время как истинный социализм создает богатство ради людей, содействует росту их самосознания, в том числе политической культуры, исключаяющей как социальную, так и национальную эксплуатацию, как нравственную агрессию, так и растаптывание народных накоплений культуры.

Троцкий понимал все это иначе: «Необходимо через партию и через наши профессиональные союзы прививать... новое настроение на заводах и фабриках, вводить в массы... новое сознание трудового долга, трудовой чести, и опираясь на это сознание, вводить трудовые суды» (разрядка моя. — Э. С.; т. 1, с. 40).

«Необходимо аппарат... превратить в часовой механизм» (разрядка моя. — Э. С.; т. 1, с. 41).

Для Троцкого Советская Россия и ее народы были чем-то вроде кучи поленьев для задуманного всемирного пожара, — мог ли он учитывать практические интересы ее народов? Хотел ли считать с ожиданиями и чаяниями простых людей? Люди были всего лишь «массой», материалом для построения будущего храма.

Как в свое время Талейран всеми прав-

дами и неправдами добивался поста министра иностранных дел, просчитав, что только этот пост приведет к осуществлению его замыслов, так Троцкий рвался к ключам вооруженной революционной власти.

Добившись через Я. Свердлова в марте 1918 года поста председателя Высшего Военного Совета (заместитель — Склянский), Троцкий пытается заполучить в свои руки все нити управления вооруженными силами и не брезгует никакими методами, чтобы опорочить военных командиров, выдвинувшихся на первом этапе революции и не проявлявших склонности лебезить и беспрекословно подчиняться сомнительным приказам. Совершалось злое — этих командиров Троцкий уничтожал, обвиняя в «личной диктатуре».

Первой крупной жертвой такого рода следует назвать начальника Морских Сил Советской республики адмирала Щастного. Видя подозрительное отношение адмирала к чудовищному приказу об уничтожении кораблей в случае наступления немцев, Троцкий затеял дело против Щастного и выступил против него с обвинительной речью перед Верховным Революционным Трибуналом 20 июня 1918 года. Стыдно и позорно читать эту омерзительную и наглую доносительскую стряпню, — она закончилась для невинного адмирала немедленным, без всякой проверки фактов расстрелом.

Вскоре последовал скандал с бывшим главнокомандующим армией северного фронта, профессором академии Генерального штаба Новицким, отказавшимся принять предложенный ему Троцким пост, — Новицкий ссылался на отсутствие гарантий его служебного и человеческого достоинства...

Начав гонения против военных кадров бывшей царской России, якобы мешавших созданию и укреплению Красной Армии, Троцкий вел дело к физическому искоренению офицерского корпуса. Именно Троцкий выступил с инициативой принудительной мобилизации офицеров в качестве рядовых: «Сплошь и рядом приходится слышать: бывшие офицеры не идут в армию, потому что не хотят участвовать в гражданской войне... С положением надо покончить. Офицерский паразитизм нетерпим, как и всякий другой. Принцип принуждения должен быть здесь применен с двойной силой» (т. 1, с. 145). Или вот еще, сказанное в июле 1918 г.: «Мы возьмем на учет все то бывшее офицерство, которое не желает работать в деле создания рабоче-крестьянской армии добровольно и, для начала, мы запрячем его в концентрационные лагеря» (т. 1, с. 225).

30 сентября 1918 года Троцким был издан беспрецедентный по жестокости и коварству приказ о наказании «отцов, матерей, сестер, братьев, жен и детей» лиц командного состава, перешедшего на сторону белых.

Несмотря на объявленную амнистию — факт общеизвестен, — многие вернувшиеся с повинной офицеры были расстреляны, а после гражданской войны были рас-

стреляны или сосланы в концлагеря все остальные.

И это — несмотря на признание Троцкого: «Если спросить, что до сих пор причинило нам больше вреда: измена бывших кадровых офицеров или неподготовленность многих новых командиров, то я лично затруднился бы дать на это ответ» (т. 1, с. 155).

Троцкий признавал и другой факт: что большинство бывших царских офицеров поступило на службу к Советской власти «только ради куска хлеба» (т. 1, с. 160).

ПРОПАГАНДА «леворадикалов» всячески раздувает вклад Троцкого в победу Красной Армии. Это смехотворное утверждение. Победу обеспечили, в условиях

усталости и апатии народа, искусство десятков выдающихся полководцев и пылкие надежды рабоче-крестьянской армии на близкий социалистический рай. Что же касается Троцкого, то его «вклад» выражался главным образом в реках русской крови.

Вот приказ № 18: «Если какая-либо часть отступает самовольно, первым будет расстрелян комиссар части, вторым — командир» (т. 1, с. 235).

Троцкий выдвинул требование приставить к каждому военному специалисту в Красной Армии двух (!) политических комиссаров. И было бы два, если бы у Троцкого хватило «своих людей».

Насаждая повсюду «своих», Троцкий ставил за то, чтобы подменить диктатуру рабочего класса собственной диктатурой. Маскируя действительные замыслы, он указывал на VII Всероссийском съезде Советов в декабре 1919 года: «Руководящая роль рабочего класса в армии... закреплена в виде института комиссаров...» (т. 3, с. 3).

«Институт» настолько удовлетворял политическим амбициям Троцкого, что он попытался навязать этот «институт» всему производственному организму страны: «Учет населения под углом зрения воинской повинности должен быть согласован с учетом его под углом зрения трудовой повинности так, чтобы нынешний аппарат военного ведомства [местные военные комиссариаты]... явился бы аппаратом трудовой мобилизации народных масс» (т. 3, с. 34).

Уже был приготовлен губительный, но отнюдь не фантастический план: собрать в кучу «весь промышленный пролетариат, изымая его из продотрядов, совучреждений, совхозов и коммун, из деревень, из рядов спекуляции». Разумеется, это все предполагалось достичь «мерами государственного принуждения»...

Писания Троцкого подтверждают наличие двух разных тенденций в Октябрьской революции: тенденция на действительное освобождение трудящихся от ярма капиталистической эксплуатации и тенденции на использование пришедшей в движение массы в интересах узкого слоя заговорщиков.

Может создаться впечатление, что я конструирую некую новую схему — в пику тем схемам, которые более двух десяти-

летий клишировались И. Минцем, монополизировавшим в своих руках историю Октябрьской революции. Нет, никакой новой схемы я не конструирую, я только обращаю внимание на факты использования революционной власти в чуждых для революции целях. Чудовищное расхищение общенациональных ценностей, неслыханный произвол — это были не «трудности роста», а проявление второй тенденции, против которой, кстати говоря, активно протестовали многие «октябрьские большевики».

Спросят, разве не возмущался Троцкий поголовным воровством и общей бесхозяйственностью? Да, возмущался. Но кто из политических деятелей, желающих удержаться в седле, не осуждал тех вылезших наружу явлений, которые были вызваны прежде всего бесправием народа в условиях «революционного» разбоя? Или мы забыли, что Ленин назвал Троцкого «иудушкой» именно за фарисейство, за ложь, за бессовестное передергивание фактов, за политическую проституцию? Читая Троцкого, я всюду вижу неискренность, «задние мысли», использование «революционной» фразы для духовного порабощения растерявшейся и оглушенной форсированным переворотом «массы».

Пока «революционеры» типа Троцкого шли к власти, они на всех перекрестках вопили о свободе и демократии, едва же дорвались до постов и кресел, объявили вчерашние лозунги «исчерпанными».

«Комитеты в царских полках были воплощением самой революции. В новых полках комитетчина не могла быть терпима, как начало разложения» (т. 1, с. 9).

Спрашивается: почему? Не потому ли, что этим революционерам нужны были не сознательные борцы, а безропотно повинующееся стадо? Все, что не исполняло приказ, не рассуждая, объявлялось партизанщиной, «анархистской мелкобуржуазной стихией».

Троцкий признает: «Только путем величайшего нажима анархическая партизанщина вводилась в рамки централизации и дисциплины... Нажим внутренний — через коммунистическую организацию внутри армии» (т. 1, с. 9).

Но основное насилие чинилось, конечно, средствами и способами, о которых пока не упоминают имеющиеся документы, — «для их опубликования время еще не наступило и наступит не так скоро» (т. 1, с. 10).

Разумеется, революция не могла победить без дисциплины, без строгого приказа, об этом сотни раз говорил В. И. Ленин, но я отчетливо просматриваю совершенно иные, особые устремления Троцкого, который лишь умело использовал общее дело для своих целей.

Даже чисто внешне эта разница в отношении к людям со стороны Ленина и Троцкого бросается в глаза.

Вот одна из телеграмм Троцкого от 2 октября 1918 года: «Покровск. Саратовский. Реввоенсовет. Точно ли выяснен факт предательства Лебедева! Прошу сообщить, какие меры приняты в отношении перебежчика Лебедева. Согласно изданному

приказу предлагаю установить местонахождение его семьи, арестовать ее и об аресте распубликовать» (разрядка моя.—Э. С.).

А вот телеграмма В. И. Ленина Череповецкому губисполкому 29 марта 1919 года: «Череповец. Губисполкому. Проверьте жалобу Ефросиньи Андреевны Ефимовой, солдатки деревни Новосела, Покровской волости, Белозерского уезда на отнятие у нее хлеба в общий амбар, хотя у нее муж в плену пятый год, семья — трое без работника. Результат проверки и Ваших мер сообщите мне» (разрядка моя.—Э. С.)^{*}.

ТРОЦКИЙ придавал исключительное значение идейному диктату и физическому насилию. Любое нужное ему нововведение он тотчас объявлял общемировой истиной; таким образом всякий усомнившийся уже автоматически зачислялся в реакционеры и обскуранты — метод, который используется «радикалами» и сегодня...

«Рассуждения о том, что всякое насилие есть зло, в том числе и революционное насилие... представляют собой философию, достойную квакеров, духоворов и старых дев Армии Спасения» (т. 1, с. 13). Вот любимая поговорка Троцкого: «Кто хочет цели, должен хотеть средств».

Троцкий был наиболее ярким теоретиком и практиком «революционного терроризма». «Пропетариату как раз не хватает понимания важности освободительной роли революционного насилия. Именно поэтому пролетариат остается до сегодняшнего дня рабом» (т. 1, с. 13).

Стремясь к достижению своих целей, масоны активно способствовали развязыванию первой мировой войны. Неоспоримые факты указывают на связь Троцкого с этими авантюристами, готовыми спалить весь земной шар — ради того, чтобы зажарить себе рыбу**.

У меня нет под рукой данных, прямо изобличающих Троцкого в махинациях европейского масонства накануне августа 1914 года, но то, что он благословлял войну, то, что приветствовал ее как канун социальных потрясений во всем мире, это неоспоримо. Троцкий неоднократно подчеркивал: «Революция непосредственно выросла из войны» (т. 1, с. 14).

В речи на заседании Московского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 19 марта 1918 года он дал свое толкование такому необозримому горю, как война; она интересовала его с особой стороны: «Нет сомнения, что чем больше награбят и передурят международные империалисты, тем страшнее, тем ужаснее будет гнев европейского рабочего — солдата, который, выйдя из окопа, в результате своих нечеловеческих страданий найдет дома обнищавшую голодную семью, а в стране — хозяйственную разруху» (т. 1, с. 25).

^{*} Военно-исторический журнал, № 8, 1989, с. 58.

^{**} Об этом читай в статье А. Иванова (Скуратова) в «Молодой гвардии», № 8, 1989.

На заседании ВЦИК 3 октября 1918 года Троцкий изобразил войну как необходимое событие: «Трудящиеся были как будто слишком ленивы, неподвижны и нерешительны... Рабочий класс нуждался в дополнительном жестком уроке истории» (т. 1, с. 368).

«Шкатулка мудрости» масонства — это скрупулезное собрание по всему миру отмычек к человеческой душе, идей и опыта эффективного управления людскими сооществами и отдельными индивидами. До сего времени политические террористы используют нигде не афишируемый «закон понижения претензий», один из основных законов политиканства, заключающийся в том, что «массы нужно соблазнить» любыми посулами, лишь бы они поднялись на борьбу против существующего строя; затем, в условиях резкого ухудшения материального положения, в обстановке репрессий и неясности перспектив, «массы» сами откажутся от первоначальных пламенных желаний и удовлетворятся любой, даже самой нищенской подачкой.

Материальная нужда, насилие и хаос в купе с пропагандой, вносящей в сознание пессимизм и полную путаницу, считаются важнейшими рычагами обеспечения политических целей.

Троцкий постоянно настаивает на использовании зловещей триады: **голода, насилия и пропаганды**, по разному называя эти понятия — в зависимости от аудитории.

В статье для «Ежегодника Коминтерна» (май 1922 года) Троцкий подчеркивает, что он добивался выполнения революционных задач «сочетанием мер агитации, организации и репрессии» (т. 1, с. 15).

Троцкистская методика заключалась в наступлении любой ценой, в предельной радикализации всех процессов: «Закусивший удила мелкий буржуа не хочет знать никаких ограничений, — говорил Троцкий, — никаких уступок, никакого компромисса с исторической действительностью, — до тех пор, пока эта последняя не осадит его бревном по черепу. Тогда он впадает в прострацию и бессильно капитулирует перед врагом» (т. 1, с. 8).

Масонство как совокупность приемов околпачивания и эксплуатации трудящихся в мировом масштабе никогда не привязывало себя к какой-либо одной доктрине, оно сосало от всех коров, исповедуя то, что «охотник только тогда наверняка настигнет добычу, когда действует и правой, и левой рукой».

Как искусство политического паразитирования и блокировки, масонство представляло и представляет опасность для всех партий, особенно для коммунистических и рабочих, исповедующих самую передовую философию и пользующихся наибольшим доверием трудящихся*.

* Представитель Итальянской социалистической партии жаловался на II конгрессе Коминтерна (1920 г.): «По отношению к франкмасонству находимся в худшем положении. Товарищи, примыкающие к франкмасонству, могут нас контролировать, в то время как мы не имеем возможности, в свою очередь, контролировать их в их организации» (II конгресс Коминтерна, стенографический отчет. Пг. 1921. с. 223—224).

Вся сила масонства — в том, что оно обладает колоссальным опытом насаждения иллюзий и приспособления к любым условиям. Внешне все то же самое, а сущность — иная. Это как боровик — и сатанинский гриб. Можно расправиться со своими противниками без открытой борьбы, добиваясь лишь «более радикальных» решений, большей «последовательности», большей «дисциплины» и т. п. Это называется «получением желаемого посредством доведения до крайностей».

«Во что бы то ни стало и какой угодно ценой необходимо насадить в Красной Армии дисциплину» (т. 1, с. 28), — требовал Троцкий.

Меня пугает это «во что бы то ни стало» в устах политика. Теперь, после всего, что нами пережито и увидено, после всего, что понято, я не сомневаюсь, что такой политик либо невежественный авантюрист, либо сознательный провокатор.

Не давать «попомниться, сплотиться и вооружиться» — вот тактика Троцкого. Эта тактика проводилась повсеместно. Троцкий и его приспешники на первом этапе революции поджигали людей «на самостоятельность». Для чего? Чтобы дезорганизовать все связи общественной жизни и вызвать хаос?

Троцкий, естественно, умалчивает о подоплеке, он просто констатирует: «Труднее всего было в первый период — примерно до второй половины восемнадцатого года... Революционные усилия направлялись прежде всего на разложение всех старых связей, на снятие со всяких постов представителей старого общества. А в то же время необходимо было ковать новые связи и, в первую голову, наиболее жесткие, повелительные, принудительные...» (т. 1, с. 7).

И дальше: «Возмущение против бюрократического централизма царской России входило в революцию очень важной составной чертой. Области, губернии, уезды, города стремились наперерыв обнаружить свою самостоятельность. Идея «власти на местах» приобрела в первый период чрезвычайно хаотический характер» (т. 1, с. 16)*.

Методы, методы, ничего, кроме методов...

Троцкий с самого начала выступил за полное «устранение непартийного влияния на массы», боялся чужого для себя языка противостоящих интересов. Уже в начале 1918 года он бичует так называемых «выходцев из буржуазии», вся вина которых состоит в том, что они «обладали известными формальными преимуществами перед солдатско-крестьянской массой — умением выражать свои мысли более или менее членораздельно, грамотностью и проч.» (т. 1, с. 32).

Все его послылки на этот счет очень даже логичны, он призывает к тому, чтобы «массы» не имели никакой иной «политической армии», кроме той, которая «вооружена всей полнотой власти».

* Поразительно, но то же самое происходит и сегодня: распад «старых связей», хаотическая «власть на местах». — Э. С.

Именно троцкизм подталкивал революцию к устранению всякого политического плюрализма, к бешеной нетерпимости, к мертвящей, повсеместной унификации.

Меня не оставляет мысль о давних и глубинных связях между Троцким и Я. Блюмкиным, который в июле 1918 года убил германского посла Мирбаха. Тщательно продуманная акция завершилась ликвидацией остатков многопартийности Советской власти, которая срывала покровы демагогии. Блюмкин избежал ответственности за убийство иностранного посла (когда вокруг «шлепали» людей пачками просто за то, что у них на момент задержания не оказалось подходящих документов) и стал особо доверенным лицом Троцкого, первым составителем его «военных трудов».

ЧИТАЯ Троцкого, повсюду натякаясь на истерические опасения, как бы революция не покатилась по мирным рельсам, как бы повергнутые классы не нашли способа сосуществования с Советской властью,—позиция, которая по существу в корне отличалась от исходной ленинской.

Требуя разгона Учредительного собрания, Троцкий более всего был озабочен тем, чтобы оно не стало «великой примирительной камерой, великим соглашательским учреждением русской революции» (из доклада на Московской горконференции РКП 28 марта 1918 года, т. 1, с. 35).

Троцкий и стоящие за ним шумные и влиятельные силы по понятным соображениям не допускали даже мысли о сотрудничестве с поверженным противником, любой ценой пытались полностью устранить его с политической арены, выкорчевать из повседневной жизни.

Троцкий рассматривал Учредительное собрание как «позвоночный столб интеллигентского саботажа», который должен был быть «разбит» с тем, чтобы получить возможность «впрягать эту интеллигенцию в работу» (т. 1, с. 35), превратить интеллектуальную силу страны «в слуг новому режиму, в исполнителей» (т. 1, с. 37).

Он не раз вынужденно признавал, что «методы, с помощью которых мы сламывали чиновничий саботаж во всех учреждениях, сами по себе усиливали разруху» (т. 1, с. 35). Еще был в партии росло недоверие к Троцкому с первых лет Советской власти.

ГУЛАГ для всей страны приобретал все более определенные контуры—это прямо входило в политические калькуляции Троцкого и его группы. «Как и в мертвые машины, так и в этих техников, инженеров, врачей, учителей, бывших офицеров вложен народный национальный капитал, который мы обязаны эксплуатировать» (т. 1, с. 37). «В сущности говоря, это было бы то же самое, как если бы сказали, что все те машины, которые доселе служили для эксплуатации рабочих, мы отбрасываем. Это было бы безумием» (т. 1, с. 38).

Сколько пренебрежения, высокомерия и торжествующего злорадства по отношению к сотням тысяч (и миллионам) лю-

дей, составляющих естественный культурный слой целого народа! Для чего этот слой срывали до мертвой глины? Для того, чтобы посадить новые сады? Или для того, чтобы держать в полном повиновении бесплодных и нищих? Каким новым разумом должна была оплодотвориться эта обезображенная российская, прежде всего русская почва?

В целях утверждения своей идеологической гегемонии всячески преуменьшалось то позитивное, что накопила национальная народная и производительная жизнь России в прошлом. Не признавалось ничего из «жизнеспособного и ценного», что было в царской России, тем самым как бы оправдывался тот ужасающий уровень материальной и духовной культуры, к которому скатилась страна*.

Любое объяснение неудачам и просчетам Троцкий находил «в старом «сплошном» мужицком быту, когда не было еще пробуждения свободной, самостоятельной человеческой личности, а была, по выражению Глеба Успенского (важно вовремя сослаться на авторитет, если даже это ни к селу, ни к городу!—Э. С.), «вобла, сплошная масса, которая жила и гибла, как живот и гибнет сплошная масса саранчи» (т. 1, с. 38).

Даже с высот нынешнего обыденного сознания очевидны демагогические натушки, этакая разухабистая, но лживая пропаганда.

Вытаптывая прошлое народа, Троцкий не собирался подавать надежду людям, очутившимся в новом революционном мире. Увы, он не желал и за этими людьми признать право на культуру, высокомерно ставил их «на место»: «Вчера еще человек массы, он был ничем, рабом царя, дворянства, бюрократии, придатком машины фабрикантов. В крестьянском быту он был только тяглом, плательщиком налогов. Сегодня, освободившись от этого, он впервые почувствовал себя личностью и начинает думать, что он — все, что он — центр мироздания. Он стремится взять для себя все, что может, думает только о себе и с народной классовой точкой зрения не склонен считаться. Отсюда разлив дезорганизаторских настроений, индивиду-

* Случайно ли, что и сегодня полностью зачеркиваются положительные достижения общества так называемого «застойного периода»? И это сегодня, когда полно очевидцев! Что же будет завтра, когда промывке мозгов подвергнутся поколения, совершенно не знавшие страны до 1985 года?

Только в наше время, после десятилетий издательских искажений действительности царской России, начинают по «свидетельствам того времени» восстанавливать такие факты, как наличие развитого производства практически всех видов потребительских товаров, прогрессивное трудовое право, передовое законодательство о свободе личности довольно высокий уровень зарплаты квалифицированных промышленных рабочих...

Разумеется, все это никак не отменяет удручающую атмосферу разложения и распада царизма и антинационального наступления капитала, но все же свидетельствует о преемственности методики «нигилистской» пропаганды — Э. С.

алистических анархических, хищнических тенденций...» (т. 1, с. 39).

Ай-яй-яй, освободившийся раб, как же это ты, голодая, холодая, «думаешь о себе», что же ты не думаешь о новой «народной классовой точке зрения»? И как же это ты допускаешь разлив или разброс настроений? Как сомневаешься в том, что «без кровавой борьбы изменить социальных отношений нельзя!» (т. 1, с. 47). И почему из раба в одночасье превратился в хищника?..

Невольной иронии полны слова Троцкого, что «многим мародерам удалось проникнуть в опоры нового режима!»

С ТАЛО общим местом отмечать самолюбование, позерство, карьеризм, саморекламу Троцкого, постоянное стремление подчеркнуть свою избранность, особое положение. Да, все это чувствуется в его писаниях, но чувствуется еще и другое — он твердо верил в свою власть: «Ни на минуту я не забываю, что мы сейчас господствующий класс» (т. 1, с. 40). Весь стиль его мышления, весь стиль его поступков свидетельствуют о том, что он чувствовал себя новым, только слегка сменившим фразеологию барином. Эта торгашеская вальяжность, это: стремление окружить себя «челядью», эти непременные фанфары при любых выездах в сопровождении бронепоездов и «телохранителей»..

Да и стоит ли удивляться, если Троцкому и К⁰ удалось так повлиять на В. И. Ленина, что он готов был задним числом оправдать все их действия? В автобиографических записках Троцкий воспроизвел образец бланка, подписанного Предсовнаркома в июле 1919 года с таким текстом: «Товарищи! Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден [разрядка моя.—Э. С.], в правдивости, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело».

В середине бланка было свободное место, куда Троцкий мог вписать (и вписывал!) все, что было ему нужно для осуществления своих особых планов. И, следует думать, таких бланков у Троцкого было немало*.

Будущий исследователь, может быть, выявит подоплеку этой баснословной «влиятельности» Троцкого, но нашему поколению — при нынешнем состоянии мира — к этой тайне даже не приблизиться.

Повсюду, повсюду я вижу эти зловещие претензии на бесконтрольную, тотальную власть группы над партией и над народом! Так на чем же тогда держалась троцкистская демагогия? Были ли элементы правды в выступлениях самого Троцкого?

Были — несомненно. Мимикрировал Троцкий неплохо, неплохо пользовался «коммунистическим» жаргоном, чтобы увлечь

«туманными далями». Тут он пригоршнями черпал из большевистского сокровища. Впрочем, этот «вождь» всегда отличался примитивизмом коммунистических представлений («Товарищеская трудовая артель, охватывающая целую страну, — есть коммунистическое хозяйство», т. 1, с. 49), приоткрывавших нечто казарменное, безнациональное, иерархическое, которое призвано было разрушить «господствующие классы всего мира». Правда, оставался открытым вопрос, кто должен был заменить господствующие классы, но об этом Троцкий, естественно, до поры умалчивал.

В рассуждениях о власти преобладала демагогия: «Та власть, которая есть в Петрограде, в Москве и в других городах, поскольку она создана рабочими, ими же может быть сметена. Рабочие могут, когда им угодно, создавать Всероссийский Съезд Советов, переизбрать на нем Центральный Исполнительный Комитет, Совет Народных Комиссаров, могут переизбрать местные Советы» (т. 1, с. 48).

Но как было практически осуществить это право, если любое возмущение несправедливостью сразу же расценивалось как враждебное диктатуре рабочих и носителя этого возмущения репрессировали? «Мы власть к рукам прибрали и заявляем всем нашим врагам, что власть эту рабочий класс из рук не выпустит никогда» (т. 1, с. 50).

«Мы» — прибрали, а «рабочие» — не выйдут...

Как-то в порыве полемического задора Троцкий воскликнул: «Рабочий люд легко отходчив, забывчив; стоит чуть-чуть условиям борьбы стать полегче, стоит чего-нибудь достигнуть, как ему кажется, что главная работа сделана, и он склонен к великодушию, к пассивности, к прекращению борьбы» (т. 1, с. 52).

Но разве один только открытый классовый враг использовал в своих интересах эти качества рабочего класса России? Его легковерие? Да тот же Троцкий в той же самой лекции внушал рабочему классу, что ему более всего необходимы такие качества, как постоянная непримиримость и жестокость «к врагам». Очень сомневаюсь, что даже в условиях 1918 года эти качества были необходимой всех прочих для победы социалистической революции.

«Главная задача коммунистической партии... заключается в достижении того, чтобы каждый трудящийся... сказал себе: «Да, разумеется, в борьбе, которая идет в настоящее время, мне, может быть, придется и погибнуть. Но что такое рабская жизнь без просвета, под пятой угнетателей, по сравнению с славной смертью борца, который свое зная передаст новым поколениям!» (т. 1, с. 53).

Читая такие перлы, поневоле вспоминаешь печальных героев А. Платонова, которые сначала были готовы погибнуть за то, «чтобы выше заметнulo знамя», а затем, разочарованные, сжигали себя водкой, чтобы забыть о бесконечной печали своего положения; но водка плодила вокруг нищету и невежество, а нищета и невежество — вновь водку, и то было целью погубителей...

* Троцкий Л. К истокам русской революции. М.: 1990. С. 33:

Вот, что значит «трудовая масса», постоянно лишаемая своих лучших детей, способных выражать ее мысли и ее сознание! Народ, позволивший рассечь себя на части, оказался в руках подавшего секиру...

Беден, беден был идеал, который рисовал народу демагог Троцкий! Беден, конечно, потому что настоящий коммунистический идеал мог раскатать в людях такие надежды, которые привели бы к борьбе за самостоятельность. Вот отчего идеалу придавался урезанный, ограниченный смысл: «Каждый рабочий должен напряженно работать определенное число часов в сутки, а остальное время чувствовать себя свободным гражданином и культурным человеком (разрядка моя.—Э. С., т. 1, с. 60). В точности то же, что и теперь заявляют «радикалы», утверждая, что «капитализм позволит советским людям почувствовать себя свободными гражданами и культурными людьми»...

Или в другом месте: «Если бы рабочий класс навел в стране порядок, наподобие хорошего хозяина, который смотрит на всю страну хозяйским глазом, знает, сколько у него хлеба, железа, сколько угля, паровозов, сколько из них здоровых, сколько больных; все берет на учет, всему ведет бухгалтерскую запись, отчетность. Вот когда мы заведем такой настоящий рабочий и крестьянский трудовой порядок и нужную для него дисциплину, тогда мы сможем установить цены на все предметы, урегулировать так производство, чтобы каждого предмета было в пропорции, по потребности. Все это и есть в основе своей социалистический строй...» (т. 1, с. 87).

Предложенная схема—это гнусная трудовая казарма, и эпитеты «дружная семья», «братская трудовая артель» ничего тут не меняют. Это пустые лозунги: одни работают, а другие делают...

Да и понятие интернационализма, внушаемое Троцким, очень походило на масонскую модель общепланетного застенка: «Нашим отечеством, которое нам дала природа, является земной шар... в этом отечестве, т. е. на всем земном шаре мы хотим организовать одно общее братское хозяйство, где не было бы границ, не было стыков и вражды» (т. 1, с. 92).

Где тут история народов, их культура, их особый опыт, где их права, их герои, их надежды и вера? Ничего этого в масонском «раю» не предусмотрено.

Впрочем, «транснациональные» монополии сегодня настойчиво осуществляют именно эти идеи: общее хозяйство «без границ» при полной диктатуре общего «правового государства» — «без стыков и вражды»...

В философии Троцкого не было места живым, свободным людям. Вот как он относился к крестьянству (из речи на заседании ВЦИК 2 сентября 1918 года): «Мы на Волге и на Урале еще не затронули толщу крестьянства так, как выворачивают целину» (разрядка моя.—Э. С., т. 1, с. 321).

Когда начались реквизиции хлеба в деревне, Троцкий рекомендовал не просто

направлять туда вооруженные рабочие отряды, но именно отряды из голодающих мест — расчет на то, что одни одичавшие Иваны будут немилосердно давить других одичавших Иванов...

В стране складывалась странная ситуация: если верить Троцкому, хлеб был, хлеба было много, но почему же в таком случае усиливался голод? Точка зрения на события у Троцкого была весьма однозначной — усилить репрессии: «Если взять настоящих кулаков, ведущих теперь спекуляцию на хлебе, то их никак не больше, чем 1/20 часть по отношению ко всем трудящимся, нуждающимся и голодным России» (т. 1, с. 85).

Какие-то миллионы людей!..

Д

ИКТАТОРСКИЕ полномочия, которых добился Троцкий, естественно, вызвали возмущение советских и партийных работников, которые не умели тотчас перенести эти полномочия на манекенов «всемирной армии труда».

Насилие ставило все на свои места. Оправдывая свои действия, Троцкий говорил в докладе на VI Съезде Советов в ноябре 1918 года: «Не все советские работники поняли, что существует централизованное управление, и все приказы, идущие сверху, должны быть незыблемы, что отступление от них недопустимо; и к тем советским работникам, которые еще всего этого не поняли, мы будем безжалостны; мы их отстраним, выбросим из наших рядов, подвергнем репрессиям» (т. 1, с. 340).

Общенациональный ГУЛАГ в СССР являлся, таким образом, неизбежным следствием зловещей «радикализации» всех процессов. В результате «цена человека» упала практически до нуля — о какой политической, социальной или производственной культуре могла идти речь?

Пропаганда уверяет, что для Троцкого характерно «парадоксальное мышление». Не знаю, как с «парадоксальным», но с марксистским оно явно не вяжется. В одной из речей Троцкий, в порыве искренних чувств, разделил всю территорию Советской России на «область советской диктатуры», с одной стороны, и область «черносотенцев», с другой (речь на заседании ВЦИК 30 сентября 1918 г., т. 1, с. 363). Вероятно, такой специфический, отнюдь не классовый ход мысли присутствовал у Троцкого всегда, только был тщательно закамуфлирован.

Я оставляю в стороне несостоятельность или заемность теоретических воззрений Троцкого или его прогностических рецептов наподобие заявлений по национальному вопросу: «Для нас это только деловой вопрос—национальные группировки нашего Советского Союза,—тут нет материала для конфликтов и борьбы» (т. 6, с. 48)*.

* То же по отношению к религии. Так он заявил, имея в виду ислам: «Старые верования Востока истдели, при ближайшем историческом движении революционных трудящихся масс старые верования не представляют серьезного препятствия» (т. 6, с. 40).

Разумеется, никакого национального вопроса и не могло существовать для того, кто принимал нации за стандартные кирпичики будущего всемирного храма...

Я не выдумываю: «Превращение Европы в федерацию советских республик есть единственно мыслимое разрешение потребностей национального развития больших и малых народов без ущерба для централистических потребностей хозяйственного единства—сперва Европы, а затем и всего мира» (т. 2, с. 12).

Установка на вселенский пожар была не только оголтелой и провокационной, она реально создавала конфликты. Приведу только один пример. В апреле 1924 года, находясь на отдыхе на Кавказе, Троцкий заявил: «Обстановка меняется, и многие страны, которые были под боярами (он назвал их «черносотенными»).—Э. С.) или под меньшевиками, стали хорошими советскими странами. Это же судьба может и должна случиться и с Бессарабией, а затем и с Румынией» (т. 6, с. 7). Это заявление получило соответствующую оценку в мировой печати. Но это насколько не смутило «р-р-революционера»: «Перекройка государственных европейских границ будет попутным делом победоносной революции европейского пролетариата» (т. 6, с. 49).

Согласно доктрине коммунисты стремились к завоеванию политической власти с целью строительства социализма, мasons ставили задачей создание своего всемирного государства, где все были бы рабами анонимной группы, контролирующей и учитывающей каждого человека, каждый гвоздь, каждый квадратный метр земли.

Судите сами, какому идеалу больше отвечает эта вот невольная оговорка Троцкого, что рабочий класс на Западе «крепко возьмет в руки железную метлу и без остатка выметет из своих государств всякую буржуазную и дворянскую нечисть» (разрядка моя.—Э. С., т. 1, с. 66).

Соответствует ли большевизму такой «радикализм» или, как говорили, «левый уклон»? Я убежден, насколько не соответствует, и это показывает, что скрывается всегда за так называемым «левым радикализмом», тархтящим о своей «сверхреволюционности».

Ставить задачу уничтожения «всякой буржуазной и дворянской нечисти»* (не подавления, не нейтрализации ради побуждения к сотрудничеству и дальнейшему перевоспитанию) сам по себе большевизм не мог, и я все более задумываюсь: откуда эти постоянные, вплоть до нынешнего времени, истоки «радикализма» и перекосов в нашей революции?

Более ясно мне теперь и подоплека отдельных попыток очернить коммунистическую партию, приписать именно ей ответственность за все трагедии нашей истории.

* Согласно материалам ВЦИК эта «нечисть» составляла в России тех лет 5% населения, т. е. не менее 7—8 млн. человек.

«Мавр сделал свое дело, мавр может уходить». Но не слишком ли поторопились мастера политических махинаций?..

Вслушаемся еще раз в голос Троцкого: «Советская власть есть организованная гражданская война против помещиков, буржуазии и кулаков» (т. 1, с. 69).

Увы, социалистическую революцию постоянно и энергично подталкивали к радикализации всех процессов—под видом «лучшего» обеспечения интересов диктатуры. В. И. Ленин, насколько я могу судить, сдерживал эту тенденцию, но и он не был всемогущим против нее, учитывая к тому же, что его здоровье после предательского (тщательно спланированного и тоже направленного на «радикализацию» революции—на «красный террор») покушения Ф. Капрана было основательно подорвано.

Сегодня, не располагая всеми документами, мы не можем во всех деталях восстановить правду исторической ситуации, тогда как современник знал, несомненно, гораздо больше.

Послушаем современника. В июне 1918 г. Троцкий выступил на соединенном заседании членов ВЦИК IV созыва Московского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, представителей профсоюзов Москвы, фабзавкомов и других рабочих организаций. Когда он сказал, что чехословацкое восстание в Сибири организовано меньшевиками и правыми эсерами, из зала раздались «Троцким!»

Троцкий немедленно бросился в контратаку: «Кто-то из негодяев, здесь находящихся, имени которого я не знаю, сказал, что чехословацкое восстание* вызвано мною... Я заявляю, что все эс-эровские и меньшевистские негодяи в Сибири, Пензе, Самаре и Сызрани подлою ложью о том, что именно я хочу предать чехословаков в руки немцев, будоражили и отуманивали несчастных чехо-словацких солдат и этими предательскими клеветами свели с ума значительную часть их» (разрядка моя.—Э. С.; т. 1, с. 70).

Люди в зале зашумели. Раздались крики: «Троцкий... Инсинуация!»

Вот как отреагировал Троцкий от имени Советской власти: «Хотя до сих пор у нас была гражданская война, но террора, во французском смысле слова** русская революция еще не знала. Теперь Советская власть будет действовать более решительно и радикально... Вся игра может закончиться в высшей степени трагически!» (т. 1, с. 70).

(Окончание следует)

* Оно чрезвычайно осложнило положение Советской власти в военном и продовольственном отношениях, до предела «радикализировало» обстановку.— Э. С.

** Имеется в виду так называемая великая французская революция 1789 года; наиболее активное участие в терроре принимали мasons.— Э. С.

**А. ГУРОВ,
В. РЯБИНИН**

НА ДОПРОСАХ И МЕЖДУ ДОПРОСАМИ «ПРОДАЮ» СИЗОГО

Конвоир вводит меня в небольшой скромный кабинет. За эти несколько дней я успел здесь освоиться, пожалуй, не хуже, чем в камере.

В кабинете, кроме Ивана Александровича, еще один человек, тоже в штатском. Расположился на стуле сбоку от небольшого столика для пишущей машинки. Скорее всего, опер из угрозыска. Значит, допрашивать будут вдвоем, хотя, как знаю, перекрестные допросы запрещены, это не 30-е годы.

— Что скажете новенького, Валентин Петрович? — спрашивает меня следователь в привычной для себя благожелательной и потому так располагающей к нему манере. — Хотите что-то добавить к своим показаниям или внести изменения в протокол?

— И то и другое, гражданин следователь, — отвечаю решительно, боясь, что в последний момент вдруг передумаю. Хотя... колебаться уже не резон — отступить некуда.

Опер по-прежнему молчит (точно так, как тогда Максимченко!), и я обращаюсь опять к одному Ивану Александровичу.

— Помните, гражданин следователь, прошлый раз я сказал, что, вернувшись из «зоны», ну, после того как с пропиской не вышло, разыскал Сергунчика. Дали, дескать, в колонии мне его адрес.

— Да, так и зафиксировано в протоколе. И подпись ваша стоит.

— Дальше там все правильно, а тут я малость соврал. Короче, в «зоне» мне дали адрес не Сергунчика, а Дрозда, здешнего «козырного фрайера». Или, по-старому, «мастера». И уже Дрозд связал меня с человеком, о котором до сей минуты я вам вообще не говорил, считая, что не имею права продавать «законника». Но потом поразмыслил, взвесил то, что от вас услышал, и понял — другого способа отомстить за подставку у меня не будет. Потому что...

— Продолжайте, продолжайте, Валентин Петрович. Не стесняйтесь, здесь все свои, — успокоил следователь. — Я вам не представил: это Пегр Михайлович Комлев — сотрудник уголовного розыска («Мог бы, конечно, и сам представиться», — подумалось мне при этом).

— Ну хорошо, должен я, говорю, этому «беспределу» отомстить сейчас, потому что от сходки он как пить дать откупится. И потом — какой же он к черту «вор в законе», если это звание за деньги купил, ни разу тюрьмы не нюхал. В «зоне» мне о нем говорили. Не верил, что есть такие. Теперь вот убедился. За кого другого — я бы еще подумал, как поступить. А за этого — в «громоотводы» к нему не нанимался...

Опер же то и дело ерзал на стуле, терпение у него начинало лопаться.

Испытывать дольше их терпение (и свое тоже) было ни к чему, и я наконец назвал им этого самозванца — его кличку, имя, отчество и все то немногое, что успел узнать во время короткой встречи с Сизым.

Окончание. Начало в № 9, 11, 12.

Комлев, в котором, судя по выражению его лица и внешнему виду, для эмоций места не оставалось, неожиданно привескчил со стула.

— Значит, Борзов — вот он кто, Сизый! Сколько же, черт подери, ломал я голову, кругами ходил вокруг да около... Теперь все ясно. Будем действовать — так, Иван Александрович!

— А помните, Петр Михайлович, я советовал обратить внимание на то, что из взятых вами на мушку почти одна треть работает в одном кооперативе — «Фото на память», кажется. И, между прочим, Сергунчик тоже числится у них в штате, хотя и водителем.

— Как же, этой версией мы пытались заняться. Но данных практически никаких, словно в стену уперлись.

Я сидел молча, не зная, радоваться или, напротив, огорчаться тому, что своим признанием привел их в телячий восторг. Наблюдать за людьми, которые в официальной обстановке допроса слова лишнего не проронят — настолько все у них рассчитано, и которые вдруг восторженно, по-мальчишески выплескивают свои чувства наружу, честно признаюсь, мне еще не приходилось.

Наконец, обретя привычное состояние, они вспомнили обо мне. Первым, разумеется, Иван Александрович.

— Валентин Петрович, хотим вас поблагодарить за ценную информацию.

— Да, да, — поддержал его суровый опер, заметно смягчивший тон. — Спасибо. Будем надеяться, суд примет это во внимание... Повторите-ка мне адресок того «фрайера», который связал вас с Сизым-Борзым.

Я выполнил его просьбу.

— Что ж, побегу, с вашего позволения, — обратился он к следователю. — Надо прикинуть, что к чему.

— Сейчас без пяти одиннадцать, — посмотрел на часы Иван Александрович. — К часу я вас жду с предложениями по плану операции. Потом доложим голковнику.

— Все понял... Но ведь санкцию на арест мы можем не получить. Для таких, как Сизый, закон пока не писан. Сами знаете, как сейчас с арестами — гуманизация. А он к тому еще и «под крышей» — кооперативом заправляет.

— Что ж, придется прокурору в ножки кланяться, а говоря серьезно, нужны серьезные улики. Надо обязательно связаться с ОБХСС. У них наверняка по этому кооперативу что-то есть. Найдем зацепку, правда?

— Надо найти, — ответил оперработник, сделав особый упор на слово «надо». — Иначе упустим Сизого. И дело зайдет в тупик...

НА ДОПРОСАХ И МЕЖДУ ДОПРОСАМИ

«ЕСЛИ ТЫ НАШ — ДОКАЖИ»

Целых три дня меня никуда не вызывали. Иван Александрович крутился, видно, как белка в колесе, размазывая вместе с операми кражу из церкви.

С Лехой, несмотря на разницу в возрасте, мы стали почти друзьями. Я рассказывал ему кое-что из своих приключений, о законах, о новых ворах.

Внешне он был грубоватым, но, как я убедился, уважал справедливость. И этим мне нравился.

Камеру мы с Лехой надежно держали в своих руках. Фрайер тоже старался быть «своим человеком», иной раз даже с излишним усердием. Я хотел одного — чтобы все в этой душной, прокуренной, изолированной от внешнего мира клетке решалось по справедливости. Так, как было заведено у нас, «старых» волков.

Я понимал, что в СИЗО, где собрана всякая «шущера», а на смену одним то и дело приходят новенькие, поддерживать этот порядок трудно. Не то что в «зоне» — там монолит, стена, там вторая жизнь — и эта жизнь наша. Но все же нам с Лехой кое-что удавалось — помогали его бицепсы.

Если, к примеру, кому-то из «мелюзги» пришлют передачу, мы — начеку, следим, чтобы шлана повзрослее и понахрапистее не обижала этого паренька.

Когда же подследственного усиленно начинали «подкармливать» родственнички либо подельники с воли, заставляли, чтоб он делился с теми, кто сосал лапу, пробавляясь одной лишь тюремной пайкой на 37 коп. В таких случаях многие перед нами заискивали, стараясь сунуть кусок пожирнее и тем заткнуть рот. Но своим положением ни я, ни Леха не пользовались — брали, как все.

Однажды, было это в конце недели, в камеру водворили здорового рыжего бугая лет двадцати восьми. Не успев оклематься, он нагло согнал одного тщедушного паренька на верхние нары, расположил на его койке. Тот пытался протестовать. Тогда бугай, схватив паренька за грудки, рявкнул, чтоб слышала камера:

— Самородок я, понял? «Вор в законе». Наша с Лехой власть было поколебалась. Серый, конечно, заерзал, не зная, чью сторону ему принять. Сразу же как по команде заерзились блатные из тех, кого прижимали мы за передачи.

Узнав, кто я, Самородок было опомнил-

ся. Но наглость, жажда власти взяли свое, и он решил положить меня на лопатки. Подсел и будто невзначай завел разговор.

— Наслышан я о тебе, Лихой. В «зоне» ты — легендарная личность. Как Чапаев. Только ведь все это — наша, так сказать, история. Время твое ушло, понял?

От его слов меня покорило, но смолчал. Грубостью отвечать не хотелось: слово за слово, и дойдет до мордобоя. Леха полезет в драку. Нет, его подставлять не стану. Лучше что-нибудь сам придумаю. Между прочим, кого-то мне этот Самородок из дерьма напоминает. Вернее, его слова о том, что время мое ушло, о легендах. Да, конечно же, Сизого! Только тот говорил про байки, которые недосуг ему слушать.

Прет «беспредел», прет нахально. Скоро спасу от него не будет. То, что было когда-то плохим, становится хорошим, то, что почиталось воровской несправедливостью, теперь возводится в ранг «закона», да еще выдается за нашу традицию. И вспомнилось мне одно обращение, подписанное кличкой Карел. И хотя я его не знаю, но писал он правильно, с болью и запальчивостью.

Жаль, что не передал по кругу тогда эту «ксиву», считая ее очередной уткой. А были там и такие слова:

«Мужики, братва! Что получается? К чему вы идете и до чего доходите? Где закон, честь, гордость нашего общества. Во что превратилась зона? В пионерский лагерь?..»

Где ваша солидарность, ваша гордость? Стыдно, срамно, смотреть, как курвится зона. Все травят друг друга, а вы улыбаетесь улыбой придурка, и небось каждый думает — «мое дело сторона».

Где наше Я? Надо кончать с этим. Забыты традиции и законы нашего общества, страх, трусость, равнодушие в наших сердцах. А ведь зона 3/1 считалась на хорошем счету и воровском положении. Или вывелись все нечуждые закону правила и нашего общества люди. Думается, нет. Так поднимите голову, братва. Осмотритесь, к чему ведет ваше равнодушие. Встряхнитесь, да и начнем борьбу за наши права, за наши старые и добрые традиции. За силу нашего закона.

К солидарности, братва, к усилению нашей общественной организации!

И да вернем честь нашей зоне».

— Слышь, сосунки, — Самородок гудел уже на всю камеру. — Предупреждаю: если кто поперек пойдет — глотку перекрою.

Леха, которого я за проведенные вместе дни приучил быть посдержаннее, на этот раз не стерпел, сжал кулаки:

— Ты вот что, поосторожней на поворотах. А то ведь такого «вора» и опустить можно.

Самородок не ожидал такого отпора. Он зло посмотрел на Леху, хотел сказать какую-то пакость. Но в этот самый момент Леха скинул с себя рубашку, готовясь принять бой, и Самородок тут же взял на полтона ниже. Вид у моего дружка был и впрямь устрашающий.

— Брось, парень, — тихо выдавил он из

себя, чтоб меньше людей услышало. — Кулаками свои права не мне отстаивать. Так же, как не Лихому... Они, права эти, если хочешь знать, кровью завоеваны. — Он повысил голос. — В «зоне» ты, вижу, был, поймешь. Ну вот, и я оттуда. Только не стал, как вы, ждать «звонка», сам решил «переменку» себе устроить. Бежал то есть. А солдатик заметил, автомат наставил. Ну, у меня с собой тоже «пушка». Вот я в него и пальнул. Потом перебежками — к лесочку ближнему, а там — узкоколейка. Торфушки, они, как телега, тащатся, а тут вдобавок подъем. Заскочил на ходу в вагон, обложился брикетами. И — пронесло, чудом на волю вырвался. С полгода гулял. И влип-то опять — по пьянке, из-за баб..

Леха слушал его насупившись, но с интересом. Остальные тоже молчали. Ждали, видно, чем я отвечу.

— Твои сказки, Самородок, только юнцам и рассказывать. Что-то не слышал я, чтоб в «зоне» пистолеты держали. Нынче такой «шмон» устраивают, аж доски в полу трещат, не говоря о матрацах. А если при побеге кровь солдатскую пролил — весь округ поднимут на ноги, в торфяных брикетах не спрячешься.

— Ты что, не веришь, Лихой? Мне, «законнику»? — взбеленился Самородок.

— Имею право не верить. Пока подтверждение не придет — оттуда, из «зоны». К слову, есть у меня один вопрос: когда и где принимали тебя в «закон»?

— А вот это, Лихой, ты зря. Оскорбляешь. Один на один останемся — назову тебе тот «сходняк». При всех нельзя, сам понимаешь.

— Я к тому, Самородок, что зеленый ты, не созрел для настоящего Вора. Сидел всего раз — я правильно понял?

Самородок на это ничего не ответил.

— Ну, а наколку показать можешь?

— Собирался, но не успел, — насупился он. — К побегу готовился...

— Скажи уж, — решил я окончательно его добить, — что звание наше за деньги купил. У «беспредела», что «сходняком» нынче заправляет. Оно так честнее будет. Чего под вора-то рядишься.

Самородок, мрачнее тучи, резко встал с койки и направился в дальний угол камеры. Серый остался с нами — он, как всегда, держал нос по ветру.

Наш с Лехой пошатнувшийся было авторитет стал прочнее, чем прежде. А с ним восстановилась и справедливость. Не потребовались для этого даже Лехины кулаки.

...Стычка с Самородком случилась в субботу утром. А днем, во время прогулки, я встретил Сизого. Он тоже меня узнал и подмигнул, разведа руками. Дескать, такова жизнь наша. Отсюда я заключил, что нахожусь вне подозрений.

Интересно все же, как его брали, почему-то подумал я. И в воскресенье утром, когда следователь, как и обещал, пригласил меня на «индийский чай», я первым делом задал ему этот вопрос.

— Такие, как Сизый, легко в руки не даются. Валентин Петрович. Да вы об этом прекрасно знаете. У них и система связи

отлажена, чтоб в нужный момент удрать, и транспорт получить нашего, милицейского. И, конечно, охрана — те самые «солдаты», о которых я вам говорил... Ну, а если о Сизом... Могу сказать только то, что брали его дома, когда, приехав с работы, отпустил охранников, а сам вышел из квартиры — достать газеты из почтового ящика. Так что операция обошлась без жертв.

— Понятно. Спасибо, что любопытство мое удовлетворили... А я, Иван Александрович, тоже имел вчера стычку с одним «беспределом». На обе лопатки его положил.

— Любопытно.

— Расскажу... Иван Александрович, очень волнует меня вопрос: есть ли у Сизого подозрения, что я их выдал?

Иван Александрович забарабанил пальцами по столу.

— Этого я вам не скажу. Ведется следствие, и разглашать содержание допросов не имею права... Ну, положим, как вы считаете, Сизый вас не подозревает. Хотя я говорю, положим...

— Я потому спросил, что для меня это, как говорится, вопрос жизни или смерти. Воры — «законники» уже знают, что Лихой «завязал». Об этом я предупредил в «зоне». А правило у нас такое: отошел от воровской жизни — никто не тронет, и мстить не будут. Но при одном условии, чтобы вора не пакостил, не продавал никого милиции... Иначе зарежут, как собаку.

— Знаю и об этом правиле, Валентин Петрович. Но вот что давно меня смущает: почему такой знаток жизни, как Шукшин, в фильме «Калина красная» показал все совсем иначе. Там, вы помните, Егора Прокудина, главного героя, воры убивают только за то, что он решил жить честно.

— Как же, помню, подсылают к нему Губу... Уважаю я Шукшина, но только здесь все неправда. Убить бывшего вора только за то, что он «завязал», — такого в воровской жизни не было. Ни один «вор в законе» не посмел бы так поступить. Или его самого за беспредельный поступок зарезали бы сами воры. Такого мы не прощали.

А вообще-то, Иван Александрович, у нас в зоне большие споры велись по отношению к нам «писак». Почему пишут не так, как в жизни бывает, а так, как «писака» захочет. Вот, помню, вышла книга «Записки Серого Волка». Вроде писал наш брат — рецидивист. Конечно, судьба у него не простая, много, говорят, принял, но когда дошел до наших законов, то опять неправда. Обидно даже было, ведь наш. Потом-то ребята выяснили, что «вором в законе» он не был, и послали ему «кодекс воровской чести», дескать, знай, что пишешь. Вот и Шукшин тоже, а фильм нам очень понравился, некоторые даже слезу пустили. Не верите?

— Вот видите, Валентин Петрович, опять вы мне дали очень ценную информацию. Обязательно воспользуюсь.

— А теперь, — Иван Александрович открыл тумбочку, доставая стаканы и завар-

ку, — давайте вскипятим чаек, и вы продолжите свой рассказ. Если можно, расскажите о какой-нибудь воровской сходке — вы мне обещали...

Я согласился, понимая, что даже ученым не так уж часто доводится слышать о «сходняке» из уст очевидца.

ИСПОВЕДЬ КРОВАВАЯ СХОДКА

Чтобы рассказать о первой в моей воровской жизни сходке, придется немного сместить события.

Было это уже после того, как вышел на свободу из лагеря под Астраханью. Наступила весна 1951 года, в мае мне исполнилось восемнадцать. Просил, чтоб выдали направление в Электросталь, на свою родину. Думал, пропишусь там у Кости, получу паспорт. Но начальник спецчасти грубо меня оборвал: «Заруби себе на носу: в Московскую область, а тем паче в Москву тебе путь навсегда заказан. Скажи спасибо, что в Калужскую направляю».

Ехать до Калуги надо было через Москву, с пересадкой. А мог ли я, оказавшись в белокаменной, не увидеть друзей-карманников и главное — милую, желанную красавицу мою Розу. Они вместе с Асей должны уже быть на свободе.

Хитрый, вор из Малаховки — под его фамилией я когда-то «сухарился», подсказал, что Розу скорее всего можно отыскать на квартире у Ани, в Люберцах.

Та первая после нашей долгой разлуки встреча, когда я впервые почувствовал себя мужчиной, а Роза сказала, что она счастлива, тоже навсегда запомнилась. И еще по-женски трогательная ее забота о том, чтобы я отдохнул подольше, пришел в себя да поскорее забыл о «хозяйской» (лагерной) похлебке.

Но моей зазнобе до совершеннолетия было еще полтора года, и ее мать, хотя и закрывала глаза на наши отношения, по-прежнему не давала согласия на свадьбу. Если б она могла знать, что очень скоро ее дочь уже не на полтора года — на целых десять лет лишится земных радостей и человека, которого любила, то, наверное, не была бы к ней так строга.

От Розы, кстати, узнал я о том, что еще в пересыльной тюрьме они с Аней встретили мою сестру Машу, которую, тоже за карманную кражу, осудили на шесть лет.

Вот они, превратности воровской жизни. Что будет завтра — никому не дано предсказать. Поэтому — лови момент. Гуляй, люби, наслаждайся, бери у судьбы все, что в твоих силах. Но бери честно, не обделяй таких же, как ты, воров. И не дай тебе Бог, если из «заработанных» денег захочешь взять больше, чем твой подельник, утаишь хотя бы малую часть.

Подтверждение тому — трагическая судьба ленинградского «вора в законе» по кличке Хмурый. Было ему лет двадцать пять. На гастроль в Москву приехал с молодым подельником Колей Длинным, ко-

торому едва шестнадцать исполнилось. Обосновались в Малаховке, где я с ними и познакомился.

«Работали» питерцы на местном рынке. Летом поселок был наводнен дачниками, и по утрам, едва успев протереть от сна глаза, один за другим со всех сторон они стекались на рынок, купить что-нибудь по-свежее да повкуснее. Многие из «дачных мужей» отправлялись на рынок в пижамах, а то и в халатах. А кошелек — в кармане. Есть где разгуляться карманному вору. Этим и пользовались питерцы, с большим искусством «выкупая» у сытых, вальяжных дачников туго набитые кошельки.

Вначале все у них шло как надо. Но вот однажды встречаю Колю и узнаю, что с Хмурым он решил порвать. «Шпарит» деньги, подонок, не первый раз замечаю. И хотя я знал, что на блатном жаргоне означало слово «шпарить», на всякий случай все же решил переспросить. «Неужто у Хмурого — «законника» — хватает совести облапошивать таких «пацанов», как ты, — присваивать то, что вместе заработали?» — «А ты, Лихой, мне не веришь? Да за такую напраслину меня на первом суку повесят, гадом буду».

...Хмурого, прежде чем собрать сходку, проверяли не раз. Слишком серьезным было обвинение, и потому ошибка здесь исключалась. По воровским законам любому вору, уличенному в этом гнусном деле, выносили смертный приговор.

О том, что в один из июньских дней состоится воровская сходка, сообщил мне Шанхай. Назвал и место, где соберутся вору — неподалеку от станции Железнодорожная, в лесу. К 11 часам утра мы с Хитрым должны быть там.

На станции нас встретил Шанхай и показал направление, куда идти.

В небольшом лесу близ «знаменитой» Обираловки собралось на сходку человек тридцать самых известных в Москве воров. О том, что будут судить Хмурого, всех оповестили заранее. Вору, которым поручили «проверку», вот-вот должны были доставить сюда его самого.

На этот раз, как и всегда в таких случаях, операция по «проверке» была тщательно продумана. Хмурого, ни о чем не подозревавшего, взяли «поработать» в «бригаду». Ту, что обычно «трудилась» здесь же, в поселке Железнодорожном. «Провели» по магазинам и в каком-то продмаге, где было много народу, передали кошелек с деньгами. Якобы украденный, и записали номера серий каждой купюры.

Приняв этот кошелек, Хмурый вышел из магазина. В условленном месте «подельники» встретились и, как водилось, спросили у него, велик ли «выкуп». Он ответил, назвав сумму значительно меньшую, чем была в кошельке. «Ну что же, — сказал один из воров. — Деньги неплохие. Давайте возьмем водочки, что-нибудь закусить и отдохнем малость вон в том лесочке».

Пока они не пришли в лес, Хмурый был в полном неведении. И только когда увидел собравшихся воров, видимо, начал догадываться. Тут уже время тянуть не стали и ему без обиняков предъявили это страшное обвинение: «А ты ведь и вправду «шпаришь», Хмурый!» Зная, что обыскивать по подозрению у воров не принято, он стал все отрицать.

— Не кипятись, — сказали ему те, кто

проверял. — Вот кошелек, который ты нам дал. А теперь выкладывай из карманов всю свою наличность...

Хмурый вдруг побледнел, руки затряслись.

— Не губите, братва...

И стал, ползая на коленях, просить, чтобы ему сохранили жизнь.

Воровские «законы» Хмурый хорошо знал. Даже если бы мы этого хотели, простить столь тяжкий грех не имели права. С нас бы потом тоже спросили.

Решили единогласно: смерть. Для «пацанов», а их здесь было несколько, наблюдать всю эту картину было особенно тяжело. Но их пригласили, чтобы с первых шагов своей воровской жизни не повядали бы нарушать неписанные «законы».

Пятнадцатилетний вор по кличке Дядя Федя достал сигареты и дал приговоренному к смерти закурить.

— Налейте водки, братва, — попросил Хмурый дрожащим голосом.

— Пей, сколько пожелаешь, — ответил ему кто-то из «законников». — В этой последней просьбе не откажем.

Хмурый выпил один за другим три стакана водки и даже не захмелел.

Стали решать, какой будет казнь. Пришли к соглашению: лучше не резать, чтобы было потом меньше шумера. Пусть сам застрелится.

Приносить на сходяк оружие, не только «фигуры», но и ножи, не полагалось. Видя, что из-за этого произошла заминка, Хмурый, все еще надеясь на чудо, стал вновь молить о прощении.

— Братва, пощадите, — кричал он истосно, сделавшись как сумасшедший. — «Мужиком» буду жить, отмою свой грех... Ответом было гробовое молчание.

Через полчаса вернулся Дядя Федя, которого посылали в поселок за «фигурой». Шанхай взял у него пистолет — как помню, точно такой же «парабеллум», что был у Ашхабада, ловко вынул обойму и стал, один за другим, высыпать на ладонь «маслята». Последний, седьмой патрон, он оставил в обойме и снова загнал ее в рукоятку.

Хмурый попросил еще стакан водки, выпил залпом. Все молча на него смотрели. На глазах у многих я увидел слезы. И вдруг стало его так жалко. Но судьба Хмурого была уже предрешена.

— Братуха, Шанхай, — почти шепотом попросил он в последний раз, — а может, все-таки простите.

— Нет, дорогой, — ответил тот, подходя к нему с пистолетом в руке. — Не имеем права. Если такое я совершу — тоже никто не пощадит.

Он вынул платок, обтер им пистолет, чтобы не оставить отпечатков пальцев.

— Держи, Хмурый. Умри, как мужчина.

Хмурый взял у Шанхая «парабеллум», сел на траву, в последний раз взглянул на голубое небо и, быстро приставив дуло к виску, нажал спусковой крючок. Раздался выстрел. Испуганные вороны стаей взлетели с сосен и, натужно каркая, стали кружить над поляной.

Воры расходились молча, не глядя в глаза друг другу. Мы шли вдвоем — Ко-

ля Длинный и я. Следом — Шанхай с Хитрым. Коля плакал.

— Вы далеко сегодня? — нагнал нас Шанхай.

— Поедем пить, — вытирая слезы, ответил Длинный. — Не могу я. Витя... Понимаешь, у него дома остались жена и ребенок маленький. Очень бедно живут... И не узнают даже, где его могилка.

На душе было мутно. Мы доехали до Заставы Ильича, зашли в кафе и сидели там часа три... Столько я в жизни еще не пил. Но и водка не помогала.

Потом взяли такси и поехали в Малаховку на «блатхату». По дороге Длинный попросил остановить машину. «Сбегаю за сигаретами», — сказал таксисту. Сам же зашел на почту и отбил телеграмму жене Хмурого. Обратный адрес решил почему-то написать наш, малаховский. По заведенному ворами правилу, сообщать кому-либо адрес «блатхаты» было нельзя. Длинный хорошо знал, что рискует. Но жена Хмурого должна была сообщить нам о своем выезде, а другого надежного адреса не было.

Коля рисковал. Теперь нас спокойно могли накрыть. Но даже Шанхай и Хитрый его не упрекнули. Наш воровской закон обязывал взять «попечительство» над семьей жертвы, павшей от наших рук, помочь ей не только в эту тягостную минуту, но и после не забывать.

Какое нелепое, лишнее всяческой логики сочетание жестокости и милосердия. И кто только это придумал... А еще говорят, что наши неписанные законы сродни благородству дворян, берут начало чуть ли не от их «белой кости», и что в нас — «голубая кровь». Чуть все это. Мы ведь даже и газет-то не читали — запрещалось.

...Никто из непосвященных так и не узнал о том, как Хмурый ушел из жизни. В том числе и его жена Лена, которой мы сказали, что он застрелился.

Лена пошла в милицию. Мы этому не препятствовали. Ее долго допрашивали, интересовались, кто прислал телеграмму. Она ответила, что не знает. Тогда, как, наверное, и теперь, в милиции неохотно шли на то, чтобы зависло «мокрое» дело. И потому версия о самоубийстве ее вполне устраивала.

ОТХОД С РАЗМЫШЛЕНИЯМИ ИЗ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ **«ВОРЫ В ЗАКОНЕ» И «ПОЛИТИЧЕСКИЕ»**

Вор, нарушивший те из «неписанных законов», которые обязывали соблюдать «идею» равенства, быть справедливым по

46

отношению друг к другу, не носить оружия, не утаивать хотя бы малую часть «выкупа», совершал, как считала «братва», беспредельный поступок.

Точный смысл, что вкладывали мы в это слово, передать трудно, но приблизительно его можно истолковать как поступок, не знающий меры, наглый, бессовестный. Потом, когда среди «законников» начался раскол, часть «отошедших» — воров бандитского толка — назвали себя «беспредельными». Это было уже где-то в середине пятидесятых годов, и я, прошедший к тому времени через огни и воды, стал не просто свидетелем, но и участником ожесточенных баталий, которые «старые» воры вели с «беспредельными».

Иван Александрович во время наших бесед за индийским чаем смотрел на все как бы сверху, обобщая известные ему факты как ученый. Я же, взявшись ему помочь, должен прежде всего излагать события, очевидцем которых мне довелось быть, не отступая от истины. Пусть сам решает, что пригодно.

Перебирая в памяти давно ушедшее, я вспомнил и о своей дружбе с «политическими» — заключенными, которые были осуждены по 58-й статье прежнего Уголовного кодекса как «враги народа». Преданность «делу социализма», а вернее тому, что Сталин и его подручные считали социализмом, вдалбливалась одурманенному народу необычайно искусно. Даже мы, воры, как порождение этого общества, были, хотя бы немного, но патриотами. И не случайно промеж собой «политических» называли «фашистами».

В лагерь под Астраханью пригнали меня по этапу из пересыльной тюрьмы на Красной Пресне. Тогда в первый раз судьба разлучила нас с Розой. Это был и первый в моей жизни лагерь.

Лагерные бараки стояли неподалеку от берега одного из рукавов волжского устья. Этим и объяснялось, что труд заключенных использовался в основном для ловли и обработки рыбы. (А может быть, так задумано было при строительстве лагеря).

Весной на сейнерах заключенные вместе с конвоем уходили в Каспийское море и не возвращались уже до конца путины, часть улова перерабатывалась прямо в море, на плавучем рыбзаводе, остальную доставляли на рефрижераторах сюда, в поселок, и женщины — заключенные засаливали ее в больших чанах или в бочках. Рыба была главным образом ценных пород — северюга, осетрина. Обрабатывали здесь и паюсную икру. Работа тяжелая, многие надрывались, болели. А для государства труд был выгодный, дармовой — заключенным тогда ничего не платили.

Зимой «моряки» занимались ремонтом судов, чинили неводы, заготавливали лед, покрывая его толстым слоем камыша.

Для «заблатненных» и «воров в законе», как и в других лагерях, был отведен отдельный барак, огороженный от остальной территории забором. Я тоже попал в этот барак.

На ночь нас залирвали, и заключенные были предоставлены сами себе. Первым, да и, пожалуй, единственным занятием бы-

ла здесь игра в карты. Нас, молодых, настойчиво этому обучали. И еще — прививали воровские «идеи». Но когда начинался «сходняк», из барака выгоняли всех, кто не был еще «в законе». Даже проходившие «кандидатский стаж», и я в их числе, не имели права присутствовать на «сходняке». Не только из-за того, чтобы соблюсти конспирацию. «Кандидат», находившийся в «зоне», не должен был чем-то себя скомпрометировать.

Во время картежных игр нередко возникали ссоры. Ставили по-крупному, проигравший рисковал многим, напряжение у игроков было на пределе, и они теряли над собой контроль. А по воровским «законам» даже словесное оскорбление не могло оставаться безнаказанным.

Однажды во время игры вор по кличке Косой сказал что-то оскорбительное своему партнеру Васе Косолапому, который, «убив карту», взял солидный куш. Обоим им было за тридцать, оба — в «законе». Косолапый предупредил Косого: «Брось хулиганить». Но тот, подогретый водкой, ударил его ногой в грудь.

Воры решили, не откладывая, провести сходку. Меня вместе с «кандидатами» (с пацанами) отправили на улицу: «Если появится надзиратель — постучите». Все мы знали: сейчас будут «резать» Косого.

Кончал его, по решению сходки, сам Косолапый. Когда мы вошли, Косой лежал на полу в луже крови.

Косолапому воры собрали деньги, дали курава. Он попрощался с нами и пошел на вахту. Признаться.

За убийство Васе дали десять лет лишения свободы — смертной казни в то время не было. Наш барак после этого разогнали. Молодых, кому не исполнилось еще восемнадцати, поселили к «политическим». Я тоже попал туда.

У «политических» в бараке было чисто. Сами они держались с достоинством, относились друг к другу уважительно. Казалось, что здесь совсем другой мир. Они много читали, играли в шахматы, шашки. На какое-то время я тоже увлекся шахматами. Играть научил меня «политический», которого звали Дмитрий. Фамилия его была, если не ошибаюсь, Крицкий. Он работал электросварщиком и взял меня к себе учеником.

Крицкому было лет сорок, посадили его еще в конце войны на восемь лет. Когда он рассказал за что — я вначале просто не поверил. В воинской части Дмитрий, опытный сварщик, работал на ремонте техники. И однажды, разговорившись с сослуживцем, с похвалой отозвался о немецкой технике: у них, мол, и агрегаты сварочные получше наших. Разговор услышал кто-то из «тех людей» (а может, и сослуживец донес). Так и загремел Крицкий по 58-й статье.

Другие рассказывали, что погорели на анекдотах, чему мы тоже никак не могли поверить. Это сейчас многое стало ясно. А тогда не верилось, что за анекдот человека могут объявить «врагом народа».

С «политическими» «воры в законе» жили очень дружно. И не потому, что сочувствовали «врагам». Воры их боялись.

Знали по опыту, что обижать их нельзя. А причина заключалась в том, что «политические» держались сплоченно, стояли друг за друга горой. Если поднимутся — разнесут в пух и прах любую нашу группировку.

Бывало, приходил в «заблатненный» барак кто-то из «политических» с жалобой, что обидели их товарища. В таких случаях обидчику было несдобровать, пусть даже он «вор в законе». «Блатные» спрашивали с него по всей строгости. Потому что, случалось, когда после нанесенного оскорбления «политические» давали вора́м настоящий бой, выгоняли их за пределы «зон» и больше в нее не пускали. «Зона» переставала быть «воровской» и даже «мужицкой».

И если потом «законник», которого изгнали из «зон», появлялся в другом лагере, воры учиняли ему допрос: как дошел ты до такой жизни, что «фашисты» выгнали? Тут же, как было заведено, собирали «сходняк» и определяли меру наказания. Одних резали, другим «давали по ушам» (лишался воровского звания), после чего вор мог жить только «мужицом». Вот почему с такой осторожностью относились мы к «политическим». Сейчас некоторые спецы, даже якобы из «политических», пишут о том, будто администрация лагерей специально руками блатных терроризировала осужденных по 58 ст. Не знаю, может, где и было такое, но я посидел в разных зонах немало и нигде не видел такого.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЛИХОГО

И снова я возвращаюсь в пятьдесят первый год. Самый, пожалуй, памятный в моей юности. В год, когда вышел из астраханского лагеря, первого в моей жизни, и, несмотря на запрет, оказался в Москве. Когда вместе с давними верными друзьями отметил свое совершеннолетие. Когда после вынужденной разлуки встретился с Розой Татаркой — первой своей любовью, чтобы вскоре вновь с ней расстаться, уже надолго. И наконец, когда из «пацана», «кандидата» был официально произведен в «воры в законе», получив вместо пацанской клички Малыш вполне взрослую, выбранную мною самим.

Это были волнующие для меня минуты, ведь решалась моя дальнейшая судьба, которую я определил сам. В 18 лет быть «крещеным» вором — случай редкий, а потому ожидал я возможных неприятностей, особенно со стороны старых, прошедших лагеря 30-х и 40-х годов «паханов». Но все обошлось хорошо. Выступавшие воры сказали обо мне много хороших слов. У блатных ценились преданность, ловкость и простота. Все это, оказывается, по словам «правивших речь», у меня отмечалось. Я даже и не подозревал, как меня изучали все эти годы.

После того, как рекомендовавшие дали за меня поручительство, мне предоставили слово, и я произнес с нескрываемой дрожью в голосе воровскую клятву: «Я, как пацан, вступаю на воровской путь, клянусь...» Заканчивалась клятва перечислением кар, которые должны меня постигнуть в случае ее нарушения. Были там и такие слова: «век свободы не видать», «легавам буду». Так я стал Лихим, и эту кличку увердила воровская сходка. И частью этого воровского ритуала была гульба, устроенная «братвой» в Малаховке. Чтобы скрыть истинный повод этого торжества, его приурочили к моему восемнадцатилетию.

Гуляли с размахом. На «блатхате» у Аси собралось человек двадцать. В основном — жулики, цвет воровской Москвы. Были здесь и Шанхай с Блюмкой, и Хитрый Попик со своей мамой, и балагур Володя Огород с улицы Осипенко, и Минька из Раменска. Был давний мой приятель Сеня, который находился в бегах — где-то в Кемеровской области оставил пятилетний «хвост» и сейчас жил по липовым документам. Приехала тетя Соня, которую я считал своей второй матерью. И даже Костя, закадычный друг детства, давно «завязавший», откликнулся на телеграмму. Поздравить меня он приехал вместе с мамой.

Хозяйками гулянья, которое устраивалось в мою честь, были Роза и Ася. Девушки постарались, чтобы оно запомнилось. На праздничном столе было все, чего душа пожелает, даже свежие помидоры и огурчики, хотя на дворе стоял май.

Все было отлично. Меня любили, окружали вниманием, обо мне трогательно заботилась самая красивая на свете девушка. Но мне вдруг стало немного грустно. Все здесь, конечно, свои люди, и многих из них я люблю и уважаю. Но нет никого из моих родных — ни родителей, которых сгноила война, ни сестры, ни братьев. А у меня самого — пожалуй, единственного из тех, кто здесь собрался, — нет даже своего угла, ночью все время у чужих людей, хорошо еще, что не отказывают... Может, зря не послушался тогда Костю, не стеслся у них. Вижу по его грустным глазам, что мне он не только не завидует, а жалеет.

Когда почти все приготовления были закончены и женщины стали накрывать стол, Роза поехала за своей матерью. Через час к дому подрулили такси «Победа». В машине, кроме моей подруги, ее мамы и сестры Марии, оказался еще парнишка лет пятнадцати, которого я прежде не видел. Симпатичный, со вкусом одетый. Костюмчик кофейного цвета сидел на нем очень ладно — по всей видимости, был шит на заказ.

— Не вздумай ревновать, — шепнула мне Роза. — Он еще мальчик. Но «трудяга» сильный, месяца три как со мной я с Асей «работает». Зовут его Гена. Поговори с Попиком — тот его хорошо знает.

Мы познакомились, и Гена — стеснительный, скромный парень — мне как-то сразу понравился. Он рассказал, что живет в Москве, возле ЦДКА. Отец рабо-

тает в милиции («Не пугайся, он служит в ГАИ и про меня все знает»).

Заходим в дом. Здесь нас заждались. Кое-кто был уже навеселе, Сеня с Минькой перекидывались в карточки.

— А вот и виновник торжества с невестой пожаловал! — Шанхай широким жестом руки пригласил нас к столу. — Может, заодно и свадьбу сыграем?

Но Розина мама по-прежнему была непреклонна:

— Ну что ты, Витя, маленькая она еще. Вот через годик — так уж и быть, дам согласие на брак.

Обидно было, но что поделаешь: послушаться маму Роза не могла — татарские обычаи в их семье соблюдались строго. Целый год ожидания. Дождемся ли? Наша блатная жизнь так переменчива: неизвестно, что будет завтра.

На этот раз первый тост Шанхай предложил за меня, объявив, что с этого самого часа я уже не Малыш, а Валька Лихой. Меня обнимали и целовали, вручали подарки. Их было много. Сам Шанхай подарил мне красивый фужер из хрустала, наполнив его вином.

— Пусть твоя жизнь будет такой же полной, а ваша с Розой любовь — столь же крепкой и сладостной, как это вино, — сказал он в своем духе, красиво и витиевато. И тут же, с улыбкой взглянув на свою жену, добавил:

— Как у нас с Блюшкой.

Все засмеялись, его тост прошел на ура. Вторым заходом пили за тех, кто «там». Потом Шанхай попросил принести чистый бокал, налил в него водки и поставил рядом со своим.

— Помянем теперь человека, которого нет, но который всегда будет с нами. Федю Артиста. Душевный был он «босяк», хотя смерть у него дурацкая.

Почти шесть лет прошло с того дня, когда он покончил с собой. Не хотелось бы сравнивать вещи несоизмеримые по масштабам и по сути своей, но раз уж такое сравнение еще тогда пришло мне на ум, не стану и здесь фарисействовать. Со дня окончания войны с фашистами прошло примерно столько же времени, но если об инвалидах, участниках войны, не говоря уже об их семьях, общество постепенно стало забывать (льготы ввели намного позднее), то об Артисте, как и о всех, кто ушел от нас преждевременно, «братва» всегда помнила. И помогать их родственникам считала своим долгом.

Вечером, отправив Розину маму домой, мы пошли в Люберецкий парк, на танцевальную веранду. Роза учила меня танцевать танго. Время от времени я уступал танец своему новому другу — Гена оказался партнером куда более искусным.

Вышли на круг и Шанхай с Блюшкой. Но на площадке, как обычно, собралось много молодых воров, а Витю знали чуть ли не все. И как не сердчала его любимая женушка, потанцевать им шпанята не дапи — каждому хотелось хотя бы словечком перекинуться со знаменитым «вором в законе», а то и получить от него совет.

Танцует с Розой, я обратил внимание на мужчину лет тридцати двух, сидевшего на

скамейке. Он ненавязчиво, но постоянно за нами наблюдал. Его лицо показалось мне знакомым. «Что за фрукт нас «пасет»? — тихонько спрашиваю у Шанхая. — «Опер из Люберец. Да ты его должен знать». — «Корчагин, да ли?» — «Он самый. Тот, что когда-то накрыл вас с Розой на «хате».

Когда, вдоволь натащившись, мы присели на лавочку отдышаться, опер сразу же подошел к нам.

— Здорово, Малыш, — приветствовал он меня, усаживаясь рядом с нами.

— Чего тебе надо? — резко оборвала его моя подруга.

— А ты помолчи, Роза. У нас мужской разговор будет.

— Откуда ты меня знаешь? — взорвалась девушка.

— Я вас всех знаю, — отпарировал опер. И только тогда до нее дошло, что это «контора».

— Давненько из зоны «откинулся»? — спросил он меня.

— Да нет, недавно, — ответил я, нарочито растягивая слова.

— А теперь что, с Татаркой «трудишься»?

— Да нет, я сам по себе.

— Смотрите, чтоб на 93-м автобусе я вас не видел. И вообще, вздумаете «кататься» по Люберецам — пеняйте потом на себя. Всех выловлю. Между прочим, могли бы и сегодня пощекотать вам нервы, — продолжал он, самодовольно ухмыляясь. — Но вы почему-то забыли пригласить нас в день рождения. А зря, с милицией надо жить дружно.

Откуда они могли знать, что мы сегодня гуляем, подумал я. Впрочем, что удивительного, люди ведь тоже работают, каждый из нас делает свое дело. Но двусмысленные намеки Корчагина пришили мне не по душе.

— А этот птенец тоже с вами? — спросил опер, указывая на Гену. Но в это время к нам на подмогу подошел Шанхай.

— Слышь, Корчагин. Не порть нам сегодня настроение. Ведь ты и сам знаешь, что в вашем районе мы не «трудимся».

— Пошли, братва, — обратился он к нам.

Мы поднялись со скамейки.

— Ну что ж, бывайте, — произнес Корчагин снисходительным тоном, как будто, отпуская нас, делал одолжение. — Надеюсь, скоро увидимся.

Мы вышли из парка. Настроение, конечно, было испорчено. День, который я мог считать самым счастливым в своей непутевой воровской жизни, начавшись так радостно, вдруг потускнел. Ну и везет мне — не успел «откинуться», и опять на хвосте уголовный розыск.

Видя, что все приуныли, Шанхай решил поднять настроение:

— Вы что, Корчагина испугались? И зря, без «дела» он ничего не сможет. А мы с вами — тертые калачи, один Лихой чего стоит.

Шанхай улыбнулся, похлопал меня по плечу. На душе стало немного полегче. Хитрый Попик тоже решил нас приободрить.

— Молитесь богу, братья и сестры, и ни-

одна корчага вас не достанет, — пошутил он. — Но люди вы все неверующие, а потому, родненькие мои, призываю хотя бы отмыть грехи в купели. Прости меня, господи, что кощунствую (он истово перекрестился). Махнем-ка завтра в Электророселок на озеро. Вода там прозрачная, воздух сосновый, целительный. Ну как, идет?

— А что, неплохая идея, — откликнулась Роза. — Валентин, Гена, вы согласны?

Предложение Хитрого приняли, хотя и без особого энтузиазма.

Ночевать отправились к Асе. Мы с Розой устроились в садике, на стареньком топчане. Ночь была теплая, пахла буйно цветущей сиренью. А у меня, несмотря на близость любимой девушки, кошки скребли на душе. Будто чувствовал, что недолго нам с Розой осталось гулять на свободе.

...А может быть, хватит вспоминать о печальном? Так много его осело в моей памяти, что в три-четыре присеста не расскажешь. То, что припомнил я, беседа с Иваном Александровичем, лишь малая доля.

Но о чем же еще рассказывать — светлые, радостные минуты в моей непутевой воровской жизни были так редки, что можно пересчитать по пальцам. Вокруг меня кипела жизнь, бушевали страсти, кто-то варил сталь, выращивал хлеб, выдвигал научные гипотезы, писал романы... И все это проходило мимо меня и таких, как я, связавших свою судьбу с преступным миром. А теперь поздно, годы ушли... Но и за то надо быть благодарным судьбе, что нашел в себе силы отречься от позорного прошлого и остаток дней своих проживу в покое.

* * *

Сизый и почти полсотни «живописцев» из его преступной группы — «фрайеры», «мужикки», «солдаты» и прочие — скоро предстанут перед судом. Счет награбленному вели они не на десятки — на сотни тысяч, в том числе и в валюте. Иконы, церковная утварь, картины известных мастеров из музеев. Кстати, до разъяснения Ивана Александровича не знал я о том, что иконы и другое церковное имущество является у нас достоянием государства, как было объявлено декретом еще в 1921 году. А потому и судить воров будут по статье 89 УК РСФСР — за хищение государственного имущества.

Но вот что касается самого Сизого, по сей день у прокурора и судей есть сомнения — удастся ли вообще привлечь его к уголовной ответственности по этому делу за всю его организаторскую преступную работу. Ведь до сих пор, как уже говорил мне Иван Александрович, нет статьи закона, по которой можно было бы осудить мафиози-лидера, стоящего над группой. Хотя именно он является и организатором, и разработчиком преступных идей, и вся «команда» находится фактически на его содержании. Собственно, статья-то есть. Но ее можно применить только к тем (вроде наших прошлых паханов), которые участвовали в организа-

ции конкретного преступления. Сизый же — птица другого полета, это новое поколение делаяг. Разве мы могли допустить такое безобразие и беспредел, чтобы кто-то где-то верховодил, выдвигая идеи, а ему за это отстегивали пиастры. Нет, у нас все было честно: работал, фиксовал — получи, нет — соси лапу. Конечно, как говорил Иван Александрович, Сизому поднатянут и организацию похищений, но это несправедливо, ведь его работа по управлению и сплочению сообщества куда опаснее.

Что же касается меня, Лихого, бывшего «вора в законе», то на этот раз мне повезло, причем совершенно неожиданно. Постарался все тот же Иван Александрович, который поставил перед прокурором вопрос о прекращении в отношении меня уголовного дела в связи с отсутствием злого умысла. Представляю, каких усилий стоило Ивану Александровичу убедить прокурора о моем освобождении из-под ареста.

Ведь как там ни крути, я рецидивист — личность уже сама по себе согласно криминологической теории опасная. (Мы тоже читали учебник криминологии, о том, как о нас пишут. Ох, много надумано, человека там не видно, одни цифры. А все потому, что сидят ученые в кабинетах и сочиняют.) Конечно, к нашему брату снисхождения не жди, и суд традиционно запишет в приговоре: «После освобождения из мест лишения свободы на путь исправления не встал и...» А что он знает об исправлении, если первый раз меня видит. Вон в Америке, слышал я где-то, — там при обсуждении тюремных вопросов присутствуют даже представители осужденных. Судьи же согласились посидеть по два дня в камерах. Мало, но и это уже что-то значит. Ну, а если еще и особо опасный рецидивист (есть такое узаконенное звание), то только за одно это можно получить чирик за простую кражу, даже если в кошелке лежала одна копейка. Вот тебе и прогресс в уголовном праве, о котором так много говорили в конце 50-х, имея в виду исключение из него понятия опасного состояния личности. Сейчас мало кто знает, что это такое. А это было страшное понятие. Только по умо-заключению какого-нибудь работника юстиции можно было отправить человека в лагерь или ссылку. Теперь по-другому. Особо опасный рецидивист — это не просто человек, это еще и квалифицирующий признак: тот, кто совершил квартирную кражу со взломом, получит 2 года, а тот, кто особо опасный, и без взлома получит 10...

Иван Александрович обещал помочь мне с пропиской в общежитии и с работой. Он просил, чтобы наши беседы за чаем продолжались и чтобы свои рассказы я в дальнейшем записывал. Постараюсь по возможности это делать. Может быть, мои записи пригодятся ему, да и многим другим.

Историю преступности тоже надо знать — может, лучше разберутся в ее причинах и корнях. Ведь преступником никто не рождается.

«На родине Степана Бандеры
в селе Старый Угрынив открыт музей».
Из газет.

«СЕРЫЙ ГЕНЕРАЛ»,

ИЛИ О ЧЕМ МОЛЧАТ ЭКСПОНАТЫ В МУЗЕЕ С. БАНДЕРЫ

15 октября 1959 года на одной из тихих улиц Мюнхена — Крейтмайрштрассе, у дома № 7 разыгрались события, всколыхнувшие сонную тишину фешенебельного района. Выстрелом в лицо ампулой с цианистым калием из бесшумного пистолета был убит «скромный украинский эмигрант» — как написали многие местные газеты — Стефан Поппель. И лишь немногие из заграничного руководства организации украинских националистов знали, что под этим именем скрывается Степан Бандера — «серый генерал», руководитель и идейный вдохновитель украинского националистического подполья.

Версий у местной полиции было немного. Одна из них: убийца — Сташинский — секретный агент Москвы, покаравшей наконец-то одного из своих злейших врагов. Вторая (к которой, кстати, сегодня склоняется большинство исследователей): это успешная операция западногерманских спецслужб, убравших своего «отработавшего» высокопоставленного агента, осмелившегося даже шантажировать тайных покровителей. Кто знает, какая из них верна. Почему на ступеньках роскошной виллы был застрелен «неприметный» любитель выращивать розы?

...Более тридцати лет прошло с того осеннего дня. Много событий — и трагичных, и радостных — прошумело над просторами Украины. Зарубцевались раны страшной войны. Казало бы, история однозначно расставила акценты, ответив на вопрос: кто же такой на самом деле Бандера? И разночтений в оценке этой одинокой исторической фигуры до поры до времени ни у кого не возникало.

До поры до времени... Пока в водовороте политических событий на Западной Украине, сопровождающих в последние годы острейшую борьбу за власть, не стали происходить странные с точки зрения здравого смысла события. Новоявленные «решители интересов украинской нации» вновь обратились к истории, стремясь переписать некоторые ее страницы с вполне определенной целью.

КЛИЧКА — «СЕРЫЙ»

Кровавый след за Степаном Бандерой тянется еще с конца двадцатых годов, когда сын священника греко-католической церкви, студент-неудачник Львовского политехнического института появляется на политической сцене западных областей Украины, чтобы утвердиться в руководстве террористической УВО (Украинская военная организация), членом которой он состоял с 18 лет. Но, хорошо понимая, что наступают иные времена и одними лишь актами безрассудного террора политического капитала не завоеешь, он прилагает руку к созданию любимого детища — ОУН. Эта «Организация украинских националистов», родившаяся в Вене в начале 1929 года, усеяла свой путь на протяжении более трех десятилетий тысячами безвинных жертв. По жестокости оуновцы превосходили даже своих верных хозяев — гитлеровцев. Недаром еще в начале своей де-

тельности на ниве борьбы за «самостийность Украины» С. Бандера откровенничал на страницах националистической газеты «Сурма»: «Нет среди нас места для людей малой веры или слабонервных... Таких надо без всякого милосердия бросать себе под ноги, ибо кто не шагает вместе, тот мешает в пути...»

В 1933 году агент германской разведки по кличке Серый назначается на пост председателя исполкома ОУН по Галиции и Волыни. Именно здесь-то он и развернул бурную деятельность по расправе с неугодными, не разделявшими его политических убеждений. При этом не делалось скидок ни на что.

Вот только краткий список жертв новоявленного «фюрера», которых он лично отдал приказу уничтожить. Среди убитых — ученик седьмого класса гимназии, рабочий, директор гимназии, студент, писатель...

Однако С. Бандера хорошо понимал, что для отработки «иудиных сребреников» этого мало: нужен громкий процесс, на котором он бы во весь голос заявил о своих амбициях, приверженности идеям национализма. Именно таким процессом стал Варшавский, последовавший за убийством С. Бандерой министра внутренних дел Польши Бронислава Перацкого 15 июля 1934 года в Варшаве.

Заместитель начальника второго отдела абвера полковник Эрвин Штольце после разговора со Степаном Бандерой охарактеризовал его кратко: «Карьерист, фанатик и бандит».

В преддверии войны с Польшей германский абвер всерьез опасался, как бы в суматохе первых дней вооруженной борьбы не пострадали его наиболее преданные и ценные агенты. Вот почему для освобождения С. Бандеры из варшавской тюрьмы «Святой крест», где он отбывал пожизненное заключение за террористическую деятельность на территории Польши, была проведена настоящая военная операция: высажен воздушный десант.

«Счастлирое» спасение надо было отработать. И Степан Бандера постарался сделать так, чтобы его немецкие хозяева остались довольны. Он разворачивает на этой ниве бурную деятельность, не ограничиваясь одними лишь уверениями в преданности. Например, вооруженные формирования ОУН активно помогали немцам при вторжении в Польшу. Действуя по приказу Бандеры, банды Тараса Боровца участвовали в разоружении польских пограничных постов, в блокировании воинских частей. А одна из частей ОУН под командованием «полковника» Романа Сушко удостоилась даже похвалы немецкого командования за «усердие и упорство» в бою,

С началом Отечественной войны формирования бандеровцев стали действовать по единому плану, тщательно разрабатываемому и координированному разведорганами гитлеровского рейха. В частности, весьма красноречиво признание полковника Штольце, сделанное им во время Нюрнбергского процесса: «...Мною лично было дано указание руководителям украинских националистов германским агентам Мельнику (кличка Канцлер-1) и Бандере (Серый) организовать сразу же после нападения Германии на Советский Союз провокационные выступления на Украине...»

«СОЛОВЬИ» ИЛИ СТЕРВЯТНИКИ?

30 июня 1941 года стал черным днем для жителей древнего Львова. В этот день в город ворвались немецко-фашистские войска. Вместе с ними — боевики ОУН, сведенные по предложению Бандеры в батальон «Нахтигаль». Бандеровцам — «соловьям» (на их автомашинах красовалось изображение этой птицы!) было с кого брать пример — непосредственное руководство формированием осуществляли немецкий офицер Альбрехт Харцнер, «полномочный представитель» абвера Теодор Оберлендер и правая рука Бандеры — палач и убийца Роман Шухевич.

Благословляемые своим духовным «фюрером», боевики вместе со срочно прибывшим из Берлина специальным подразделением — «эйнзатцкомандой» офицера СС Кольфа — принялись усердно насаждать в оккупированном Львове «новый порядок». Бандера напутствовал своих «борцов» за единую, неделимую Украину: «Наша власть должна быть страшной... Рекомендуется уничтожать всех, кто будет оказывать сопротивление режиму...»

Только за первые дни оккупации Львова боевики ОУН уничтожили лучших представителей львовской интеллигенции — более 3 тысяч юристов, врачей, инженеров, деятелей культуры, искусства. Среди них — ректор Львовского университета Роман Ремский, писательница Галина Гурская и трое ее сыновей, ученый-юрист с мировым именем Роман Лонгшалноде-Берье, профессор Бой-Желенский и многие другие — истинный цвет украинской культуры.

Кажется, и сегодня кровавыми слезами плачут камни древней крепости «Цитадель», возвышающейся над городом, где оуновцы уничтожили тысячи советских военнопленных. Кажется, и сегодня шевелится земля в братских могилах, где захоронены десятки тысяч расстрелянных мирных жителей в окрестностях Яновского леса. Кажется, и сегодня слышны стоны детей за колючей проволокой страшного львовского гетто...

Только пусть не возмущаются нынешние почитатели Степана Бандеры, не распыняются о том, что оуновцы боролись лишь

19

против «засилия русских», за «суверенность Украины», за «единую и неделимую». География их «боевых действий» охватывала всю Западную Украину, Польшу. Используя наставления Бандеры (помните — «наша власть должна быть страшной...!»), они не жалели никого: ни женщин, ни детей. К примеру, только с июля до конца 1944 г. бандиты убили в Станиславской (ныне Ивано-Франковская.—А. А.) области 2785 советских граждан; с февраля 1944 г. по октябрь 1945 г. в Воынской — 1932 жителя, среди них 313 детей, 615 женщин, 365 стариков. С лета 1944 года по май 1946 года во Львовской области (в границах того времени) оуновцы замучили 5088 человек, из которых более 3 тысячи — крестьян.

Ежемесячно абвер перечислял «борцам за свободу» такие суммы: 5 тысяч рублей, 10 000 злотых, 3000 пенго, 4000 крон. Это — плата за кровь...

Выдающийся украинский писатель-трибун, непримиримый борец с национализмом во всех его проявлениях Ярослав Галан, тоже ставший жертвой «серого генерала» в 1949 году, так писал о «действиях» бандеровцев: «Вот уже два года земля Воыни захлебывается человеческой кровью. Вот уже два года, как от совершенных зверств седеют головы у юных девушек. Вооруженные до зубов бандеровцы, прислуживая Гитлеру, окружают на рассвете польские деревни, поджигают дома и топорами убивают жителей, пытающихся спастись из объятых пламенем домов».

Всего во Львовской области за время немецкой оккупации было уничтожено 679800 человек, в Тернопольской — 256040, в Ровенской — 200946, в Воынской — 165339, в Закарпатье — 114982 человека. Кровь этих несчастных и на руках руководителя и вдохновителя ОУН — Степана Бандеры.

«ТВОРЦЫ НОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ»

После окончания войны Степан Бандера с помощью новых хозяев — заокеанских, под чье крыло он переметнулся, — разрабатывает новую тактику действий своих отрядов. И неважно, как они называются — ОУН, УПА («Украинская повстанческая армия»), НОРО («Народноосвободительная революционная организация»), методы остаются прежними — убийства, зверства, запугивания. И пусть крупные бандформирова-

рования распались на множество мелких, они не стали от этого менее кровавыми. А «серый генерал» Бандера не забывал в это время подбрасывать из-за рубежа, из Мюнхена, где он в это время обретался, очередные инструкции: «Необходимо запугивать население усилением массового террора над активистами... Ликвидация разрешается всеми доступными методами — путем расстрела, повешения и даже четвертования...»

Отрабатывая теперь уже американские доллары и западногерманские марки, подручные Бандеры творили страшные преступления на западноукраинских землях. Вот только два примера из кровавой хроники конца 40-х годов. Осенью 1949 года бандеровцы ворвались ночью в село Лозова. За полтора часа страшной резни они уничтожили более 100 мирных крестьян. В доме украинки Н. Дягун зверски зарубили топором ее и троих сыновей. Младшему, четырехлетнему Владу, отрубили ручки и ножки. Трагедия Лозовы далеко не единична. Только в селах Куличков, Ванев, Низи, Глухов Сокальского района на Львовщине националисты убили более 100 человек — детей, женщин, стариков.

Некоторые из ближайших приближенных Степана Бандеры пытались если не оправдать террор против своего же народа, то вывести потерявшее человеческий облик оуновское движение на новую ступень. В частности, один из главных «идеологов» ОУН Ярослав Стецко писал: «Украинские националисты как творцы новой действительности должны быть достойными своей роли, быть сильными индивидуальностями и соединять в себе наилучшие черты человека и борца...»

И они соединяли «лучшие черты». Вот только короткие «жизнеописания» наиболее активных «творцов новой действительности», бесславно закончивших жизненный путь на виселице или от чекистской пули, проклятых истинными патриотами украинской земли.

Один из ближайших сподвижников Бандеры, «генерал» так называемой «Украинской повстанческой армии» Роман Шухевич (он же Тарас Чупрынка, он же Роман Лозовский), руководитель батальона «Нахтигаль». Не забывая перемежать упражнения в стрельбе из автомата по мирным жителям с теоретическими «изысканиями», регулярно публиковал свои статьи в профашистской прессе. При проведении очередной «акции устрашения» убит в бою с воинами внутренних войск 5 марта 1950 года в Билогородском лесу под Львовом. Сегодня его именем названа улица в Дрогобыче...

Еще одна колоритная фигура, которой матери долгое время пугали детей и которую нынешние приверженцы ОУН причисляют к «героям Украины». Это «полководец» УПА Василий Сидор (он же — Шелест). Начиная с 30-х годов, активно создавал вооруженные отряды «волков», оставивших след и на территории Украины, и в Польше. Закончил свою «карьеру» в бою с нашими солдатами в 1949 г. в лесу под Станиславом.

Можно было бы назвать немало и других руководителей банд-формирований, униятским крестом и националистическим мечом «перекрестивших» народ Западной Украины. Будут здесь имена Михаила Дуды (Громенко, Зиновий), Михаила Федака (Смирный, Бриль), Дмитра Грицала (Перебийнос), Василя Галаса (Орлан, Назар) и многих других боевиков-наемников, кого сегодня пытаются отмыть от грязи и крови те, кто под завесой борьбы за самостоятельность, независимость развернул борьбу за власть.

Плохо, видно, знают подобные деятели историю своего родного края, редко заглядывают они в архивы. А если бы заглянули, увидели бы немало (хотел написать «интересного», но вовремя остановился!) страшной правды о «псевдорицарях» нации.

...Передо мной карта. Оформлена если не по всем правилам военной топографии, то с явным знанием дела. Надпись на ней гласит «Дислокация УПА в районе тактического отдела № 1 «Лемко» (1945 год)». Это — приложение к инструкциям, которые давались вышеуказанными «полковниками» во главе с Бандерой-Серым своим подручным. Дислокация банд исполнителей хозяйской воли точно обозначена на карте: «Стах», «Ласточка», «Лис», «Бурлак» и другие. Всего подобных «куреней» (отрядов) в «районе № 1» (территория Польши)—10.

«Боевые» действия велись не только на карте. Бандеровцы (в ряды которых, кстати, с окончанием войны влилось немало дезертиров, недобитых эсэсовцев, просто-напросто уголовников) с привычной им жестокостью действовали и на территории Польши — суверенного сопредельного государства.

Вот только несколько примеров их «деятельности» в тех краях, где пока еще им памятников не ставят. Зимой 1946 года отряд «Рена» захватил врасплох роту польских солдат, остановившихся на отдых в окрестностях Смольника. После пыток и издевательств тридцать «жолнежей» — поляков были обезглавлены топором.

Ворвавшись в деревни Гусвице и Волковыя, бандиты из сотни «Хры» устроили там «кровавую баню». В Гусвице, согнав женщин, детей, стариков и всех мужчин в сарай, сожгли их. Молодых женщин изнасиловали и из «милости» расстреляли. В Волковыя нескольких мужчин привязали к лавкам и перепилили пополам. Беременной женщине вспорили живот, выбросили ребенка, положили живого кролика и зашили сапожными нитками...

ДОСТОЙНЫЕ «ПРЕЕМНИКИ»

Минувшее лето было поистине будоражащим для старинного Львова. Демонстрации, митинги, то и дело возникающие слухи... Да и местная пресса в лице газет «За вольную Украину», «Молодой Галичины» подливали, как говорится, масла. И от этого огонь политических страстей разгорался еще ярче.

Среди множества лозунгов самого различного толка есть и такой, например, «Слава герою Украины — Степану Бандере!» Ярко кричат слова с плаката, который держит в руках парень в кепке-«бандеровке» и со значком «СНУМ» на лацкане пиджака. СНУМ — одно из многих мафис- и мини-обществ, возникших на Украине за последнее время. Но, пожалуй, ни в одном из них так близко не смыкаются (заостряются) противоречия...

Что же такое СНУМ? Почему эта организация оказалась в числе наиболее активных в водовороте политических страстей?

СНУМ («Союз независимой украинской молодежи») — организация, провозглашающая принципы, на первый взгляд вполне соответствующие духу нашего беспокойного сегодняшнего дня. Здесь и самостоятельность Украины, самоопределение украинского народа, борьба за сохранение и развитие национальных традиций, обрядов, языка, и многое другое.

Но если все-таки к «снумовцам» присмотреться повнимательнее, увидим: это — последователи «серого генерала». Хорошо организованные, всесторонне подготовленные, опирающиеся на собственную идеологическую базу, имеющие четкую структуру, поставившие перед собой конкретную цель и упорно ее добивающиеся. Цель эта — занять достойное место во вновь образуемых структурах политической власти на Украине. Ни больше, ни меньше!

«...Мы принципиально отбрасываем насильственные методы борьбы за независимую Украинскую Державу, так как это пойдет только во вред нашему народу» — это слова из программно-политического заявления «Союза», которое его активисты щедро распространяют на предприятиях и в учебных заведениях. Что ж, мысль вроде бы верная: кровопролитие в борьбе за власть — метод довольно распространенный. Только вот как быть с боевиками — «снумовцами», которые активно занимаются отнюдь не изучением украинского фольклора в своих лагерях? Да и, как видно, не случайно даже в заголовке газеты «Молодой националист» (!) — органе Львовской краевой организации СНУМ, использовано не что иное, как немецкий «готический» шрифт. Хочешь не хочешь, аналогии напрашиваются сами собой... Так что с тезисом о «неприменении силы» деятельность СНУМа мало вяжется, тем более, что сегодняшним молодым националистам есть с кого брать пример.

Они этого и не скрывают. Например, один из лидеров СНУМа Роман Ткачук очень любит блеснуть эрудицией, начитанностью, знанием истории. При этом «маленький фюрер» 80-х годов нередко ссылается на классиков национализма, таких, как Микола Михневский и ему подобные. Особенно популярна у него такая мысль «великого», высказанная тем еще в 1900 году: «...Сегодня весь цвет украинской нации живет одной мыслью, одной мечтой, одной надеждой: «Одна, единая, неделимая, свободная Украина от Карпат аж до Кавказа...» Не правда ли, знакомый тезис: «От... и до...»?!

Но это, как говорится, было и прошло. А сегодня «цвет украинской нации», к которому, безусловно, причисляют себя Р. Ткачук и ему подобные, озабочен одним — как бы обелить предшественников, поднять на пьедестал тех, кого проклинали в народе.

При этом дело уже не ограничивается чтением литературы и вербовкой «молодого поколения». Все чаще и чаще «снумовцы» переходят к решительным практическим действиям.

1 октября 1989 года. В рядах тех, кто бросился на штурм областного управления внутренних дел, было немало парней со знакомыми значками на груди. И в руках у них были отнюдь не брошюры с изречениями «классиков» национализма, а заточенные прутья, ножи и кастеты...

Апрель 1990 года. В так называемый «День неповиновения» группа «снумовцев» зверски избивала нескольких пожилых людей — ветеранов войны только за то, что на груди у них были орденские планки. А над толпой, собравшейся на митинг и безучастно взиравшей на избивание, колыхались плакаты с надписью «Степан Бандера — наш герой!» и портреты «серого генерала». Он еле заметно улыбается. Он мог бы быть доволен последователями...

«Отмывание» зловещего образа Степана Бандеры сегодня на Западной Украине идет полным ходом: в Червонограде и Дрогобыче в его честь установлены памятные знаки, в Новом Роздоле и Сокале его именем названы улицы...

За «снумовцами» пристально следят из-за кордона те, кому не дают покоя лавры «серого генерала», кто руками вот этих украинских парней в «бандеровках» сегодня загребают жар на подобных «мероприятиях». Весьма красноречивы документы, отпечатанные отнюдь не во львовских типографиях. Вот выдержки только из одного, которым со мной любезно поделился один из многочисленных «агитаторов» на митинге, — «Бюллетеня зарубежного прохода ОУН» № 3, 1989 г.:

«Московско-большевистские империалисты заковали тебя, украинский народ, в тяжелье оковы и бросили в тюрьму. Ты лежишь весь окровавленный, весь истерзанный, весь в лохмотьях, измученный голодом, непосильным каторжным трудом, окутанный дурманом московского вранья. Большевистская Москва бдительно нас стережет. Она наступила на нас своею грязною пятой и душит. Она всосалась миллионноголовым паразитом в наше тело и высасывает нашу кровь, все наши силы, все наши богатства, весь труд наших рук».

Но дело подобными душераздирающими заклинаниями далеко не ограничивается. Плодотворно работающий «зарубежный провод» любезно предоставляет оуновцам и им подобным практические рекомендации по дестабилизации существующего строя и весьма похожие на те, с которыми «лесные братья» пробирались через границу в конце 40-х годов:

1) Всегда и везде говорить только по-украински.

2) Воспитывать детей в духе украинского патриотизма. Разъяснять детям, что Москва — враг Украины, ее поработитель.

3) Повсюду саботировать выполнение производственных планов, в т. ч. уничтожать хлеб, саботировать работу фабрик и заводов, транспорта.

4) Тайно уничтожать большевистских при- служников из МВД—КГБ, лиц администрации.

5) Быть постоянно готовым откликнуться на призыв ОУН приступить к окончательной вооруженной расправе с московско-большевистскими оккупантами...

Упоминание в этом документе о войнах внутренних войск отнюдь не случайно. Видно, так запомнились оуновцам встречи с ними в сегодня уже давние послевоенные годы, что и своих молодых последователей они не забывают предостеречь. А те, в свою очередь, постоянно заклинаяют: «Вспомните 40—50 годы, когда энкаведисты расправлялись с нашими братьями, боровшимися за свободу». Что и говорить, преемственность налицо. Да если и вспоминать те годы, я думаю, это не пойдет на пользу СНУМу. Фактов мы привели уже достаточно.

То, что преемственность СНУМа и ОУН существует — несомненно. Вот одно из газетных сообщений: «В воскресенье, 4 марта 1990 года дрогобычским СНУМом было организовано освящение могил стрельцов УПА в селе Дубляны Самборского района. Панихиду отпраздновал местный священник греко-католической церкви...» Как тут не вспомнить июльский день 1941 года, когда митрополит Андрей Шептицкий благословил на кровавые дела убийц из батальона «Нахтигаль».

— А не нагнетает ли автор страху? — спросит иной читатель. — Не сгущает ли краски?

Нет! Не нагнетаю и не сгущаю. Сегодня уже всюю катится по Западной Украине волна переименований улиц фамилиями детоубийц Бандеры, Шухевича и других, им подобных. Сегодня повсюду полощутся на ветру желто-голубые флаги с трезубцем, под которыми лютовали в войну эсэсовцы с украинскими фамилиями. Сегодня во львовских школах на приветствие учителя: «Слава Украине!» — первоклашки дружно отвечают бандеровским: «Героям слава!» Сегодня организации Союза независимой украинской молодежи активно действуют в 15 областных центрах Украины... Что будет завтра?

А. АНДРЕЕВ

УРОКИ ДАЕТ ТРЕНЕР-МЕТОДИСТ МАКСИМ ГЛАДКОВ

По многочисленным просьбам наших читателей мы продолжаем публикацию материалов, посвященных боевым искусствам Востока. Как и раньше, занятия будут построены с учетом специфики службы внутренних войск МВД СССР. Но на этот раз они объединены единым тематическим планом — таковы были пожелания читателей.

И еще одно отличие от прежних публикаций: теперь автор намерен не просто описать отдельные технические действия, а помочь более углубленно изучить различные методы их отработки, методики планирования тренировочного процесса и построения отдельных занятий, способов совершенствования функциональных физических качеств, как общих, так и специальных.

Итак, начнем. Наша главная задача — владение арсеналом технических действий в объеме первого года обучения и приобретение физических качеств, необходимых для эффективного применения изученных технических приемов. Средство ее выполнения — круглогодичная тренировка, включающая занятия по технической (ТП), общей физической (ОФП) и специальной физической подготовке (СФП). Для достижения наилучшего результата все эти виды выстраиваются в определенной последовательности.

За основную единицу тренировочного процесса примем неделю. И тогда недельный микроцикл можно построить следующим образом: понедельник — ТП, вторник — ТП, среда — СФП, четверг — ТП, пятница — ТП, суббота — ОФП, воскресенье — отдых. Подобной схемы целесообразно придерживаться от одного до нескольких месяцев, постепенно повышая сложность заданий. Например, на этой неделе в рамках занятий по ТП вы отработали отдельные удары по лапам и по воздуху, а на следующей переходите к тренировке в нанесении тех же ударов по мешку и их отработке в паре. Или, допустим, занимаясь СФП на этой неделе, вы уделяли основное внимание специальной гибкости, на следующей не-

деле можно переключиться на специальную выносливость и т. д. Возможно также и комплексное построение занятия в целях совершенствования сразу нескольких качеств.

Но довольно примеров, рассмотрим наиболее общий типовой план построения занятий по ТП:

I. Подготовительная часть (разминка)—30 минут.

1. Общеразвивающие упражнения.
2. Разминочный бег, беговые упражнения или упражнения со скакалкой.
3. Упражнения на растягивание.

II. Основная часть—35 минут.

1. Отработка отдельных приемов по воздуху.
2. Тренировка в нанесении ударов по лапе, мешку, груше.
3. Закрепление отработанных приемов в парах.
4. Учебный или тренировочный бой (не применяется на каждом занятии).
5. Бой с тенью при полной отработке изученных приемов.

III. Заключительная часть—5 минут.

1. Упражнения на восстановление дыхания.
2. Упражнения на расслабление.

В последующем мы рассмотрим порядок построения других видов тренировок и познакомимся с методикой совершенствования различных навыков. Сегодняшнее же занятие посвящено постановке отдельных видов ударов и их комбинаций.

Изучение любого удара начинается с его медленного выполнения по воздуху. Не то-

ропитесь, для лучшего самоконтроля используйте зеркало. Но не следует отказываться и от помощи партнера.

Когда форма удара отработана, начинается его постановка на боксерских лапах. Следует учитывать, что лапы не рассчитаны на тренировку силы удара, главное—закрепить правильную форму, сделать его точным, быстрым, приобрести так называемое чувство дистанции.

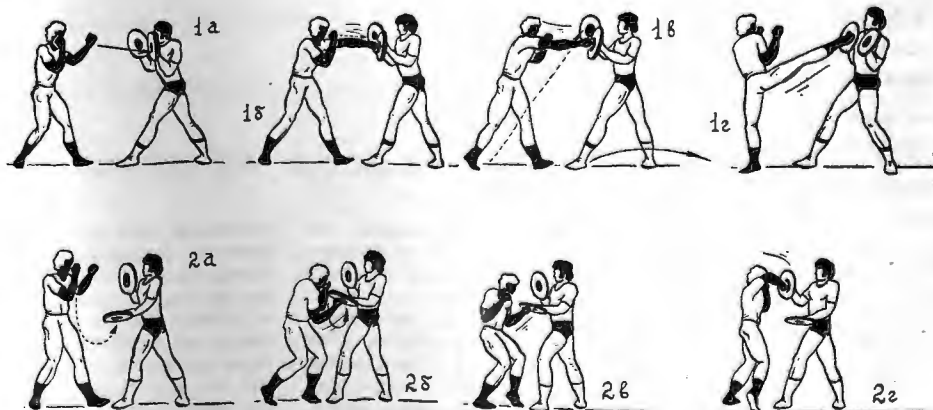
Особой сложности отработка отдельных ударов на лапах не представляет, потому перейдем к изучению комбинаций.

Комбинация № 1: для боя на дальней дистанции. Исходное положение—основная стойка, партнер держит левую лапу прямо, правую—боком на уровне головы (рис. 1 а); 1—прямой удар левой по левой лапе (рис. 1 б), 2—прямой удар правой по левой лапе (рис. 1 в), 3—боковой удар правой ногой по правой лапе (рис. 1 г). Примечание: удары руками и ногой выполняются слитно, без пауз.

Комбинация № 2: для боя на ближней дистанции. Исходное положение—основная стойка, партнер держит левую лапу лицевой стороной вниз на уровне пояса, правую—боком на уровне головы (рис. 2 а); 1—апперкот с правой в левую лапу (рис. 2 б), 2—апперкот с левой в левую лапу (рис. 2 в), 3—боковой удар с правой в правую лапу с перестановкой правой ноги вперед-выравно (рис. 2 г).

Еще одно напоминание: прежде чем приступить к выполнению комбинаций, желательно потренироваться в выполнении каждого удара отдельно.

Рис. Е. Гладкова.

А ВОТ БЫЛ СЛУЧАЙ

На «пятачке»

Все утро шумной ватагой сидели мы на льду, отгороженные от леденящего ветра круто обрывающимся берегом. Клев был неважный. Мормышку лишь изредка теребили мелкие окуньки. Разочарованные рыболовы один за другим покидали негостеприимное место. И вот на яме осталось всего двое — я и круглолицый крепыш.

— Ну, а теперь будем ловить, — весело подмигнул мне сосед. Он аккуратно закрыл снегом десятки глазниц — лунок, усеявших «пятачку», и по-хозяйски плюхнулся на ведро, заменявшее ему рыбацкий ящик.

— Не мешает притемнить и «рабочую» лунку, — помолчал, промолвил он, и тут же выволок на лед увесистого горбача. Потом еще одного.

Вскоре увенчались успехом и мои манипуляции с мормышкой: на крючке вдруг повисла, заставив екнуть сердце, живая тяжесть. И вот он, первый желанный трофей — колючеперый окунище.

— Прячь, обрубят... — обернулся сосед.

Куда там! Со всех сторон уже спешили к нам рыболовы. Гулко ударили пещни, со скрежетом вгрызались в лед коловороты. И... клев словно отрезало.

— Все, — поднялся сосед. — Теперь сиди не сиди — толку все равно не будет. — И, кивнув мне на прощание, как старому знакомому, он направился к автобусной остановке.

Я последовал его примеру.

Н. ФЕТИНОВ.

РАССКАЗЫ У КОСТРА

Серьезный заяц

Давняя пороша и многолюдье превращали тропление зайца в бесплодное занятие. Отказавшись от него, решил поохотиться на лису, которую ежедневно видел на небольшом поле, обрамленном зарослями кустарника.

Стояла мягкая, безветренная погода. Через кусты тихо выбрался на окраину поля и залег за копной старой соломы.

Лисица была на месте. Она кружила вокруг стога, рылась в снегу, играла с пойманными мышами.

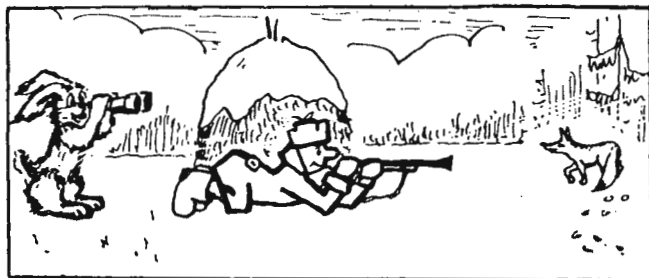
Несколько раз она направлялась в мою сторону. От волнения гулко стучало сердце, першило в горле. Так продолжалось более двух часов. Начали стыть руки и ноги. Я лежал, затаив дыхание, боясь пошевелиться. А рыжая, словно дразня, пробежала мимо, не приближаясь на расстояние выстрела. Еще некоторое время она, ползая по завалу (творение мелиораторов), спокойно затрусилась к дороге и вскоре исчезла.

Вздохнул с облегчением: наконец-то кончились мои мучения. И только поднялся, сделал несколько согревающих движений, как с другой стороны копейки вымахнул беляк. Оказывает-ся, мы с ним лежали рядом: один терпеливо ждал приближения лисы, а другой страшился этого. Дав ему отбежать метров на двадцать пять, я прицелился и выстрелил. Заяц сел. Передними лапками быстро протер мордочку, глаза. Показалось, что он погрозил мне, как бы говоря: «Эх ты, мазила!» — и был таков.

Я расхохотался и не успел выстрелить со второго ствола. Но несколько об этом не жалел. К моей радости, повалил снег. Крупные хлопья густо и обильно падали сверху, засыпая старые следы.

Впереди ждала свежая пороша!

Полковник
Г. БЕЛОБОРДОВ.

УЗЕЛКИ НА ПАМЯТЬ

С мальком на окуня

При ловле окуня на малька обычно рыболовы цепляют живца или за спинку, или за верхнюю губу. Целесообразнее же прокалывать тело рыбки почти у самого хвостового плавника, ибо полосатый хищник хватается своей добычей, как правило, именно с

хвоста. И еще совет: жало крючка непременно надо выводить наружу. Тогда малек дольше остается живым и бойким, что, само собой, повышает шанс на успех. К тому же в этом случае будут на нет сведены сходы при поклевках.

В. СЕДОЙ.

КАК ВЫБРАТЬ ЩЕНКА

ВЫ РЕШИЛИ взять в дом собаку? Не торопитесь, обдумайте все хорошенько: не прихоть ли это? Собака не игрушка, не пустая забава, а живое существо, наделенное от природы верным, любящим сердцем. По силам ли вам ответственность за ее судьбу? Ведь «прописав» в доме собаку, вы будете вынуждены изменить режим своего бытия. Появится досадная необходимость в ранних подъемах, когда сон так сладок, в прогулках при любой погоде; возникнут сложности с отпуском и командировками: и с собой не возьмешь, и оставить не на кого; не исключены и осложнения во взаимоотношениях с соседями, знакомыми и близкими.

К тому же, пока щенок растет, неизбежны лужицы и кучки на полу и столь дефицитных ныне ковровых дорожках, царапины от молочных зубов-иглолек на руках и ногах, постоянные и порой успешные попытки погрызть вашу мебель, обувь. Готовы ли вы к этому? Если да, то примите во внимание несколько советов, которые, надеюсь, помогут вам в задуманном предприятии.

Итак, логичен вопрос, которым вы зададитесь: какую собаку заводить? Чтобы ответить, необходимо определиться, с какой целью она приобретается, где будет содержаться (в квартире или во дворе), кто станет за ней ухаживать и кто будет в этом помогать. Учтите, что удачный, обдуманный выбор собаки обеспечит вам годы приятной близости с преданным и

необременительным существом. В противном же случае питомец станет источником трудностей и даже крупных неприятностей, которые могут навсегда погасить в вас интерес к собаководству.

Прикидывая размеры будущей собаки с учетом размеров жилища, следует принимать во внимание и ее темперамент. Сентиментальный сеттер, для которого главное удовольствие — умильнс взирать на кумира-хозяина, меньше страдает от тесноты городской квартиры, чем шаловливый маленький терьер. Впрочем, даже в маленькой комнатухе можно держать собаку при условии, что с ней будут достаточно много гулять.

Если вы хотите нежную и привязчивую собаку, которая, положив голову на ваше колено, подняв янтарные глаза, будет часами глядеть на вас с немлем обожанием, я порекомендую коккер-спаниеля или представителя какой-нибудь сходной длинноухой и длинношерстной породы.

Лучшей универсальной собакой служебной породы является немецкая овчарка. Она неприхотлива к условиям содержания и кормления, легко приспособляется к различному климату, хорошо дрессируется и прекрасно служит. Ее можно содержать и в квартире, и во дворе. Не случайно эти собаки пользуются большим спросом в Вооруженных Силах, внутренних войсках и органах МВД.

Для охраны двора или сада пригодны кавказские, среднеазиатские и южнорусские овчарки, ротвейле-

ры, черные терьеры. Для спортивных целей успешно используются эрдельтерьеры, шотландские овчарки (колли), доберманы.

Покупайте собаку, здоровую телом и духом. Если у вас нет каких-либо веских причин для иного выбора, берите самого сильного, толстого и бойкого щенка в помете (эти три свойства сопутствуют друг другу с удивительным постоянством).

Предпочтительны щенки из пометов, родившиеся во второй половине зимы. В этом случае подрастающие малыши лучше окрепнут под лучами весеннего солнца, а неприятности, связанные с уборкой за ними, совпадут с сезоном открытых окон, а следовательно, свежим воздухом в квартире.

Пол щенка — существенный критерий выбора. Сука, как правило, более послушна, не склонна к дракам, представляет интерес для племенной работы, даже если не блещет экстерьером и другими качествами. Ведь и в этом случае она нужна в породе как носительница генофонда.

Поклонники собак сильного пола мирятся с их драчливостью и самостоятельностью, тем более, что свойства эти можно свести к минимуму воспитанием. Они ценят в кобелях высокую работоспособность.

В месячном возрасте у щенка можно определить формат (квадратный или растянутый), тип головы, постав хвоста. Видна правильность прикуса, хотя он может измениться по мере роста щенка или при смене зубов. Следует браковать щенков-заморышей, с неправильным прикусом, с пупочной грыжей, уродствами конечностей, нестандартного окраса. При осмотре конечностей обращают внимание на правильность их строения, проверяют, удалены ли прибылые пальцы (на задних лапах), смотрят, как стоит щенок, как движется.

Полковник
В. СЕВОДНЯЕВ,
начальник службы
собак Главного
управления командую-
щего внутренними
войсками МВД СССР.

КРОССВОРД

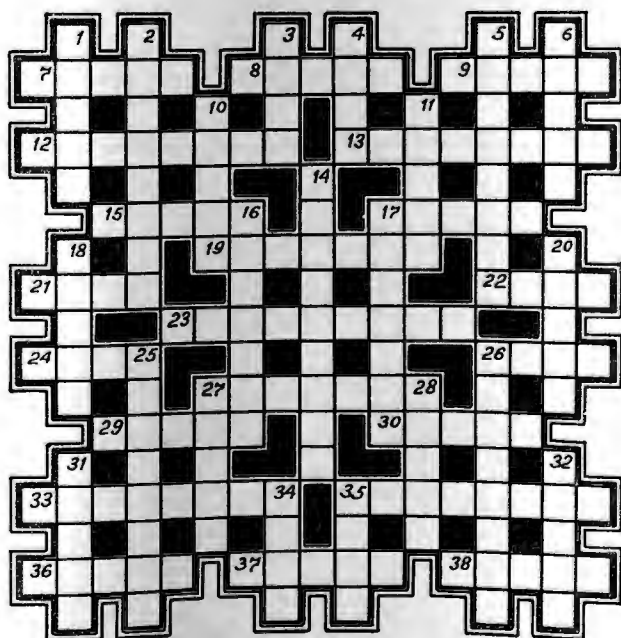

По горизонтали: 7. Военное звание. 8. Особый вид дежурства на кораблях Военно-Морского Флота. 9. Русский конструктор стрелкового оружия, создатель «трехлинейки». 12. Часть движителя танка, БМП. 13. Часть окопа, траншеи. 15. Смотр войск. 17. Орган разведки или походного охранения. 19. Фильм об активном участнике гражданской войны, снятый кинорежиссером Ю. Озеровым. 21. Город-герой. 22. Герой гражданской войны. 23. Русский полководец, ученик и сподвижник А. В. Суворова и М. И. Кутузова, герой Отечественной войны 1812 г. 24. Фортификационное сооружение. 26. Генералиссимус, командующий сухопутными вой-

сками в Азовском походе Петра I. 27. Специальность и должность в вооруженных силах ряда государств. 29. Опора для радио- и радиорелейных антенн. 30. Фигура простого пилотажа. 33. Советский писатель, автор романов «Горячий снег», «Берег». 35. Местный предмет или элемент рельефа, используемый для определения местонахождения, направления движения, управления подразделением и огнем в бою. 36. Солдат особого вида легкой пехоты в европейских и русской армиях XVIII—XX вв. 37. Установленное уставом размещение военнослужащих, подразделений и частей для их совместных действий. 38. Почетная известность как свидетель-

ство всеобщего признания заслуг, таланта.

По вертикали: 1. Нашивка из золотой и серебряной тесьмы на форменной одежде военнослужащих. 2. Гвардии рядовой Советской Армии, Герой Советского Союза, герой движения сопротивления в Италии во время 2-й мировой войны. 3. Несущая часть машины или установки. 4. Орган управления войсками. 5. Областной центр РСФСР, порт на Волге. 6. Высокий военный головной убор. 10. Стоянка войск вне населенных пунктов для отдыха или ночлега. 11. Советский авиаконструктор. 14. Военнослужащий, обучающийся в вузе, академии. 16. Одна из основных географических координат. 17. Дважды Герой Советского Союза, генерал-лейтенант авиации, участник антифашистской войны в Испании, боев на Халхин-Голе. 18. Артиллерийский стрелковый термин. 20. Маршал авиации. 25. Участок местности, захваченный наступающими войсками в ходе форсирования водной преграды. 26. Артиллерийский снаряд, содержащий круглые пули. 27. Начальный момент взлета летательного аппарата. 28. Летчик-космонавт СССР. 31. Советский разведчик, Герой Советского Союза. 32. Крупное сражение. 34. Единица мощности. 35. Любимая книга Павки Корчагина, героя романа Островского «Как закалялась сталь».

СОДЕРЖАНИЕ

ЧИТАЙТЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

■ В ОСОБОМ РАЙОНЕ

ВЛАСКО В. Приказано выжить. А как? 2

■ ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

ПАНКРАТЬЕВ А., ЗЕЛЬЕВ А. Стихи 8

ЗЛОТНИКОВ Р. Курортный сезон (рассказ) 10

ПИКУЛЬ В. «Барбаросса» (отрывки из романа) 33

ГУРОВ А., РЯБИННИН В. Исповедь «вора в законе» (окончание) 75

■ ОЧЕРК. ПУБЛИЦИСТИКА

ИЛЬИН И. Что сулит миру расчленение России 16

ВОРОБЬЕВСКИЙ Ю. Денежная реформа. Кто ее боится? 22

Арнольд и Лорен Локшины: «Наш долг — предупредить» 25

СКОБЕЛЕВ Э. Читая Троцкого 65

АНДРЕЕВ А. «Серый генерал», или О чем молчат экспонаты в музее С. Бандеры 85

ТЕПЛИНСКИЙ В. «Меня волнует неразборчивость людская» 29

ГЛИВКА И. Мутный кристалл 31

■ ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ГЛАДКОВ М. Ушу — искусство и оружие 90

Рыболовам и охотникам 92

СЕВОДНЯЕВ В. Как выбрать щенка 94

Конкурс войсковых всезнаек 95

...Курок был взведен. Получив благословение парламента и Народного фронта, на юг Молдовы устремились «механизированные» колонны волонтеров... Казалось, еще немного, и сбудется угроза премьер-министра Мирчи Друка: «Если наших объяснений они не примут, тогда будет Ольстер или Карабах».

Ю. КИСЛЫЙ.

«Когда спит разум».

«Русская идея» сегодня — это единая ноосфера, это соединение наших святынь. Иначе нам не выжить в мире, как миру не выжить без нас.

Р. КОСОЛАПОВ.

«Бедная русская идея».

Выстрел ударил по нервам так внезапно, что Кузьма Федорович опустил на колени и не успел заметить, откуда он прозвучал. Завизжала и кинулась к хозяину Альма. Справа и слева хлопнули из двух винтовок...

А. КОНАНОВ.

«Служивый» (рассказ).

Журнал зарегистрирован в Госкомпечати СССР 25 сентября 1990 года под № 241.

Редакция может не разделять точки зрения авторов ряда статей, публикуемых в порядке обсуждения.

Художественное оформление Е. Н. Селиковой.

Технический редактор И. В. Володина.

Корректоры Е. Ю. Гаврилова, И. Ю. Семибратова.

Адрес редакции: 111250, Москва, Е-250.
Телефоны: секретариата — 361-82-57. Отделов: войсковой жизни — 361-85-23, социально-политических проблем — 361-82-87, военного очерка и публицистики — 361-86-27, литературы и критики — 361-85-28, культуры и массовой работы — 361-89-39, издательства и рекламы (вопросы подписки) — 361-80-97, художественного оформления — 361-85-21, литературных приложений — 361-85-52, бухгалтерии — 361-85-30.

Сдано в набор 5.11.90 г.

Формат бумаги 70×108^{1/8}.

Усл. печ. л. 8,4+2 вкл. 1/4 п. л.

Уч.-изд. л. 13,3.

Тираж 115 000 экз

Зак. № 2830

Цена 90 коп

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда», Хорошевское шоссе, 38.

МИНСК

МикроЭВМ
ЭЛЕКТРОНИКА МК-90
(микрокалькулятор)

220127, МИНСК

ЗАВОД ЭЛЕКТРОНИКА

МИКРОКАЛЬКУЛЯТОР

ЭЛЕКТРОНИКА МК90

ЕСЛИ ВЫ ЗАНИМАЕТЕСЬ НАУЧНЫМИ, ИНЖЕНЕРНЫМИ, СТАТИСТИЧЕСКИМИ РАСЧЕТАМИ, НУЖДАЕТЕСЬ В ОПЕРАТИВНОЙ РАБОТКЕ И ПЕЧАТЕНИИ РАЗЛИЧНОЙ ТЕКСТОВОЙ, СИМВОЛЬНОЙ И ГРАФИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ, — ПРИОБРЕТАЙТЕ В ЛИЧНОЕ ПОЛЬЗОВАНИЕ МИКРОЭВМ «ЭЛЕКТРОНИКА МК-90» (МИКРОКАЛЬКУЛЯТОР).

Миниатюрная электронно-вычислительная машина отечественного производства поможет вам достичь больших успехов в работе.

Предназначена:
— для научных, инженерных, статистических расчетов;
— для оперативной обработки, хранения и отображения различной текстовой, символической и графической информации.

Габаритные размеры — 30 мм × 250 мм × 140 мм.
Масса — не более 0,7 кг.
Потребляемая мощность — не более 0,2 Вт.

«Электроника МК-90» предоставляет пользователю возможности:
— быстрого ввода более 50 операторов в память;
— построения графиков, таблиц, диаграмм, схем на экране;
— вывода алфавитно-цифровой информации на экран в различном масштабе и направлении;
— редактирования текста; управления звуковым сигналом;
— работы в качестве информационного устройства с использованием персонального набора программ, формируемого пользователем и хранящегося в сменном модуле памяти, и другие.

Тех, кто еще не выбрал дальнейший путь, приглашает на Ульяновский автомобильный завод, выпускающий известные в стране и за рубежом автомашины семейства УАЗ. Предприятия требуются: токари, фрезеровщики, шлифовщики, слесари-сборщики, слесари-ремонтники и инструментальщики, операторы и наладчики станков и автоматических машин, роботов и станков с числовым программным управлением, кузнецы, штамповщики, сварщики, а также рабочие всех строительных специальностей. Не имеющие специальности приобретут ее в процессе работы.

Прибывшие на завод воины размещены в благоустроенном общежитии, им оказывается безвозмездная материальная помощь в размере от 200 до 1000 рублей. Желающие могут быть направлены на учебу в вуз с выплатой стипендии до 150 рублей в месяц. На заводе имеется комплекс современных медицинских культурно-бытовых учреждений, выделяются для продажи различные марки автомобилей, в том числе и собственного производства.

АВТО УАЗ

приглашает

СПРАВКИ ПО АДРЕСУ: 432008,
УЛЬЯНОВСК, АВТОЗАВОД,
УПРАВЛЕНИЕ РАБОЧИХ КАДРОВ,
А ТАКЖЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:
36-06-19, 36-19-04, 39-18-39.

